

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

**СИБИРСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**SIBERIAN JOURNAL
OF PSYCHOLOGY**

№ 60

**Томск
2016**

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим периодическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. Журнал адресован профессионалам в области психологии, педагогики и других наук о человеке. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

В настоящее время «Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ N77-12789 от 31 мая 2002 г.). Учредитель Томский государственный университет. Подписной индекс И54242 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал индексируется eLIBRARY.RU

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии; сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Залевский Г.В. – главный редактор (Томский государственный университет, Томск). E-mail: Usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – заместитель главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyano7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Левницкая Т.Е.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Муравьева О.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (НИИ психического здоровья Сибирского отделения РАМН, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Клочко В.И.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс Колледж университета Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор К.Г. Шилько; корректор Е.Г. Шумская; редакторы-переводчики: А.А. Шушаникова, Е.О. Алексеевская, В.Н. Горнинцева; оригинал-макет А.И. Лелоюр; дизайн обложки Л.Д. Кривцова.

Подписано в печать 18.06.2016 г. Формат 70x108^{1/16}. Усл. печ. л. . Тираж 500 экз. Заказ № 1950.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8+(382-2)-53-15-28. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

The scientific journal "Siberian journal of psychology" publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the "Siberian journal of psychology" commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief – Genrikh V. Zalevsky, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Science, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: Usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Doctor of Psychology (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Bogomaz S.A. (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Bokhan T.G.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Galazhinsky E.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kabrin V.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Karnyshev A.D.** (Irkutsk State University, Irkutsk Russian Federation); **Kozlova N.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Krasnorjadtseva O.M.** (Tomsk, Russia); **Levitskaia T.E.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Meshcheriakova E.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Muravyova O.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Seryi A.V.** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD [Russian Alphabet vise]

Asmolev A.G. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Bokhan N.A.** (Institution of Russian Academy of Medical Sciences Mental Health Research Institute of Siberian Branch of RAMSc, Tomsk, Russian Federation); **Vasserman L.I.** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russian Federation); **Garber I.E.** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russian Federation); **Zinchenko Iu.P.** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); **Znakov V.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation); **Klochko V.Y.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kovas Yu.** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **Laghi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lombardo C.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lucidi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Malykh S.B.** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation); **Takooshian H.** (Fordham University, New York, USA); **Tkhostov A.Sh.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Ushakov D.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation)

Editor K.G. Shilko; proofreader E.G. Shumskaja; editor-translators: A.A. Shushanikova, E.O. Alekseevskaya; V. Gorenintseva; camera-ready copy A.I. Leloyur; cover design L.D. Krivtsova. Passed for printing 18.06.2016. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets. Circulation - 500 copies. Order N 1950. 634050, 36 Lenina St., Tomsk, Russian Federation. Tel. +7 (382-2)-53-15-28. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Григорьев А.А. Национальный IQ и инновационная активность страны	6
Горностаев С.В. Генезис и психологическое содержание научной проблемы лояльности	22
Егоров Д.М. Зависимость индивидуальных стратегий восприятия лжи от форм ее предъявления	40
Нелюбин Н.И. Проблема мышления в психологии: системно-антропологический ракурс	53
Толстолес Е.С. Проблема аутентификации личностных и профессиональных компетенций студентов ориентированных на клиническую деятельность в медицине	65
Яремчук С.В., Ситяева С.М., Махова И.Ю. Субъективное благополучие и эмоциональные переживания в контексте адаптации личности к длительной экстремальной ситуации	77

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Малкова И.Ю., Даничкина В.Е. Психические состояния, сопровождающие становление научно-исследовательской деятельности молодых ученых	93
Буторин Г.Г., Бенько Л.А. Синдромы невропатии и психического инфантилизма в структуре психических расстройств детского возраста	108
Кукшина А.А., Котельникова А.В., Тихонова А.С., Гозулов А.С. Половозрастные особенности и психоэмоциональное состояние больных с нарушением двигательных функций	120
Левицкая Т. Е., Богомаз С.А., Козлова Н.В., Лучиди Ф., Атаманова И.В., Тренькаева Н.А., Щеглова Э.А. Развитие навыков саморегуляции у спортсменов высших достижений	130
Терехина О.В. Проблема экологического стресса у населения, проживающего в зоне атомного производства	148

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сиврикова Н.В., Бережная Д.Ю. Взаимосвязь ценностей со стилем медиапотребления студентов	166
Задорожная О.В., Новохатько Е.Н. Отношение педагогов к подростковой сексуальности в соответствии с типом гендерной идентичности	181

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Grigoriev A.A. National IQ and innovational activity of a country	6
Gornostaev S.V. Genesis and psychological content of the scientific loyalty problem	22
Egorov D.M. Relation between individual strategies of lie perception and forms of its presentation	40
Nelyubin N.I. The problem of thinking in psychology: system-anthropological perspective	53
Tolstoles E.S. Problem of personal and professional skills authentication among students oriented at activities in clinical medicine	65
Yaremtchuk S.V., Sityaeva S.M., Makhova I.Ju. Adaptation to emergency situation: emotions and subjective well-being	77

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

Bokhan T.G., Shabalovskaya M.V., Malkova I.Y., Danichkina V.E. Mental states accompanying formation of research activity of young scientists	93
Butorin G.G., Benko L.A. The syndromes of neuropathy and mental infantilism in the structure of mental disorders in childhood	108
Kukshina A.Al., Kotel'nikova A.V., Tikhonova A.S., Gozulov Al.S. Age and gender characteristics and psycho-emotional state of patients with motor function disorders	120
Levitskaya T.Ye., Bogomaz S.A., Kozlova N.V., Lucidi Fabio, Atamanova I.V., Trenkaeva N.A., Shcheglova El.A. Developing self-regulation skills in high level sport athletes	130
Terekhina O.V. The problem of ecological stress among the population living in the area of nuclear production	148

SOCIAL PSYCHOLOGY

Sivrikova N.V., Berezhnaya D.Yu. Interrelation of values with style of media consumption of students	166
Zadorozhnaya O.V., Novokhatko E.N. The attitude of teachers towards adolescent sexuality in accordance with the type of gender identity	181

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.17223/17267080/60/1

А.А. Григорьев

Институт психологии РАН (Москва, Россия)

Национальный IQ и инновационная активность страны

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-36-11139 «Интеллект как фактор национальной безопасности России».

Рассматриваются связи показателей инновационной активности страны с национальным IQ, эффективностью работы правительства и уровнем коррупции в стране. Показано, что связи этих показателей с национальным IQ являются нелинейными. Прослежены также динамика инновационной активности и ее связи с данными переменными. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эффективность работы правительства и уровень коррупции вносят независимый от национального IQ вклад в инновационную активность.

Ключевые слова: *инновационная активность; национальный IQ; эффективность работы правительства; коррупция; динамика инновационной активности.*

В современную эпоху международное положение страны в значительной степени определяется ее инновационной активностью и эффективностью инноваций. Будет ли страна потребителем постоянно обновляющихся высокотехнологичной продукции, технологий, программных продуктов из других стран, вместе с которыми она будет импортировать и культурные образцы, расплачиваясь за это своим национальным достоянием, или же она будет экспортировать результаты своих разнообразных достижений, зависит от того, насколько интенсивно и эффективно ведутся в ней работы в области науки и техники. Поэтому важнейшим вопросом является вопрос о факторах, обуславливающих успешность страны в данной области.

В последние годы некоторые авторы изучают роль в инновационной эффективности страны ее национального IQ – среднего интеллекта населения страны [1]. Так, исследовались связи национального IQ с количеством Нобелевских премий и международных наград в области математики, полученных жителями страны [2–4]. Было показано, что доля в населении страны специалистов, занятых исследованиями или проектированием, кор-

релирует с национальным IQ [1]. Коррелируют с его оценками также процент высокотехнологичной продукции в экспорте и число патентных заявок относительно численности населения [3].

Нельзя сказать, что выводы исследований национального IQ и его связей с различными показателями стран, в том числе с показателями инновационной активности, не встречают критики. Часто выдвигаемое возражение состоит в том, что за связями национального IQ с другими показателями стоят третьи переменные. Так, в одной работе [5] показано, что число статей в научных журналах, написанных жителями страны, на 1 млн жителей теснее связано с валовым внутренним продуктом на душу населения, чем с национальным IQ. На основании этого заявляется, что и число статей, и IQ могут быть функциями благосостояния. Подобные возражения чаще всего выдвигаются неспециалистами, не имеющими представления о степени обоснованности посылок, на которых базируется утверждение о детерминирующей роли интеллекта. Например, автор процитированной работы считает спорным вопрос о степени наследуемости общего интеллекта – вопрос, в настоящее время не вызывающий среди специалистов особых разногласий.

Таким образом, проведенные исследования связей национального IQ с различными показателями стран дают основание считать, что он играет в достижениях страны, в том числе научно-технических, очень важную роль. Но они оставляют и ряд вопросов. Например, Р. Линн и Т. Ванханен [1], отмечая, что связь национального IQ с долей в населении страны специалистов, занятых исследованиями или проектированием, крайне нелинейная, ограничились анализом ее как линейной. Между тем констатация нелинейности связи должна повлечь за собой дополнительный анализ. Не рассматриваются временные изменения показателей инновационной активности и их связи с национальным IQ. Это вызывает необходимость проведения новых исследований. В настоящей работе делается попытка осветить некоторые вопросы: анализируются связи национального IQ с показателями инновационной активности с учетом их возможной нелинейности и рассматриваются временные изменения этих показателей. Предметом специального интереса является соответствие этих показателей у России ее национальному IQ.

Показатели

В настоящей работе рассматриваются семь показателей: национальный IQ, четыре показателя инновационной активности и два дополнительных показателя. Показателями инновационной активности выступают число специалистов, занимающихся исследованиями или проектированием на 1 млн жителей страны (СИП), процент высокотехнологичной продукции в экспорте промышленных товаров (ЭВТП%), стоимость экспортируемой высокотехнологичной продукции в долларах США (ЭВТП\$), число патентных заявок от лиц, постоянно проживающих в стране (ПЗПП). Двумя

дополнительными показателями являются индекс эффективности работы правительства (ИЭРП) и индекс восприятия коррупции (ИВК). Предположительно эти показатели вносят определенный вклад в предсказание инновационной активности и страны. Кроме того, представляет интерес их связь с национальным IQ.

Все оценки национального IQ, кроме оценки для Казахстана, взяты из книги Р. Линна и Т. Ванханена [1]. Оценка для Казахстана была получена после выхода их книги и приведена в статье [6]. Оценки национальных IQ выражены в шкале со средним 100 и стандартным отклонением 15, соответствующим среднему и стандартному отклонению, полученным в британских стандартизациях использовавшихся тестов.

Данные по показателям инновационной активности можно найти по ссылке: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2015>

Описание ИЭРП см. по ссылке: <http://gtmarket.ru/>

Данные по этому показателю были взяты из источника: <http://www.govindicators.org>

Данные по ИВК можно найти по ссылке: <http://www.transparency.org/cpi>

По показателям инновационной активности были использованы усредненные данные за 2010–2013 гг., по ИЭРП и по ИВК – данные за 2013 г. (большие значения ИВК означают низкий уровень коррупции). Так как данные по ЭВТП\$ и ПЗПП приводятся в источнике в «валовых» величинах, они пересчитаны нами относительно размера популяций: ЭВТП\$ представлял собой в нашем анализе стоимость экспортируемой высокотехнологичной продукции на одного жителя страны в долларах США, ПЗПП – число патентных заявок на 1 млн жителей страны.

Результаты и обсуждение

Значения всех показателей для 201 страны и территории, для которых имеются значения хотя бы по одному показателю, приведены в табл. 1.

Таблица 1
Национальный IQ, СИП, ЭВТП%, ЭВТП\$, ПЗПП, ИЭРП и ИВК
для 201 страны и территории

Страна	Национальный IQ	СИП	ЭВТП, %	ЭВТП, \$	ПЗПП	ИЭРП	ИВК
Австралия	98		12,65	199,52	115,99	1,62	81
Австрия	99,5	4531,04	12,53	1900,63	267,34	1,57	69
Азербайджан			5,78	3,40	20,29	-0,46	28
Албания			0,60	2,23	1,03	-0,33	31
Алжир			0,25	0,09	2,73	-0,60	36
Ангола		52,41				-1,26	23
Андорра						1,53	
Антигуа и Барбуда			0,00	0,00		0,48	
Аргентина	96	1196,15	8,13	47,73	16,29	-0,29	34
Армения	92		2,49	2,13	43,61	0,07	36

Национальный IQ и инновационная активность страны

Страна	Национальный IQ	СИП	ЭВТП, %	ЭВТП, \$	ПЗПП	ИЭРП	ИВК
Афганистан						-1,43	8
Багамские Острова			0,00	0,00		0,86	71
Бангладеш	81		0,18	0,23	0,37	-0,82	27
Барбадос	80		13,28	71,60	10,62	1,35	75
Бахрейн	81	43,75	0,13	1,00	1,75	0,58	48
Беларусь			3,22	60,81	175,59	-0,94	29
Белиз			2,42	0,41		-0,19	
Бельгия	99	3893,05	10,61	3115,03	61,53	1,59	75
Бенин			1,60	0,05		-0,55	36
Бермудские Острова	90		9,84	23,98		1,00	
Болгария	92,5	1585,00	7,77	134,11	35,22	0,15	41
Боливия	87	165,95	10,08	4,48		-0,40	34
Босния (Босния и Герцеговина)	94	183,74	2,60	21,64	7,04	-0,45	42
Ботсвана	71	164,90	0,70	17,13	2,17	0,28	64
Бразилия	87	698,10	10,26	41,88	23,17	-0,08	42
Бруней			14,01	145,34		0,86	60
Буркина-Фасо		47,50	9,13	0,39	0,13	-0,62	38
Бурунди			3,75	0,03		-1,07	21
Бутан			0,07	0,27	4,00	0,36	63
Вануату			33,88	7,31		-0,21	
Великобритания	100	4038,73	17,95	875,25	241,04	1,47	76
Венгрия	96,5	2338,02	20,31	1728,70	66,48	0,64	54
Венесуэла	84	239,81	2,25	1,83	1,12	-1,14	20
Восточный Тимор			9,78	1,62		-1,26	30
Вьетнам	94		17,95	160,83	4,04	-0,30	31
Габон						-0,77	34
Гаити					2,08	-1,53	19
Гайана			0,12	0,09		-0,16	27
Гамбия	62	33,50	3,10	0,01		-0,72	28
Гана	70	38,68	3,98	1,59		-0,09	46
Гватемала	79	25,32	4,89	12,68	0,36	-0,71	29
Гвинея	66,5					-1,32	24
Гвинея-Бисау						-1,44	19
Германия	99	4285,08	15,52	2213,53	579,14	1,52	78
Гондурас	81		2,22	2,84	0,69	-0,74	26
Гонконг	108	2942,16	14,56	118,09	24,97	1,73	75
Гренада						0,27	
Гренландия			25,15	75,60		0,91	
Греция	92	2357,59	8,93	93,59	62,50	0,45	40
Грузия		561,63	2,05	3,51	32,06	0,53	49
Дания	98	7086,20	14,08	1589,09	266,48	1,97	91
Джибути					1,16	-1,18	36
Доминика	67		4,42	13,36		0,71	58
Доминиканская Республика	82		2,42	9,56	1,42	-0,49	29
Египет	81	514,62	0,73	1,09	7,51	-0,89	32
Замбия	75		8,27	5,49	0,47	-0,48	38

Страна	Националь- ный IQ	СИП	ЭВТП, %	ЭВТП, \$	ПЗПП	ИЭРП	ИВК
Зимбабве	71,5	89,61	2,90	0,97		-1,14	21
Израиль	95	7789,28	15,02	1135,76	170,27	1,22	61
Индия	82	156,64	7,19	10,35	7,54	-0,19	36
Индонезия	87		8,11	21,59	2,31	-0,24	32
Иордания	84		2,31	16,80	6,73	-0,11	45
Ирак	87	420,87				-1,08	16
Иран	83,5	738,19	4,29	8,27	147,24	-0,70	25
Ирландия	92,5	3233,78	21,97	4885,89	112,09	1,46	72
Исландия	101	7034,55	17,92	386,45	138,31	1,48	78
Испания	97	2762,16	6,87	291,27	71,17	1,15	59
Италия	97	1835,28	7,23	481,81	144,38	0,45	43
Иемен	83		0,31	0,04	1,07	-1,20	18
Кабо-Верде		50,49	0,60	0,13		0,12	58
Казахстан	87,3	524,33	31,42	172,99	98,71	-0,54	26
Камбоджа			0,12	0,61	0,07	-0,92	20
Камерун	64		4,84	0,88		-0,86	25
Канада	100	4622,08	13,23	738,39	134,41	1,77	81
Катар	83	597,06	0,25	2,12	2,89	1,07	68
Кения	74	230,73	5,70	2,48	2,74	-0,49	27
Кипр		797,79	21,09	70,62	2,97	1,35	63
Киргизия			3,48	1,95	21,53	-0,69	24
Кирибати			27,30	2,24	165,83	-0,85	
Китай	105,5	1001,43	26,64	357,65	361,03	-0,03	40
Колумбия	83,5	169,94	5,49	11,12	4,17	0,04	36
Коморы						-1,44	28
Республика Конго	73		2,67	14,02		-1,22	22
Демократическая Республика Конго	68					-1,59	22
Косово						-0,41	33
Коста-Рика	86	1280,09	40,94	565,99	2,85	0,47	53
Кот-д-Ивуар	71		6,78	3,85	1,23	-1,04	27
Куба	85				3,73	-0,44	46
Кувейт	86,5	129,43	1,43	23,40		-0,07	43
Лаос	89					-0,76	26
Латвия		1873,64	9,67	313,15	93,88	0,88	53
Лесото		5,85				-0,38	49
Либерия						-1,33	38
Ливан	82		4,85	23,38		-0,39	28
Ливия	85					-1,50	15
Литва	92	2758,21	10,39	507,17	35,41	0,82	57
Лихтенштейн						1,73	
Люксембург		5124,02	8,43	1857,38	183,27	1,62	80
Маврикий	89	181,11	0,74	6,53	1,86	0,88	52
Мавритания						-0,90	30
Мадагаскар	82	51,58	2,59	0,72	0,23	-1,12	28
Макао		735,64	0,00	0,00	8,58	1,04	
Македония		567,65	3,71	52,01	18,86	-0,06	44
Малави	60	49,57	3,48	0,23		-0,56	37

Национальный IQ и инновационная активность страны

Страна	Национальный IQ	СИП	ЭВТП, %	ЭВТП, \$	ПЗПП	ИЭРП	ИВК
Малайзия	88,5	1638,00	43,80	2101,99	40,13	1,10	50
Мали	69,5	29,17	2,22	0,19		-0,84	28
Мальдивы						-0,28	
Мальта	97	1858,47	44,65	2851,24	26,88	1,25	56
Марианские острова	81						
Марокко	84	788,48	6,67	27,44	6,34	-0,07	37
Маршалловы Острова	84					-1,58	
Мексика	88	381,48	16,43	346,02	9,31	0,31	34
Микронезия						-0,56	
Мозамбик	64	37,51	16,46	2,50		-0,65	30
Молдавия		664,28	5,43	5,15	27,81	-0,40	35
Монголия	100		15,85	7,72	43,53	-0,54	38
Мьянма/Бирма			0,00	0,00		-1,51	21
Намибия	72		2,45	24,45		0,19	48
Непал	78		0,38	0,09	0,36	-0,93	31
Нигер			17,37	0,79		-0,71	34
Нигерия	71		1,73	0,39	0,31	-1,01	25
Нидерландские Антильские острова	87					0,74	
Нидерланды	100	3820,13	20,39	3882,52	146,61	1,77	83
Никарагуа			2,68	1,00	0,51	-0,82	28
Новая Зеландия	99	3700,77	9,59	150,12	348,33	1,75	91
Новая Каледония	85		8,94	327,12			
Норвегия	100	5506,85	18,14	885,74	218,20	1,86	86
ОАЭ	83			6,84	2,40	1,17	69
Оман	84,5	149,40	2,50	34,29		0,21	47
Острова Кука	89						
Пакистан	84	158,95	1,75	1,76	0,64	-0,80	28
Палестина	86						
Панама		115,21	9,17	323,91	4,03	0,32	35
Папуа – Новая Гвинея	82,5		8,82	5,76		-0,71	25
Парагвай	84	109,91	7,08	6,94	2,90	-0,88	24
Перу	85		4,97	7,68	1,70	-0,14	38
Польша	95	1730,04	6,80	253,15	103,34	0,71	60
Португалия	94,5	4069,79	3,80	153,40	55,55	1,23	62
Пуэрто-Рико	83,5	260,12				0,36	62
Россия	96,5	3094,99	8,85	45,87	196,82	-0,36	28
Руанда	76		4,03	0,12	3,70	0,00	53
Румыния	91	905,55	8,31	185,49	59,89	-0,07	43
Сальвадор			5,14	30,61		-0,13	38
Самоа (Западное)	88		0,28	0,52		0,14	
Сан-Томе и Принсипи			11,12	0,36		-0,74	42
Саудовская Аравия	79		0,66	8,13	12,85	0,06	46
Свазиленд					3,69	-0,44	39
Сев. Корея					329,20	-1,93	8
Сейшельские Острова						0,28	54
Сенегал	70,5	361,12	1,29	0,80		-0,48	41
Сент-Винсент	71		0,07	0,04		0,90	62

Страна	Национальный IQ	СИП	ЭВТП, %	ЭВТП, \$	ПЗПП	ИЭРП	ИВК
Сент-Китс и Невис			0,71	3,23		0,90	
Сент-Люсия	62					0,97	71
Сербия	89	1301,53		42,43	29,85	-0,10	42
Сингапур	108,5	6414,93	46,84	24664,56	198,80	2,07	86
Сирия	80,5		1,34	1,81		-1,34	17
Словакия	98	2794,41	8,35	1028,06	37,49	0,78	47
Словения	96	4134,42	5,98	663,03	222,35	1,00	57
Соломоновы Острова			50,02	0,26		-0,86	
Сомали						-2,21	8
Судан	77,5		0,43	0,00		-1,53	11
Суринам	89		9,32	9,82		0,00	36
США	98	3965,48	18,40	469,27	835,53	1,50	73
Сьерра-Леоне	64					-1,14	30
Таджикистан					0,52	-1,08	22
Таиланд	88	543,47	21,35	503,68	17,64	0,21	35
Тайвань	105					1,19	61
Танзания	72,5	35,04	6,12	1,06		-0,67	33
Тибет	92						
Того		35,01	0,17	0,10		-1,37	29
Тонга	86		2,22	0,48		-0,20	
Тринидад и Тобаго			0,10	2,34		0,35	38
Тунис	84	1308,06	5,03	58,99	11,94	0,00	41
Туркмения						-1,32	17
Турция	88,5	1034,10	1,87	26,42	53,86	0,37	50
Уганда	72	38,09	11,71	2,36	0,27	-0,58	26
Узбекистан		533,73			10,27	-0,94	17
Украина	95	1248,48	5,23	44,70	57,77	-0,65	25
Уругвай	96	535,08	7,67	46,46	6,40	0,41	73
Фиджи	85		2,80	4,35		-0,96	
Филиппины	90		49,39	181,92	1,93	0,06	36
Финляндия	97	7444,78	8,99	898,01	309,01	2,17	89
Франция	98	4009,20	24,98	1626,79	223,85	1,47	71
Хорватия	99	1581,48	8,65	162,52	54,20	0,69	48
Центральноафриканская Республика	64		4,65	0,03		-1,78	25
Чад						-1,50	19
Черногория		703,42		9,22	41,51	0,16	44
Чехия	98	3023,59	15,59	1994,39	83,39	0,88	48
Чили	91	354,68	4,91	28,96	19,41	1,25	71
Швейцария	101	4481,07	25,63	6162,38	195,68	1,81	85
Швеция	99	5506,80	13,62	1799,02	232,38	1,89	89
Шри-Ланка	79	105,93	0,99	3,09	12,07	-0,23	37
Эквадор	88	160,80	4,62	5,34	0,27	-0,49	35
Экваториальная Гвинея						-1,59	19
Эритрея	75,5					-1,54	20
Эстония	99	3314,10	10,98	910,06	35,97	0,98	68
Эфиопия	68,5	43,69	2,39	0,07		-0,52	33

Национальный IQ и инновационная активность страны

Страна	Национальный IQ	СИП	ЭВТП, %	ЭВТП, \$	ПЗПП	ИЭРП	ИВК
Южная Корея	106	6012,96	27,12	2483,41	2897,12	1,12	55
Южная Африка	72	384,13	5,13	41,46	13,13	0,43	42
Южный Судан				0,31		-1,49	14
Ямайка	71		0,63	1,47	7,49	-0,02	38
Япония	105	5149,48	17,41	933,89	2224,72	1,59	74

Диаграммы рассеивания национального IQ и шести остальных показателей представлены на рис. 1–6.

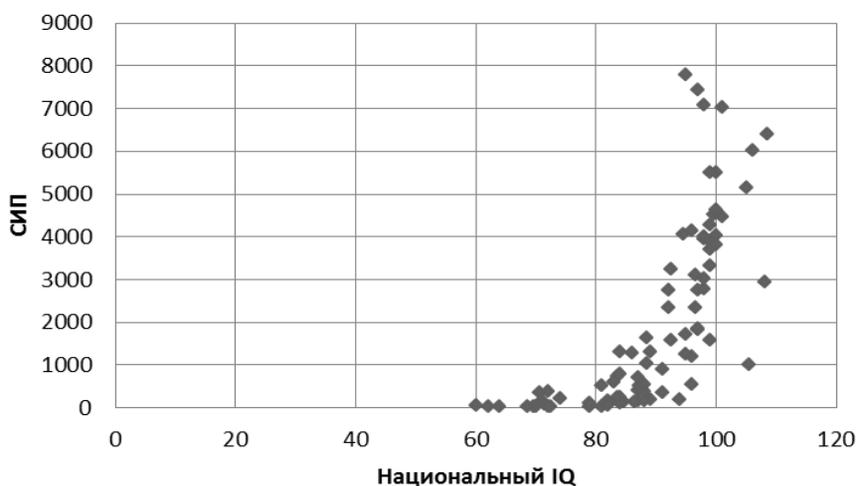

Рис. 1. Диаграмма рассеивания национального IQ и СИП

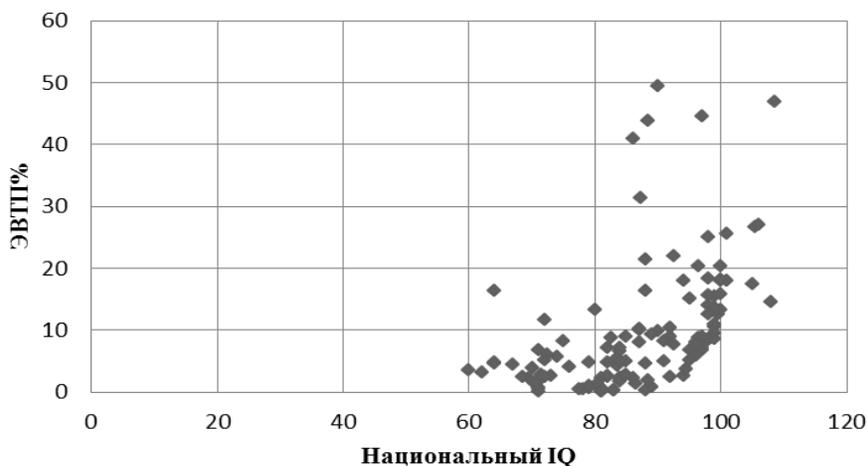

Рис. 2. Диаграмма рассеивания национального IQ и ЭВТП%

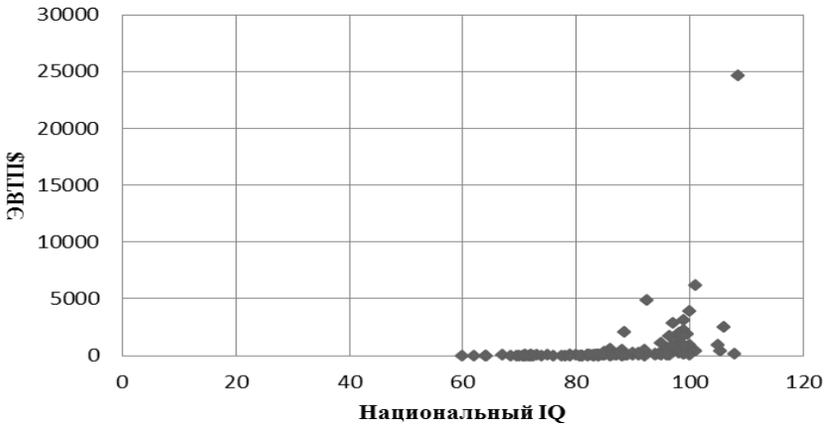

Рис. 3. Диаграмма рассеивания национального IQ и ЭВПП\$

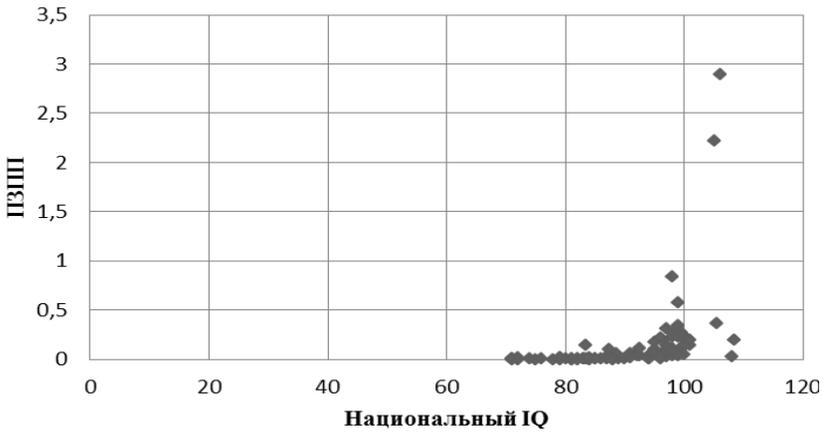

Рис. 4. Диаграмма рассеивания национального IQ и ПЗПП

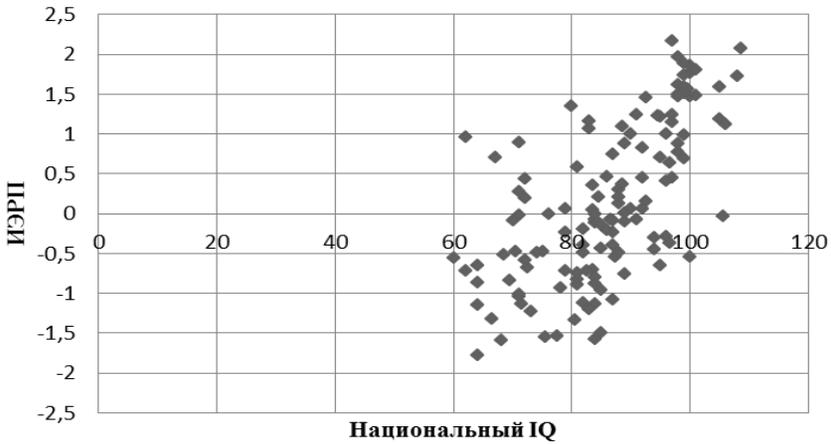

Рис. 5. Диаграмма рассеивания национального IQ и ИЭРП

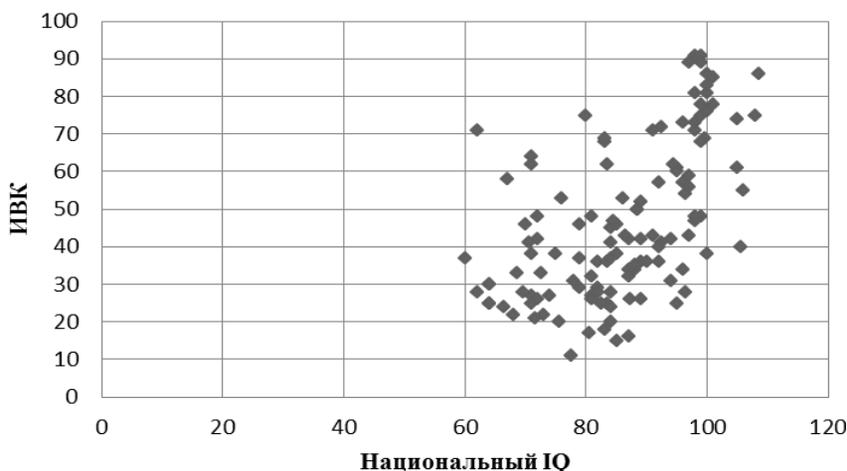

Рис. 6. Диаграмма рассеивания национального IQ и ИВК

Как можно видеть в диаграммах рассеивания, связи национального IQ с СИП, ЭВТП\$ и ПЗПП являются резко нелинейными. Нелинейной, хотя и не столь резко, является и связь его с ЭВТП%. О линейности можно говорить только относительно связей национального IQ с ИЭРП и ИВК, хотя в последней нелинейность тоже прослеживается. Поэтому мы проанализируем как линейные только связи национального IQ с ИЭРП и ИВК, связи же его с показателями инновационной активности, исходя из того, что, не являясь линейными, эти связи, в целом, являются монотонными (см. рис. 1–4), проанализируем в терминах рангов.

Начнем с анализа связей национального IQ с ИЭРП и ИВК – линейных связей. Линейная корреляция ИЭРП с ИВК очень высока: 0,937. По столь высокой корреляции, при наличии содержательного основания, допустимо заключить, что исследователь имеет дело с двумя измерениями одной переменной. Линейные корреляции национального IQ с этими двумя показателями умеренные: 0,649 с ИЭРП и 0,559 с ИВК. В контексте данного исследования ИЭРП и ИВК представляют особый интерес потому, что стандартные остатки при их предсказании по национальному IQ у России отрицательные и большие: $-1,455$ в случае ИЭРП и $-1,684$ в случае ИВК. То есть эффективность работы правительства в России значительно ниже, а уровень коррупции значительно выше, чем следует ожидать по уровню национального IQ, если валидны используемые показатели.

Какие еще страны характеризуются большими отрицательными (меньше -1) остатками по обоим показателям? Это Ливия ($-2,105$ и $-1,791$), Монголия ($-1,955$ и $-1,293$), Украина ($-1,726$ и $-1,776$), Ирак ($-1,697$ и $-1,848$), Китай ($-1,687$ и $-1,492$), Судан ($-1,589$ и $-1,595$), Йемен ($-1,565$ и $-1,497$), Сирия ($-1,559$ и $-1,412$), Венесуэла ($-1,550$ и $-1,436$), Лаос ($-1,422$ и $-1,369$), Аргентина ($-1,323$ и $-1,299$), Парагвай ($-1,210$ и $-1,199$), Вьетнам ($-1,186$ и $-1,361$), Казахстан ($-1,001$ и $-1,271$). Как можно видеть, в этот

список попали еще две бывшие республики СССР (Украина и Казахстан) и четыре бывшие социалистические страны: Монголия, Китай, Лаос и Вьетнам. Это согласуется с результатами других авторов [7], показавших, что наличие у страны «коммунистической истории» является значимым предиктором уровня коррупции. Можно ли приписать большие отрицательные остатки регрессии у трех бывших советских республик и четырех бывших соцстран только социалистическому наследию? Едва ли, потому что две бывшие прибалтийские республики, Литва и Эстония, характеризуются положительными остатками по обоим показателям, как и Польша, Словения, а Куба и Чехия – отрицательными (небольшими) остатками только по одному показателю. Отрицательными (не переходящими –1) остатками по обоим показателям характеризуются Армения, Болгария, Венгрия, Румыния, Сербия, Словакия и Хорватия. Не проводилось измерений IQ в Беларуси, Латвии, Молдавии, ряде других стран. Но можно не сомневаться, что у Латвии остатки были бы положительными, у Беларуси и Молдавии – отрицательными (на основании значений этих стран по ИЭРП и ИВК и IQ в соседних странах). Так что за знаками остатков регрессии стоит, по-видимому, не недавнее противопоставление «двух лагерей», а коррелировавшее с ним противопоставление «Восток–Запад» (скорее культурное, чем географическое).

Обратимся к рассмотрению связей национального IQ с показателями инновационной активности.

Среди 137 стран, для которых есть оценки национального IQ, ранг России 31,5. Среди 100 стран с оценками СИП ранг России 25. Среди 155 стран с оценками ЭВТП% ранг России 58. Среди 159 стран с оценками ЭВТП\$ ранг России 59. Среди 118 стран с оценками ПЗПП ранг России 17. Если считать примерным соответствием нахождение в одной и той же четверти распределений, то можно констатировать, что показатели России по количеству специалистов, занятых исследованиями и проектированием, и по числу патентных заявок соответствуют ее национальному IQ. Несоответствие имеет место в случае показателей экспорта высокотехнологичной продукции, но оно не очень велико – ранги этих показателей и национального IQ находятся в соседних четвертях распределения. Таким образом, можно заключить, что, в отличие от показателей эффективности работы правительства и уровня коррупции, показатели инновационной активности в России не показывают резкого несоответствия ее национальному IQ.

Вносят ли показатели ИЭРП и ИВК что-либо в предсказание показателей инновационной активности сверх национального IQ? Рассмотрим соответствующие связи на диапазоне значений национального IQ 95 и выше. Как показывает рассмотрение диаграмм рассеивания, на данном диапазоне связи национального IQ, ИЭРП и ИВК с показателями инновационной активности являются в целом линейными. Интеркорреляции всех показателей на этом диапазоне приведены в табл. 2.

Таблица 2

Интеркорреляции национального IQ, СИП, ЭВТП%, ЭВТП\$, ПЗПП, ИЭРП и ИВК на диапазоне значений национального IQ 95 и выше

	СИП	ЭВТП%	ЭВТП\$	ПЗПП	ИЭРП	ИВК
Национальный IQ	0,254	0,544	0,478	0,452	0,316	0,252
СИП		0,222	0,295	0,309	0,717	0,626
ЭВТП%			0,669	0,209	0,299	0,205
ЭВТП\$				0,010	0,330	0,278
ПЗПП					0,149	0,063
ИЭРП						0,922

Как видно из табл. 2, ИЭРП и ИВК очень высоко коррелируют и на ограниченном диапазоне значений национального IQ. Их высокая корреляция позволяет ограничиться рассмотрением одного из них, а именно ИЭРП. Для того чтобы определить, вносит ли этот показатель что-либо в предсказание показателей инновационной активности сверх национального IQ, мы оценили значимость национального IQ и ИЭРП как предикторов при предсказании каждого из показателей инновационной активности. Результаты приведены в табл. 3.

Таблица 3

Значимость предикторов «Национальный IQ» и «ИЭРП» при предсказании показателей инновационной активности

Предикторы	Показатели инновационной активности			
	СИП	ЭВТП%	ЭВТП\$	ПЗПП
Национальный IQ	Н.з.	$p < 0,01$	$p < 0,05$	$p < 0,01$
ИЭРП	$p < 0,001$	Н.з.	Н.з.	Н.з.

Таким образом, как видно из табл. 3, при высоких значениях национального IQ ИЭРП является эффективным предиктором СИП, но не ЭВТП%, ЭВТП\$ и ПЗПП.

Рассмотрим теперь временную динамику инновационной активности. Необходимо оценить устойчивость динамики ее показателей. Можно ли сказать, что страны характеризуются однонаправленными изменениями того или иного показателя? Для того чтобы сделать это, мы для каждого показателя посчитали количество положительных и отрицательных изменений у каждой страны в год за период 1996–2013 гг., определили значимость отличия доли положительных изменений от 0,5 (на 5-процентном уровне) – значимость отличия трактовалась как устойчивость динамики – и рассчитали долю стран с устойчивой динамикой. Полученные значения представлены в табл. 4 во второй строке. Величину критерия, используемого для определения значимости отличия доли положительных изменений от 0,5, можно рассматривать как показатель характера изменений показателей инновационной активности в данной стране: высокая положительная величина означает преобладание изменений в лучшую сторону, высокая отрицательная – в худшую. Корреляция этой величины с нацио-

нальным IQ показывает связь с ним характера временной динамики этих показателей. Корреляции показателей инновационной активности с национальным IQ приведены в третьей строке табл. 4. Кроме того, в этой таблице представлены корреляции данных показателей с ИЭРП и ИВК.

Т а б л и ц а 4

Доли стран с устойчивой динамикой показателей инновационной активности и корреляции характера этой динамики с национальным IQ, ИЭРП и ИВК

Параметр	СИП	ЭВТП%	ЭВТП\$	ПЗПП
Устойчивость динамики	0,508	0,045	0,185	0,106
Корреляция характера динамики с национальным IQ	0,270	0,077	0,341	0,029
Корреляция характера динамики с ИЭРП	0,421	0,048	0,169	-0,025
Корреляция характера динамики с ИВК	0,370	0,051	0,146	-0,114

Как можно видеть, показатели инновационной активности различаются по устойчивости динамики. Динамика ЭВТП% никак не может быть признана устойчивой – доля стран с «устойчивой» динамикой (0,045) почти точно та, которую надо ожидать при случайных годовых изменениях (0,050), раз в качестве критериального уровня взят 5-процентный. В противоположность ЭВТП% СИП характеризуется явной устойчивостью динамики: по этому показателю она устойчива примерно у половины стран, для которых имеется достаточно данных для оценки устойчивости динамики (таких стран оказалось 59). Начнем с рассмотрения связей динамики этого показателя как характеризующейся наибольшей устойчивостью.

Корреляция динамики по СИП с национальным IQ низка (0,270), с ИЭРП и ИВК – несколько выше (0,421 и 0,370 соответственно). Таким образом, соотношение величин корреляций динамики СИП такое же, как и соотношение величин корреляций значений этого показателя, достигнутых к 2010–2013 гг., при высоком национальном IQ (см. табл. 2). Вероятной интерпретацией здесь, на наш взгляд, является следующая: эффективность работы правительства и уровень коррупции вносят независимый от национального IQ вклад в ее инновационную активность.

Обращаясь к вопросу о динамике по СИП России, приходится констатировать, что Россия оказалась в числе пяти стран с отрицательной динамикой по этому показателю. Другие четыре страны с отрицательной динамикой – это Кувейт, Македония, Молдавия и Украина. У остальных 54 стран динамика положительная или нулевая (у одной страны – Египта). Отрицательная динамика России не является устойчивой. Тем не менее уже само отсутствие присущей большинству стран положительной динамики предостерегает от оптимистичных выводов о перспективах инновационной активности России, которые могут быть сделаны на основании ее ранговых мест по показателям инновационной активности в 2010–2013 гг.

По всей вероятности, фактором, вносящим вклад в отрицательную динамику СИП в России, Украине и, менее вероятно, Молдавии, является низкая эффективность работы правительства и высокий (в Молдавии несколько ниже) уровень коррупции. Отрицательная динамика России по СИП не соответствует ее уровню национального IQ и является, вероятно, в определенной степени обусловленной неблагоприятной ситуацией внутри страны.

Кроме СИП, устойчивость динамики, хотя и значительно меньшей, свойственна ЭВТП\$. Этот показатель характеризуется также слабой, как и СИП, связью характера динамики с национальным IQ. Связи характера его динамики, однако, с ИЭРП и ИВК заметно ниже, чем у СИП. То есть в отличие от СИП его динамика в большей степени определяется национальным IQ, чем ситуацией внутри страны. И, обращаясь к динамике России по данному показателю, можно констатировать, что она, будучи положительной и превосходя среднее значение, не находится в противоречии с ее национальным IQ.

Характер динамики двух остальных показателей инновационной активности, ЭВТП% и ПЗПП, не коррелирует с национальным IQ. Динамика одного из них, ЭВТП%, как уже было сказано, не является устойчивой, низкой устойчивостью характеризуется и ПЗПП. Отсутствие корреляции с национальным IQ вполне согласуется с неустойчивостью динамики: национальный IQ является медленно изменяющейся переменной (если вообще изменяющейся), и зависимые от него показатели должны характеризоваться определенной преемственностью во времени.

Результаты проведенного анализа временных изменений инновационной активности должны быть проверены с использованием других показателей динамики в будущих исследованиях.

Литература

1. Lynn R., Vanhanen T. Intelligence: A unifying construct for the social sciences. London : Ulster Institute for Social Research, 2012. 530 p.
2. Lynn R. Race differences in intelligence, creativity and creative achievements // *Mankind Quarterly*. 2007. Vol. 48(2). P. 157–168.
3. Rindermann H., Sailer M., Thompson J. The impact of small fractions, cognitive ability of politicians and average competence of people on social development // *Talent Development & Excellence*. 2009. Vol. 1(1). P. 3–25.
4. Григорьев А.А., Сухановский В.Ю. География научного творчества // *Современные исследования интеллекта и творчества* / ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, М.А. Холдная. М. : Институт психологии РАН, 2015. С. 172–188.
5. Morse S. The geography of tyranny and despair: development indicators and the hypothesis of genetic inevitability of national inequality // *The Geographical Journal*. 2008. Vol. 174(3). P. 195–206.
6. Grigoriev A., Lynn R. A study of the intelligence of Kazakhs, Russians and Uzbeks in Kazakhstan // *Intelligence*. 2014. Vol. 46. P. 40–46.
7. Meisenberg G., Lynn R. Intelligence: A measure of human capital in nations // *The Journal of Social, Political and Economic Studies*. 2011. Vol. 36(4). P. 421–458.

Поступила в редакцию 28.02.2016 г.; принята 10.03.2016 г.

ГРИГОРЬЕВ Андрей Александрович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии Российской академии наук (Москва, Россия).
E-mail: andrey4002775@yandex.ru

NATIONAL IQ AND INNOVATIONAL ACTIVITY OF A COUNTRY

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 6–21. DOI: 10.17223/17267080/60/1

Grigoriev Andrei A., Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

E-mail: andrei4002775@yandex.ru

Keywords: innovational activity; national IQ; government effectiveness; corruption; dynamics of innovational activity.

In the contemporary world, the role of a country is determined to a significant degree by its innovational activity. The relationship between innovational activity of a country and its national IQ was examined in a number of studies. It was shown that such measures of innovational activity as high-technology exports and patent rate correlate with national IQ. These studies, however, analyzed the relationships between measures of innovational activity and national IQ as linear and did not investigate the changes of innovational activity measures over time. The present study deals with these topics. The relationships of national IQ with four measures of innovational activity (number of professionals engaged in research and development activity per million people, percentage of high-technology exports in manufactured exports, high-technology exports in US dollars, patent applications) were examined. Two additional variables were government effectiveness and corruption in a country. While the relationships of national IQ with government effectiveness and corruption are mainly linear, its relationships with the measures of innovational activity are not. Separate analysis was conducted for countries with national IQ equal 95 or higher. Its results show that national IQ is an effective predictor of such measures as high-technology exports and patent rate, while government effectiveness is an effective predictor of the number of professionals in research and development. The investigation of the changes of measures of innovational activity over time included estimation of their stability and examination of their relationships with national IQ. The change of the number of professionals in research and development is characterized by stability in most countries. This variable has low positive relationship with national IQ, its relationships with government effectiveness and corruption in a country is stronger. This, along with the results of correlational analysis for countries with national IQ equal to 95 and higher, points to independent contribution of government effectiveness and the level of corruption to innovational activity of a country. The measure of high-technology exports in US dollars is also a stable, although to a much lesser extent, measure. Unlike the previous one, the changes of this measure are determined mainly by national IQ. Other two measures of innovational activity are not stable and not related with national IQ. Additionally, compliance of national IQ in Russia with its innovational activity was examined. The change of the number of professionals in research and development in Russia does not match its national IQ. This may be attributed to low government effectiveness and high level of corruption in the country.

References

1. Lynn, R. & Vanhanen, T. (2012) *Intelligence: A unifying construct for the social sciences*. London: Ulster Institute for Social Research.
2. Lynn, R. (2007) Race differences in intelligence, creativity and creative achievements. *Mankind Quarterly*. 48(2). pp. 157-168.

3. Rindermann, H., Sailer, M. & Thompson, J. (2009) The impact of small fractions, cognitive ability of politicians and average competence of people on social development. *Talent Development & Excellence*. 1(1). pp. 3-25.
4. Grigoriev, A.A. & Sukhanovskiy, V.Yu. (2015) Geografiya nauchnogo tvorchestva [Geography scientific creativity]. In: Zhuravlev, A.L., Ushakov, D.V. & Kholodnaya, M.A. (eds) *Sovremennye issledovaniya intellekta i tvorchestva* [Current research in intelligence and creativity]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Psychology. pp. 172-188.
5. Morse, S. (2008) The geography of tyranny and despair: development indicators and the hypothesis of genetic inevitability of national inequality. *The Geographical Journal*. 174(3). pp. 195-206. DOI: 10.1111/j.1475-4959.2008.00296.x.
6. Grigoriev, A. & Lynn, R. (2014) A study of the intelligence of Kazakhs, Russians and Uzbeks in Kazakhstan. *Intelligence*. 46. pp. 40-46. DOI: 10.1016/j.intell.2014.05.004
7. Meisenberg, G. & Lynn, R. (2011) Intelligence: A measure of human capital in nations. *The Journal of Social, Political and Economic Studies*. 36(4). pp. 421-458.

Received 28.02.2016

Accepted 10.03.2016

С.В. Горностаев

Академия ФСИИ России (Рязань, Россия)

Генезис и психологическое содержание научной проблемы лояльности

В результате историко-психологического анализа общественно-философской рефлексии феномена лояльности выделены ее основные этапы, обозначены авторы и ключевые идеи, внесшие наибольший вклад в формирование современного понимания психологической сущности лояльности. Усложнение социальных реалий, ведущее к актуализации вопросов социальной самоидентификации и ее реализации в поведении, рассматривается как основная предпосылка развития представлений о лояльности и постановки научной проблемы лояльности. Сделаны выводы о психологическом содержании научной проблемы лояльности.

Ключевые слова: *лояльность; социальная идентификация; нормативный порядок; реализация идентичности.*

Джеймс Коннор отмечает, что задолго до того, как в письменных источниках стало встречаться слово «лояльность», сам феномен «...определенно существовал перед этим в различных формах и под различными именами» [1. С. 12]. Приводя примеры Библии (лояльность по отношению к семье, друзьям, религии), трудов Аристотеля (политическая лояльность), и древних индейцев-Олмеков (лояльность королю), Дж. Коннор [1] доказывает, что лояльность имеет длинную историю как понятие.

Истоки исследований проблем лояльности, как и многих других научных проблем, лежат в классических философских произведениях античности. Это в первую очередь можно связать с особенностями социальной жизни. А.-Х. Султыгов отмечает [2. С. 83]: «...исходной и основной характеристикой нации родоплеменного типа, еще не ставшей этносом в собственном смысле слова, становится государственно-гражданская идентичность – принадлежность и лояльность гражданской общине – государству».

Первым произведением, специально посвященным проблеме лояльности как отношения человека к нормам ролевой активности членов группы (нормативному порядку группы), с которой он себя идентифицирует, в первую очередь идеям и ценностям, которые воплощает эта группа, можно признать принадлежащий древнегреческому философу Платону диалог «Критон» из серии описанных им диалогов с участием его учителя Сократа [3]. Хотя в самом диалоге не фигурирует слово «лояльность», это произведение именно о лояльности Сократа его Отечеству – Афинскому полису, а

также афинскому порядку и законам, а также самой идее порядка и законности, которую воплощало Афинское государство. Как отмечает В.Ф. Асмус, ученик Сократа Ксенофонт впоследствии пытался доказать невиновность учителя и его «лояльность по отношению к афинской демократии и ее политическому строю» [4. С. 104].

Таким образом, в «Критоне» предметом лояльности впервые выступает групповой нормативный порядок, в частности, такие его элементы, как общественные идеалы, ценности и нормы.

Существенной чертой лояльности, на которой акцентируется внимание в диалоге «Критон», выступает добровольность принятия социального статуса и связанного с ним нормопорядка, социального долга. Аргументируя свою лояльность нормам Афин, Сократ в диалоге упоминает, что жители древних Афин, после занесения их в список граждан и знакомства с государственными делами и законами, были вольны принять законы Афин и подчиниться им или удалиться из Афин для проживания в любое другое место без потери имущества и репутации. Не отказавшись от статуса гражданина и оставшись в Афинах, человек тем самым соглашался с местными законами и добровольно принимал обязательства соблюдать нормы общества и нести ответственность за их нарушение. Поэтому Сократ не предоставлял себе морального права на предательство собственного свободного выбора.

Достаточно обширный диалог о побеге из Афинской тюрьмы после несправедливого обвинения и приговора к смерти, отказ от подготовленного Критоном побега и принятие смерти согласно приговору практически свидетельствует о большой гражданской лояльности Сократа Афинам, их законам и идее правопорядка в целом, которую он проповедовал всю жизнь.

Так написал об этом поступке Сокарта Иназо Нитобе, известный японский исследователь проблем лояльности, в своей работе «Bushido, the soul of Japan»: «Сократ неустрашимо не уступил ни йоты лояльности своим демонам, преданно и хладнокровно повинуюсь Государству. Государство, которому он служил, умерло, но идеи, которым он следовал, живы» [5. С. 25].

Ценность «Критона» для психологических исследований лояльности заключается еще и в том, что диалог не просто констатирует факт лояльного поведения, его психологическую детерминацию, мотивы, связь с идеалами и ценностями, которые Сократ принял вместе со своим социальным статусом. Осознанность и целенаправленность поведения Сократа четко дают понять, что это поведение является следствием именно его внутренней лояльности, а не трусости, гордыни, апатии или других причин. В диалоге с Критоном Сократ всесторонне и глубоко мотивировал свой поступок не только его общественной пользой, но и личностным смыслом, учитывая возможный моральный и материальный ущерб для себя и своих близких, соединяя в своем поступке свои ценности и стремления как гражданина, как отца и как друга, проявляя лояльность не только Афинскому полису, но и другим значимым для него социальным группам. Это добавляет «Критону» психологическую глубину и реалистичность, заслуживающую пристального внимания при исследовании проблем лояльности.

Хотя «Критон» трудно назвать научным произведением в современном понимании слова, к нему неоднократно обращались исследователи проблем лояльности разных периодов, а затронутые там проблемы принятия статуса и долга, соотношения целей и средств в исполнении долга, связи общественных и личных ценностей в его исполнении, самих ценностных оснований нормативного поведения в социальных группах поднимаются и в современных исследованиях проблем не только гражданской лояльности, но и лояльности членов других социальных групп. В «Критоне» излагаются идеи, многие из которых были развернуты в начале XX в. Джо-зайей Ройсом в его концепции рациональной лояльности, последняя до сих пор является предметом полемики исследователей фундаментальных проблем лояльности.

В то время как воззрения Сократа на проблемы лояльности нашли отражение в его жизни и беседах, увековеченных Платоном, его современник Демокрит изложил свои воззрения, относящиеся к проблемам лояльности, в собственных произведениях, в которых высоко оценил значение социальных ролей и принадлежности в жизни человека. Аксиома и основа этики Демокрита – мысль, что «свободный грек – не изолированная от общества единица, а гражданин города-государства (полиса)» [4. С. 170]. Демокрит превозносил общественные (государственные) интересы над индивидуальными, полагая, что они выступают гарантом обеспечения последних. Вера Демокрита в общественное благо во многом базировалось на его вере в универсальность человеческих благ, главным из которых Демокрит считал хорошее расположение духа.

Демокрит указывал на необходимость норм политического поведения в обществе, придавал большое значение защите законности; кроме того, в области общественного поведения человека он призывал руководиться мерой, призывая к соответствию поведения силам и способностям, которые отпущены человеку самой его природой, тем самым вводя в систему регулирования общественного поведения и индивидуально-нравственный источник. В этике Демокрита силы, движущие нравственным поведением человека, сближаются с силами ума, интеллектуализируются. Он считал, что для формирования надлежащей гражданской позиции и поведения, т.е. для формирования гражданской лояльности, необходимы обучение и воспитание [Там же].

Почву для дискуссий об объекте, психологических предпосылках, содержании и роли лояльности для человека во многом создали труды Аристотеля, прежде всего «Никомахова этика», «Евдемова этика» и «Политика». Одной из ключевых идей Аристотеля, повлиявших на представления о природе лояльности, является идея о том, что общественный интерес – это продолжение частного интереса, а основа социального объединения – улучшение возможностей для реализации частных интересов. Аристотель указывал на потенциальную возможность общности целей людей, но вместе с тем обозначал возможность смещения мотива на цель, полагая, что люди могут руководствоваться в поведении не непосредственно глав-

ной, а различными тактическими целями, которые, по их мнению, приведут к достижению главной – хорошей жизни.

Аристотель выделил два вида мотивов социального группирования и принадлежности и соответствующие им типы общения и социальных групп, каждая из которых создана для достижения какого-либо блага: 1) группы для общения «экономического» характера и 2) группы, созданные для формирования благоприятного для жизни окружения, создающие условия для «благой жизни», участие в которых представляет самооценочность. Аристотель указывал на переплетение этих форм объединений и членства в них: «Государство – только одна, высшая форма общения между людьми. В пределах государства существует целая система других социальных отношений со своими особыми целями и особыми путями развития. Каждый частный вид общения возникает в целях какого-либо блага» [4. С. 377].

Одной из верных тактических целей, ведущих к благой жизни, Аристотель считал достижение добродетели или доблести. «Человеческая добродетель есть умение, прежде всего умение верно ориентироваться, выбрать надлежащий поступок, определить местонахождение добра» [Там же. С. 363]. Средством достижения добродетели Аристотель считает ориентацию на «середину» как некоторую оптимальность деятельности: «...добродетель также есть известного рода “середина”: ошибаться можно различно, но правильно поступать – только одним путем; промахнуться легко, но трудно попасть в цель. Именно поэтому “середина” – принадлежность добродетели. Но если – по сущности и по понятию – добродетель должна называться “серединой”, то по ее совершенству и значению следует называть ее крайностью» [Там же. С. 365]. Это положение Аристотеля дает основы одной из современных позиций в разрешении спора об оптимальном выборе поведения в ситуации ролевого конфликта, иначе говоря, конфликта лояльностей.

Рассматривая психологические условия добродетели, Аристотель фактически, описывает психологические факторы, встречающиеся в современных исследованиях лояльности – когнитивный, эмоциональный и мотивационно-волевой: «Условия добродетельных действий следующие: лицо, поступающее добродетельным образом, должно: 1) иметь сознание о своем действии; 2) поступать с таким намерением, чтобы действия были не средством, а составляли самоцель; 3) твердо и неизменно придерживаться определенных принципов... Чтобы все условия эти возникли, необходимо частое повторение справедливых действий. Одной теории для этого недостаточно: кто думает, будто может стать нравственным, только философствуя, так же не станет нравственным, как не станет здоровым больной, который внимательно выслушивает врачей, но ни в чем не следует их предписаниям» [Там же].

Аристотель расходится с Демокритом в оценке возможности формирования произвольного стремления к универсальному человеческому благу, полагая, что стремление к истинной цели не подчиняется личному вы-

бору, человек должен родиться с этим стремлением, которое нельзя ни получить от другого, ни научиться, но можно лишь иметь от природы [4]. Этим самым Аристотель, как бы ставит под сомнение собственный тезис об универсальности этого блага.

Возможно, именно поэтому Аристотель дает второй ориентир социального объединения, кроме добродетели: «Деятельность, сообразная с важнейшей добродетелью и присущая лучшей части души, есть блаженство. В каждом случае деятельность бывает прекраснейшей, когда она исходит из того, что находится в лучшем состоянии, и когда она направлена на значительнейший предмет. Такая деятельность самая совершенная и приятная, она доставляет наслаждение как всем чувствам, так и мышлению и созерцанию: будучи самой приятной, она вместе с тем и самая совершенная, ведь таковой является та, которая, будучи в нормальном состоянии, направлена на лучший предмет» [Там же. С. 372]. Аристотель считал, что «...не следует внимать тем, кто увещевает нас заботиться лишь о близких людях, так как мы сами люди, и лишь о бренных вещах, ибо мы сами смертны. Напротив, необходимо как можно больше стремиться к бессмертию, делать все возможное, чтобы жить сообразно с тем, что в нас всего сильнее и значительнее. Ибо хотя оно по объему и невелико, однако по значению и силе превышает все остальное. Можно даже сказать, что каждый человек, в сущности, есть только это, так как именно оно в нем лучшее и властвующее» [Там же. С. 373]. Данное положение Аристотеля более универсально и ориентирует человека на лояльность тем сообществам, где будут наиболее востребованы его личные черты, где он сможет реализоваться, реализовать не только свои ценности, интересы, взгляды, убеждения, но и способности.

Аристотель высказывал идеи относительно оптимального устройства социальных групп для достижения общего блага: «Вожделения людей по природе беспредельны, и в удовлетворении этих вожделений проходит жизнь большинства людей. Поэтому существует принцип более важный, чем уравнение собственности: следует наладить дело так, чтобы люди, интеллектуальные по своей природе, не желали иметь больше, а люди, мало развитые, не имели и возможности желать этого...» [Там же. С. 387].

Известный немецкий филолог и историк античной культуры Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, автор исследования «Аристотель и Афины», отмечает: «Совершенство гражданина полиса обуславливается качеством общества, полиса, к которому он принадлежит, следовательно, кто желает создать совершенных людей, должен создать совершенных граждан, а кто хочет создать совершенных граждан, должен создать совершенное государство» [Там же. С. 379]. В приведенной выше античной модели формирования личности гражданина полиса предполагалось некое опосредующее звено между социальной группой (полисом) и личностью – социальная роль гражданина, овладение которой позволяло человеку усвоить позитивные установки и нормы, бытующие в социуме, сформировать ключевые отношения со значимыми объектами среды. Механизмом и результатом

этого усвоения и выступает лояльность. Эта мысль подчеркивает связь социального и индивидуального значения лояльности как механизма не только социализации и адаптации, но и личного развития.

Выработанные Аристотелем идеи об «уравняющей» и «распределяющей» справедливости нашли отклик в современных теориях социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау и др.), представляющих одну из влиятельных парадигм, объясняющих механизмы лояльности в группах.

Аристотель помимо социального обмена рассматривал и другие психологические мотивы лояльности как социального явления. Например, рассматривая социальные связи на примере дружеских, Аристотель полагал следующее: «Любя друга, мы любим собственное благо, ибо хороший человек, став нашим другом, становится благом, поскольку мы его любим. Таким образом, каждый в дружбе любит собственное благо...» [4. С. 384].

В рассмотрении лояльности как состояния принятия ответственности Аристотель внес вклад, развивая этику разумного эгоизма. Он утверждал, что хороший человек «должен любить самого себя, и таким образом он и сам останется в выгоде, осуществляя прекрасное, и другим принесет пользу» [Там же. С. 385]. Он не рассматривал самоотвержение как признак нравственности. Вместе с тем, противопоставляя эгоизм хороших и плохих людей, он полагал, что: «“Себялюбие” нравственного человека не исключает ни отказа от благ, ни самопожертвования ради других и ради отечества. Нравственный человек будучи эгоистом в указанном смысле отбросит и деньги, и почет, и вообще все блага, из-за которых борются люди, чтобы сохранить себе прекрасное. Он предпочтет непродолжительное, но сильное ощущение долгой, но пустой жизни и скорее захочет жить прекрасно один год, чем многие годы бесцельно; он предпочтет одно прекрасное действие многим незначительным... Так происходит с людьми, жертвующими своей жизнью. Они выбирают великое и прекрасное для себя» [Там же. С. 386]. Аристотель полагал, что разум, повелевая хорошими людьми, приводит к пользе для них и для других людей. Приведенные положения Аристотеля закладывают фундамент современных положений о том, что забота о себе как элементе социальной системы при определенных условиях является компонентом лояльности.

Античные философы рассматривали проблемы не только сходства, но и различий интересов в социальных группах. Например, один из младших софистов (4 в. до н.э.) Фразимах отмечал относительность социально-этических норм, неравнозначность групповых норм для лиц, имеющих в группе различный статус, утверждая, что «каждая власть устанавливает законы, полезные для нее самой» [Там же. С. 101].

Таким образом, античные философы рассматривали проблемы лояльности на уровне преимущественно социетальных групп (государства, полиса). В этот период были подняты практически все ключевые проблемы лояльности, актуальные в настоящий момент: проблемы социальных групп и членства в них, добровольности в лояльности, конфликта лояльно-

стей, соотношения общественных и индивидуальных интересов членов групп, мотивов и психологических механизмов лояльности.

К проблеме политической и гражданской лояльности обращались мыслители и на рубеже Средневековья. Например, Августин Аврелий (Августин Блаженный) в своем произведении «De Civitate Dei» (О граде Божьем), датированном 413–427 гг., затрагивал идеалы лояльности в социальных группах: «В граде же Божиим по любви служат взаимно друг другу и предостоятели, руководя, и подчиненные, повинясь» [6].

В Средних веках, в целом характеризующихся упадком научной мысли, наиболее ярким автором, затрагивавшим проблемы лояльности в государстве, в том числе и о необходимости для правителей руководствоваться общественным благом и религиозными ценностями, был Фома Аквинский, который видел добродетель в следовании предопределенным социумом ролям. Несмотря на слабую рефлексию проблем лояльности в Средневековье, термин «лояльность» вошел в широкий оборот именно в этот период. Анализируя причины этого, Дж. Коннор пишет: «Определенное слово, которое мы теперь используем, возникло в отдельное время, чтобы обозначить определенные отношения. Лояльность развивалась от потребности отличить приверженных от не приверженных. Она произошла от феодальных властных отношений между дворянами, определяя, кто кому обязан, и определяя связи в запутанных структурах власти» [1. С. 12]; таким образом, Дж. Коннор увязывает возникновение термина «лояльность» с развитием феодальных отношений и подразумевает под ним в феодальный период преимущественно индивидуальные обязательства, следующие из ролевых норм того времени.

Именно позднему Средневековью принадлежат произведения, в которых впервые начало фигурировать слово «лояльность» в четко узнаваемой, близкой к современной транскрипции. Впервые термин «лояльность» встречается в общедоступных печатных источниках в начале XIV в. Хотя слово «лояльность» использовалось в обиходе уже в XIII в., о чем свидетельствует название («Вера, любовь и лояльность») одного из произведений французского трубадура Жильбера Берневилля («Gillebert De Berneville»), жившего в XIII в. [7. С. 117].

Общественную проблему лояльности затрагивает сатирическое произведение Рауля ле Пети (Raoul le Petit) «Роман о Фаваине» (в другой транскрипции – о Фавеле), предостерегающее читателей от вероломства придворных [8].

В конце Средних веков термин «лояльность» применяется, как правило, к лицам, обремененным особым общественным статусом, – дворянам. Лояльность (Loyauté) упоминается на третьем месте после благородства и веры в числе двенадцати дворянских доблестей в изданном в XV в. наставлении для дворян под названием «Тайна тайн», автором которого является французский поэт и государственный деятель Ален Шартье (Alain Chartier) [9]. В этом произведении лояльность особо выделяется как объект повествования, однако рассмотрение идет именно в системе добродетелей

(благородство – внутреннее принятие своего статуса, вера – высший мировоззренческий идеал, высшее общественное благо, лояльность – поведение соответствующие статусу в связи с ориентацией на идеал).

На миниатюре Жильбера де Метса «Правосудие в окружении милосердия и информации» (*Justice entourée de Miséricorde et Information*) лояльность фигурирует наряду с другими добродетелями окружающими правосудие [10].

Общественная рефлексия содержания лояльности усилилась с началом эпохи Нового времени. Лояльность стала популярным объектом общественной мысли, что связано, на наш взгляд, с активным изменением социальной формации и статусно-ролевых структур общества, а также доминирующих общественных ценностей.

В общественных документах XVI–XVII вв. слово «лояльность» употребляется наряду с другими терминами, обозначающими отношение, такими как «любовь», «верность» и т.п. (см., например, [11]). В этом трактате, содержащем две части (увещевание к истинной любви, лояльности и верности ее величеству (королева Елизавета) и трактат против измен, мятежей, и подобной нелояльности), измена и мятеж, понимаемые как нарушение социальных обязательств, рассматриваются как антонимы лояльности, при этом индивидуальные чувства к личности монарха (*loue, fidelitie*) дифференцируются с социальным нормативным отношением к монарху как к высшему символу государственного порядка (*loyaltie*).

В английской публицистике XVII в. монарх остается практически единственным объектом выражения лояльности. К прочим же объектам применялись другие характеристики отношений, имеющие более личную окраску, чем социальная или поведенческая (см., например, [12]). В ряде документов лояльность связывалась с исполнением социального долга, прежде всего социальных действий, касающихся фигуры монарха [13, 14].

Огромное количество документов того времени интерпретируются как клятвы лояльности (*Loyalty oaths*) [15].

Многие авторы, такие как Фома Филпот (Thomas Philpot), Джон Хайэм (John Higham) и Эразмус Уоррен (Erasmus Warren), упоминают о лояльности как религиозной обязанности, возможно, в связи с представлением о божественном происхождении королевской власти [16–18]. Эти и другие подобные работы дают основание усомниться в том, о какой лояльности идет речь: о религиозной, сословной или гражданской. Очевидно, что гражданская и религиозная социальные общности Англии были практически тождественны, особенно после провозглашения Генриха VII главой англиканской церкви. В связи с уникальностью данной социальной ситуации возникла благоприятная почва для осмысления проблем множественной лояльности, проблем идентификации и интеграции нормопорядков социальных групп, в которые включен человек.

В любом случае доминирующей нормой социальной активности лояльных граждан считалось подчинение по отношению к королю (см., например, [19]).

В ряде источников (например, [20]) под лояльностью, видимо, понимается нечто среднее между личным отношением и сугубо формальным долгом. В данном случае «Fidelity» скорее понимается как человеческая верность, симпатия к личности короля, в отличие от повиновения (obedience) как отношения, связанного с его статусом, и лояльности как чего-то среднего между этими понятиями (например, свободного, добровольного признания, следования и подчинения).

Термин «лояльность» использовался наряду с термином «dutiful affection», который в контексте вернее всего переводится как «почтение» [21].

Наиболее известным оппонентом описанных выше взглядов на смысл и содержание лояльности в анализируемом периоде выступал английский журналист, поддерживавший республиканские идеи и идеи индпендентов (автономии местных религиозных общин) Марчмонт Недхэм (Marchamont Nedham), который в своей работе «Лояльность говорит правду, или конференция о настоящем состоянии Его Величества, и работе этого благословенного парламента» [22] заложил основы обсуждения одной из теоретических проблем лояльности, обозначаемой в современной литературе как «whistleblowing», или вскрытие и обнаружение недостатков в деятельности социальных групп, угрожающих их благополучию, вопреки частным интересам конкретных лиц и групп, входящих в данную систему, или даже, как в указанном произведении, выступающих его символами.

Актуальной в анализируемый период представлялась хорошо известная в современности проблема множественной лояльности и интеграции лояльностей, которой касался в своей работе «Лояльные неконформисты, или ориентировка, в чем они должны клясться, а в чем нет» Роберт Вайлд (Robert Wild) [23].

Таким образом, с началом Нового времени термин «лояльность» не только не утратил своей актуальности, его содержание трансформировалось вслед за изменением общественных отношений. Лояльность также определяется Дж. Коннором [1] как ключевой компонент социальных отношений, известных как «Патронаж эпохи Возрождения», указывающий на продолжение социальной структуры, представленной в феодальных системах. «Системы покровительства функционировали неофициально в пределах политической системы как сети, основанные на связях родства, семейной преданности и землячества. Отношения между патроном и клиентом были основаны на распространении привилегий и положения в обмен на лояльность и службу» [1. С. 12]. Эта невидимая связь соединяла людей и служила, чтобы распространить власть и привилегии. Эта форма политических отношений стала менее важной в более и более бюрократизируемых национальных государствах, получивших власть и способность распространять богатство и поддержку более «справедливым» образом. Как отмечает Мортон Гродзинс (Morton Grodzins), массовая лояльность стала возрастать в результате революций в обществе [24]. Персоналии и узкие социальные группы перестали быть единственным объектом лояльности в политической жизни. Практика использования термина «лояль-

ность» в XVIII в. распространяется и на другие объекты. Например, после Французской революции возникает понятие национальной лояльности. Также встречается словосочетание «лояльность и любовь к законности» [25. С. 4]. Происходит смена символов нормативного порядка общества, и лояльность новому нормопорядку выражается через лояльность к новым его символам.

По мнению Бенедикта Андерсона (Benedict Anderson), с возрастанием политической важности централизованных национальных государств и национальных правительств в Европе на протяжении XVIII в. был сформирован новый объект лояльности [26]. С централизованными формами управления возникли национализм и патриотизм. Эти изменения в управлении определили изменения в контексте лояльности и создание ее нового слоя. Теперь национальное государство и суверенное правительство могли быть объектом лояльности для человека. Иерархические цепи управления и распределения ресурсов стали распадаться. Власть лордов была разрушена сильной централизацией монархий и возникшими правительствами. Это изменило феодальное понятие о лояльности, сеньоры перестали быть объектами лояльности. Массовые лояльности стали возникать в результате революций, особенно индустриальной революции, разделения труда и усиливавшихся коммуникаций [1. С. 12]. Национальные государства создали новый объект лояльности. Лояльность стране стала идеалом общества. Национальные государства помогли сформировать идентичность, контролировать возникающие структуры, воспитывать и поддерживать людей в обществе.

«Вся социальная структура стремится поддерживать отношения, связывающие удовлетворенность людей с национальным благосостоянием» [24. С. 20].

Возникновение новых нормопорядков и их символов активно идет в Северной Америке в период революции и гражданской войны в XIX в., порождая трансформацию лояльности населения, отражаемую в документах того времени (см. например, [27, 28]).

Смена объекта лояльности, ее плюрализм уже в XIX в. находит отражение в общественной мысли. Так, неизвестный автор, использовавший псевдоним Марсел (Marcellus) – латинское имя, которое носили некоторые известные религиозные деятели, в своей статье «О лояльности» («On Loyalty») отражает смену объекта политической лояльности в обществе: «Многие добродетели в наши времена понимаются более ошибочно, более испорчены и извращены, чем великая добродетель лояльности (virtue of loyalty). Ей отводится место не среди основных добродетелей, а среди второстепенных; и все же из-за ее выдающейся важности в гражданском обществе она заслуживает особого внимания и отношения. В наше время лояльность может быть настоящей или ложной. Настоящая лояльность может быть определена в нескольких словах: «Страстная преданность (attachment) конституции нашей страны». Это великая и благородная добродетель! Это связка, цемент гражданского общества! Ни одна нация, лишенная данной добродетели, не может существовать как нация и поддержи-

вать свою независимость длительное время. Возникнут разногласие и замешательство, партийный дух будет преобладать; и злоба и враждебность спровоцируют борьбу и гражданские волнения в масштабах нации с насилием и внутренними конвульсиями. В этом разделенном, растерянном состоянии первый же смелый захватчик посчитает их легкой добычей и одержит победу безо всякого сопротивления. Ложная лояльность по духу прямо противоположна истинной. Она по природе не либеральна. Она пропандируется врагами страны. Иногда они полагают, что лояльность – это приверженность личности короля, иногда – приверженность его советникам, министерству, учреждению...» [29. С. 364]. Символ старого общества – фигура монарха низвергается, и на ее место как символ нового общественного нормоупорядка возводится конституция. Это, по мнению Марселла, символ людей, считающих себя, прежде всего, не вассалами, но гражданами.

С дифференциацией сфер жизни на политическую, экономическую, религиозную и т.д. развивается общественная рефлексия лояльности в группах, сформированных по этим различным основаниям, изучаются вопросы не только содержания отдельных лояльностей, но также вопросы их пересечения и взаимодействия.

Например, Дж.П. Латроп (George Parsons Lathrop) [30], анализируя пересечения религиозной и гражданской лояльности, полагает, что католик не должен свергать государство или препятствовать ему, но должен по-граждански способствовать внедрению в его законы, устройство и деятельность католических моральных ценностей.

Надо отметить, что на фоне трансформации социальных структур и лояльностей, а также обеспечивающих их общественной и философской мысли в период Нового времени встречались авторы, которые противопоставили свои позиции дискуссиям о предпочтительных лояльностях, совершенно меня постановку вопроса. Иммануил Кант в «Критике практического разума» обесценивал меняющиеся во времени нормы различных социальных групп, отмечая историческое многообразие норм поведения, часто не совместимых друг с другом. Таким образом, в своем учении Кант обесценивал лояльность групповым нормам, абсолютизируя «универсальные», общечеловеческие нормы морали [31]. Человек, по Канту, должен стремиться к благу человечества и воплощать в себе человеческое.

Таким образом, усложнение социальной реальности, и связанные с этим конфликты лояльностей в очередной раз сформировали заказ на исследование феномена лояльности. На этот раз уровень развития научной мысли позволил рассматривать лояльность не просто как общественно значимый феномен, но и как научную проблему.

В начале двадцатого века интерес к проблемам лояльности стимулировал появление публикаций, посвященных этим проблемам в различных группах, конфликтам лояльностей и их урегулированию, а также появлению фундаментальных работ, рассматривающих феномены лояльности.

Среди публикаций того периода, заслуживающих особого внимания, можно отметить работу Лютера Хасли Гулика (Luther Halsey Gulick) [32],

который, рассматривая проблемы гражданской лояльности, вышел на проблемы формирования лояльности своей социальной общности в детском возрасте в процессе деятельности, фактически изложил идею «упражнения» в лояльности как с позиции ее формирования, так и с точки зрения ее проявления. Эта идея была заложена в достаточно конкретном приведенном Гуликом примере формирования лояльности своей социальной общности в школьном возрасте путем формирования лояльности к своей школе в процессе поддержки своей команды на межшкольных соревнованиях. Не претендуя на развитие теории лояльности, Гулик сделал значимый шаг в понимании ее механизмов.

Донаучный этап развития знаний о лояльности завершил американский философ Джозайя Ройс (Josiah Royce), впервые специально поставивший научную проблему лояльности и посвятивший ей первое специальное фундаментальное исследование «Философия лояльности» («Philosophy of loyalty»), опубликованное в 1908 году и до сих пор являющееся предметом споров для современных исследователей проблем лояльности. Работа содержала целостную концепцию лояльности, дающую в том числе ответы и на вопросы, поставленные Кантом, включающую как определение лояльности и ее значения для личности, так и психологические и социальные механизмы ее формирования [33]. Работа Дж. Ройса закрепила термин «лояльность» в научном обороте и дала мощный толчок развитию фундаментальных и прикладных исследований в этом направлении. В целом «Философию лояльности» можно считать одновременно постановкой научной проблемы и отправной точкой научных исследований проблем лояльности.

Таким образом, основным фактором возникновения попыток философского осмысления проблем лояльности, а затем их постановки и дальнейшего научного изучения послужило усложнение социальной жизни, расширение возможностей обладания различными конкурирующими идентичностями, выбора идентичности. Фактически каждый шаг в развитии познания феномена лояльности (Античность – феноменологическое описание явления и постановка основных психологических проблем лояльности; Средние века – вхождение в оборот термина «лояльность», Новое время – широкая общественная рефлексия проблем лояльности, Новейшая история – постановка научной проблемы лояльности) был детерминирован социальным заказом в виде усложнения системы социальных отношений и, соответственно, увеличения смежных (альтернативных) и конкурирующих идентичностей.

В итоге историко-психологический анализ общественно-философской рефлексии проблем лояльности показал, что проблема лояльности по своей психологической сущности – это проблема социальной идентичности и ее влияния на активность личности, лояльность – это психологический механизм реализации социальной идентичности, следовательно, основная задача психологических исследований лояльности – раскрытие этого механизма.

Литература

1. Connor J. The Sociology of Loyalty New York : Springer Science Business Media, LLC, 2007. 161 p.
2. Султыгов А.-Х. А. К вопросу об идентичности в античную эпоху // Вестник Российской нации. 2015. № 3. С. 81–99.
3. Избранные диалоги: Пер. с древнегреч. / Платон ; сост., вступ. ст. и коммент. В. Асмуса. М. : Художественная литература, 1965. 440 с.
4. Асмус В.Ф. Античная философия : учеб. пособие. 2-е. изд., доп. М. : Высш. школа, 1976. 543 с.
5. Nitobe I. Bushido, the Soul of Japan. 13th Edition. 1908. 49 p. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12096> (accessed: 10 December 2015).
6. Августин Блаженный. О граде Божьем. Книга XI. пер. с лат. // Творения блаженного Августина, епископа Иппонийского. 2-е изд. Киев, Типография И.И. Чолокова, 1905–1910. Ч. 3–5. URL: http://www.srines.com/book_1038_chapter_34_Glava_XXVIII.html (дата обращения: 10.10.2015).
7. Foy et amour et loyautés // «Chansons notées et jeux partis». Location : Web site Bibliothèque nationale de France (BNF). URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8454668b/f241.image> (accessed: 10 December 2015).
8. le Roman de Fauvain. Raoul le Petit, Valenciennes, 1326. Location : Web site Bibliothèque nationale de France (BNF), Manuscrits, français 571, f. 148 vo/ URL: http://expositions.bnf.fr/aimer/grand/aim_063.htm (accessed: 11 December 2015).
9. Le Secret des secrets. Alain Chartier, Le Bréviaire des nobles. Location: Web site Bibliothèque nationale de France (BNF). URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84477742/> (accessed: 11 December 2015).
10. De Pizan C. L'Epistre d'Othea les Maîtres de Guillebert de Mets, enlumineurs, Probablement Grammont (écriture) et Gand (illustration), 1434 ou après. [Online] Location: Web site Bibliothèque royale de Belgique. Bruxelles (KBR, ms. IV-1114, f. 123). URL: http://expositions.bnf.fr/flamands/grand/fla_094.htm (accessed: 11 December 2015).
11. Renniger M. A treatise containing two parts. 1 An exhortation to true loue, loyaltie, and fidelitie to her Maiestie. 2 A treatise against treasons, rebellions, and such disloyalties. London, 1587. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo2;idno=A10614.0001.001> (accessed: 11 December 2015).
12. The City of Londons resolution, concerning their loyalty to the King, and their love and affection to the Parliament, in laying down their lives, liberties, and goods for the maintenance of the true Protestant religion... London, 1642. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo2;idno=A79825.0001.001> (accessed: 12 December 2015).
13. A persvassion to loyalty, or, The subject's dutie vvherein is proved that resisting or deposing of kings ... / collected by David Owen, London, 1642. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo2;idno=A53652.0001.001> (accessed: 12 December 2015).
14. Grosse. R. Royalty and loyalty or A short survey of the power of kings over their subjects: and the duty of subjects to their kings. Abstracted out of ancient and later writers, for the better composing of these present distempers: and humbly presented to ye consideration of his Ma.tie. and both Howses of Parliament, for the more speedy effecting of a pacification London, 1647. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo2;idno=A85738.0001.001> (accessed: 12 December 2015).
15. The oath of every free-man of the city of London. City of London (England). London: James Flesher, printer to this honourable city, 1653?. Location: Web site Early English

- book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53687.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
16. Philpot T. The creples complaint, or, A sermon preached Sept. 29, 1661 at Akly, near Buckingham, upon some sad occasion in which among many motives unto loyalty and other religious duties is proved, by lamentable experience, that good things are better known when they are not, than when they are enjoyed. London, 1662. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A54805.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
 17. Higham J. A looking-glass for loyalty, or, The subjects duty to his sovereign being the substance of several sermons preached by a person who always looked upon his allegiance as incorporated into his religion. London, 1675. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A43763.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
 18. Warren E. Religious loyalty, or, Old allegiance to the new king a sermon, preached on the eighth of February 1684. London, 1685. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67688.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
 19. Warmstry T. The resurrection of loyalty and obedience, out of the grave of rebellion by the sacred force of the oathes of supremacy and allegiance, which have lain as dead, and out of minde, for diverse years, and here raised up out of the dust, and discovered in their great inviolable force and power unto the people : for the humbling of those that are guilty of the breach of them, the quelling of rebellious principles, and excitement unto the duties of obedience and subjection, according to the tenor of the said oathes. London, 1660. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67636.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
 20. The valiant seamans congratulation to his sacred Majesty King Charls the Second. With their wonderfull heroicall achievements, and their fidelity, loyalty, and obedience. ... London: between 1660 and 1685. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=B06433.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
 21. A poem on the famous ship called the Loyal London Begun at the charge of the Right Honourable the Lord Mayor, aldermen, and commoners of the city of London, in the year 1665. and lanced June 10. 1666. which they presented to His Majesty as a testimony of their loyalty and dutiful affection; and built at Deptford by Captain Taylor. By William Smith. Location: Web site Early English book online. URL: <http://name.umdl.umich.edu/A60606.0001.001> (accessed: 15 December 2015).
 22. Nedham M. Loyalty speaks truth: or, a conference of the grand mercvries, pragmaticus, melancholicus, and elenticus, concerning the present condition of his Majesty, and the proceedings of this blessed Parliament. London, 1648. Location: Web site Early English book online. URL: <http://name.umdl.umich.edu/A89884.0001.001> (accessed: 15 December 2015).
 23. Wild R. The loyal nonconformist; or, An account what he dare swear, and what not. London, 1666. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A96485.0001.001> (accessed: 15 December 2015).
 24. Grodzins M. The Loyal and the Disloyal: Social Boundaries of Patriotism and Treason, Chicago. The University of Chicago Press, 1956. 319 p.
 25. Appel à la loyauté nationale, ou Un mot sur un seul article du rapport de Lanjuinais, relatif à la loi du 17 nivôse. de l'impr. de Roblot] Paris 1795 4 p. Location : Web site Bibliothèque nationale de France. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k465358> (accessed: 10 December 2015).
 26. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism [2nd, revised edition]. London ; New York : Verso, 1991. 224 p.

27. Garrison W.L. The loyalty and devotion of colored Americans in the revolution and war of 1812. Boston, R. F. Wallcut, 1861. 24 p. Location: Web site Hathi Trust Digital Library. URL: <http://hdl.handle.net/2027/mdp.39015002355660>. (accessed: 10 December 2015)
28. Maryland. General Assembly. Resolutions [expressing loyalty to the Union. Annapolis. 1861]. Location : Web site The Library of Congress: American Memory. Available at: <http://hdl.loc.gov/loc.rbc/rbpe.03104100> (accessed: 17 December 2015).
29. Marcellus. On Loyalty // The Belfast Monthly Magazine. Vol. 9, № 52 (Nov. 30. 1812). P. 364–365.
30. Lathrop G.P. Catholic Loyalty. A Reply to the President of the A. P. A. and to Bishop Doane // The North American Review. Vol. 159, № 453 (Aug., 1894), P. 218–224. URL: <http://www.jstor.org/stable/25103382> (accessed: 10 December 2015).
31. Нарский И.С. Иммануил Кант. М. : Мысль, 1976. 208 с.
32. Gulick L.H. Team Games and Civic Loyalty // The School Review. Vol. 14, № 9 (Nov. 1906), P. 676–678. URL: <http://www.jstor.org/stable/1075269> (accessed: 10 December 2015).
33. Royce J. The Philosophy of Loyalty. Norwood : Norwood Press, J.S. Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.

Поступила в редакцию 04.02.2016 г.; принята 12.04.2016 г.

GENESIS AND PSYCHOLOGICAL CONTENT OF THE SCIENTIFIC LOYALTY PROBLEM

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 22–39. DOI: 10.17223/17267080/60/2

Gornostaev Stanislav V. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: stanislavrz@yandex.ru

Keywords: loyalty; social identification; regulatory order; implementation of identity.

The first researches of the loyalty phenomenon were made in the philosophical works of antiquity (Plato, Aristotle, Democritus, Thrasymachus), created during the period when state and civil identity in polises (states) was forming actively. These works raise issues of loyalty to society. “Crito” written by Plato can be considered the first work specifically devoted to the issue of loyalty. In “Crito” Plato does not use the term “loyalty”, but the phenomenon itself is described with psychological authenticity. Ancient philosophers raised all the key issues of loyalty, topical at the moment, they wrote about the problems of affiliation to social groups self-identification with them, regulatory orders of the groups, conflict of identifications and roles, parity of public and individual interests of group members, understanding and acceptance of due, motives, psychological mechanisms of loyalty, etc.

The term “loyalty” began to be used in the period of feudal relations. According to available documents, the term was already used at least in the 13th century. In the Middle Ages loyalty was considered as “virtue” of conformity to the social status. The term usually meant the execution by nobles of typical “legitimate” social norms of behavior, concerning their lords, vassals and others, and, occasionally, attitude and behavior, expected from another person with a certain social status.

With the beginning of the Modern Age people got an increasing number of socially important characteristics and roles. Loyalty turns from a narrow estate to a mass characteristic. Loyalty was understood as a hybrid between a formal duty and a personal attitude of those who hold a certain status. Loyalty becomes a matter of public reflection and discussions. The discussions touched not only such issues as conformity to the status, but also a content of the norms of particular social groups and conflicts in these norms. Mass-type loyalties (national, religious, class loyalty) appeared.

At the next stage of transformation of social attitudes, in the beginning of the 20th century, the level of science development enabled to put a scientific problem of loyalty in its modern form. The problem of loyalty in its present form was put by Josiah Royce in his work "The philosophy of loyalty" in 1908.

Thus, each step in progress of knowledge of the phenomenon of loyalty was determined by social demand as the complication of social relations system and expansion of social identity choices for a person, the appearance of competitive identities, roles and ways of behavior.

As a result, historical and psychological analysis of social and philosophical reflection of the loyalty problem showed that the problem of loyalty in its psychological essence is a problem of social identity and its influence on person's activity, loyalty is a psychological mechanism of social identity implementation, and, accordingly, the main goal of psychological research of loyalty is to disclose this mechanism.

References

1. Connor, J. (2007) *The Sociology of Loyalty*. New York: Springer Science Business Media, LLC.
2. Sultygov, A.-H. A. (2015) To the question about identity in Antiquity. *Vestnik Rossiyskoy natsii – Bulletin of the Russian Nation*. 3. pp. 81–99. (In Russian).
3. Plato. (1965) *Izbrannye dialogi* [The Selected Dialogues]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Asmus, V.F. (1976) *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Nitobe, I. (1908) *Bushido, the Soul of Japan*. 13th Edition. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12096>. (Accessed: 10th December 2015).
6. Aurelius Augustinus. (n.d.) *O grade Bozh'em* [About the City of God]. [Online]. Available from: http://www.srines.com/book_1038_chapter_34_Glava_XXVIII.html. (Accessed: 10th October 2015).
7. Anon. (1301-1400) Foy et amour et loyautés [Faith and love and loyalties]. In: *Chansons notées et jeux partis*. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8454668b/f241.image>. (Accessed: 10th December 2015).
8. Le Petit, R. (1326) *Le Roman de Fauvain*. Valenciennes [Roman's Fauvain. Little Raoul, Valenciennes, 1326]. [Online] Available from: http://expositions.bnf.fr/aimer/grand/aim_063.htm. (Accessed: 11th December 2015).
9. Chartier, A. (n.d.) *Le Secret des secrets*. Le Bréviaire des nobles [The Secret of Secrets. The Breviary of the nobles]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84477742/>. (Accessed: 11th December 2015).
10. De Pizan, C. (1434) *L'Epistre d'Othea les Maîtres de Guillebert de Mets, enlumineurs, Probablement Grammont (écriture) et Gand* [Epistre Othea of the Guillebert Masters Mets, illuminators, probably Grammont (writing) and Ghent (illustration)]. [Online] Available from: http://expositions.bnf.fr/flamands/grand/fla_094.htm. (Accessed: 11th December 2015).
11. Renniger, M. (1587) *A treatise containing two parts. 1 An exhortation to true love, loyalty, and fidelity to her Majesty. 2 A treatise against treasons, rebellions, and such disloyalties*. London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo2;idno=A10614.0001.001>. (Accessed: 11th December 2015).
12. UK. (1642) *The City of London's resolution, concerning their loyalty to the King, and their love and affection to the Parliament, in laying down their lives, liberties, and goods for the maintenance of the true Protestant religion....* [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo2;idno=A79825.0001.001>. (Accessed: 12th December 2015).
13. Owen, D. (1642) *A pervasion to loyalty, or, The subject's duty vvherein is proved that resisting or deposing of kings*. London. [Online] Available from: <http://quod.lib>.

- umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A53652.0001.001. (Accessed: 12th December 2015).
14. Grosse, R. (1647) *Royalty and loyalty or A short survey of the power of kings over their subjects: and the duty of subjects to their kings. Abstracted out of ancient and later writers, for the better composeing of these present distempers: and humbly presented to ye consideration of his Ma.tie. and both Howses of Parliament, for the more speedy effecting of a pacification.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A85738.0001.001>. (Accessed: 12th December 2015).
 15. Anon. (1653?) *The oath of every free-man of the city of London. City of London (England). London: James Flesher, printer to this honourable city.* [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53687.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
 16. Philpot, T. (1662) *The creples complaint, or, A sermon preached Sept. 29, 1661 at Akly, near Buckingham, upon some sad occasion in which among many motives unto loyalty and other religious duties is proved, by lamentable experience, that good things are better known when they are not, than when they are enjoyed.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A54805.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
 17. Higham, J. (1675) *A looking-glass for loyalty, or, The subjects duty to his sovereign being the substance of several sermons preached by a person who always looked upon his allegiance as incorporated into his religion.* London. [Online] Available at: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A43763.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
 18. Warren, E. (1685) *Religious loyalty, or, Old allegiance to the new king a sermon, preached on the eighth of February 1684.* London, 1685. [Online]. Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67688.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
 19. Warmstry, T. (1660) *The resurrection of loyalty and obedience, out of the grave of rebellion by the sacred force of the oathes of supremacy and allegiance, which have lain as dead, and out of minde, for diverse years, and here raised up out of the dust, and discovered in their great inviolable force and power unto the people : for the humbling of those that are guilty of the breach of them, the quelling of rebellious principles, and excitement unto the duties of obedience and subjection, according to the tenor of the said oathes.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67636.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
 20. Anon. (between 1660 and 1685) *The valiant seamans congratulation to his sacred Majesty King Charls the Second. With their wonderfull heroicall achievements, and their fidelity, loyalty, and obedience.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=B06433.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
 21. Smith, W. (n.d.) *A poem on the famous ship called the Loyal London Begun at the charge of the Right Honourable the Lord Mayor, aldermen, and commoners of the city of London, in the year 1665. and lanced June 10. 1666. which they presented to His Majesty as a testimony of their loyalty and dutiful affection; and built at Deptford by Captain Taylor.* [Online] Available at: <http://name.umdl.umich.edu/A60606.0001.001>. (Accessed: 15th December 2015).
 22. Nedham, M. (1648) *Loyalty speaks truth: or, a conference of the grand mercvries, pragmaticus, melancholicus, and elenticus, concerning the present condition of his Majesty, and the proceedings of this blessed Parliament.* London. [Online] Available from: <http://name.umdl.umich.edu/A89884.0001.001>. (Accessed: 15th December 2015).
 23. Wild, R. (1666) *The loyal nonconformist; or, An account what he dare swear, and what not.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A96485.0001.001>. (Accessed: 15th December 2015).

24. Grodzins, M. (1956) *The Loyal and the Disloyal: Social Boundaries of Patriotism and Treason*. Chicago: The University of Chicago Press.
25. Anon. (1795) *Appel à la loyauté nationale, ou Un mot sur un seul article du rapport de Lanjuinais, relatif à la loi du 17 nivôse. de l'impr. de Roblot*. Paris. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k465358>. (Accessed: 10th December 2015).
26. Anderson, B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 2nd ed. London, New York: Verso.
27. Garrison, W.L. (1861) *The loyalty and devotion of colored Americans in the revolution and war of 1812*. Boston, R.F. Wallcut. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/2027/mdp.39015002355660>. (Accessed: 10th December 2015)
28. USA. (1861) *Maryland. General Assembly Resolutions* [expressing loyalty to the Union. Annapolis. 1861]. [Online] Available at: <http://hdl.loc.gov/loc.rbc/rbpe.03104100>. (Accessed: 17th December 2015).
29. Marcellus. (1812) On Loyalty. *The Belfast Monthly Magazine*. 9(52). pp. 364-365.
30. Lathrop, G.P. (1894) Catholic Loyalty. A Reply to the President of the A. P. A. and to Bishop Doane. *The North American Review*. 159(453). pp. 218-224. [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/25103382>. (Accessed 10th December 2015).
31. Narskiy, I.S. (1976) *Immanuel Kant* [Immanuel Kant]. Moscow: Mysl'.
32. Gulick, L.H. (1906) Team Games and Civic Loyalty. *The School Review*. 14(9). pp. 676-678 [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/1075269>. (Accessed: 10th December 2015).
33. Royce, J. (1914) *The Philosophy of Loyalty*. Norwood: Norwood Press – J.S. Cushing Co – Berwick&Smith Co.

Received 04.02.2016;

Accepted 12.04.2016

Д.М. Егоров

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Зависимость индивидуальных стратегий восприятия лжи от форм ее предъявления

Представлены и проанализированы результаты эмпирического исследования индивидуальных стратегий восприятия лжи. Выделены основные параметры, характеризующие то, как люди формируют стратегии восприятия лживого текста (организуют и направляют процесс понимания). Выявлены и описаны 8 основных параметров, характеризующих стратегии восприятия лжи. Выделены четыре направленности формирования индивидуальных стратегий восприятия лжи: мотивационные, когнитивные, аффективные и аутентификационные. Приведены результаты корреляционного анализа рефлексивной оценки восприятия трех форм лжи: текстовой, аудиальной и аудиовизуальной. Описаны качества и своеобразие стратегий восприятия лжи. Проанализированы простые и сложные стратегии восприятия лжи. Ранжирование, оценивание и выбор предпочитаемых параметров представлены как стадии формирования стратегий восприятия лжи.

Ключевые слова: стратегия восприятия; виды стратегий; оценивание; ранжирование; выбор; ложь; направленность стратегии.

Введение

Изучение процессов распознавания лжи является актуальной темой современных психологических исследований. Особую важность эта проблема приобретает в связи с тенденциями развития индустрий, характерных для эпохи высоких технологий и пропаганды, так называемых «индустрий лжи», то есть систем, основанных на интенсивном информационном воздействии посредством правдоподобных, но по своей сути лживых текстов. Сегодня технические средства позволяют генерировать правдоподобные тексты, но системная цензура (и индивидуальная, и общественная) часто запаздывает, поскольку прочтение, оценка, квалификация, то есть понимание этих текстов, требует гораздо большего времени, чем их написание. В этой связи возникает специфическая психологическая ответственность за распознавание лжи, ложащаяся на человека. В нашем исследовании мы сосредоточились на экспериментальном изучении психологических стратегий восприятия человеком правдоподобного, но абсолютно лживого текста, текста, в котором изначально не было достоверных элементов или идей. Текст, стилизованный под информационное сообщение, был абсолютно вымышленным. Проведенное исследование показало, что

имеет место как вариативность, так и типичность индивидуальных стратегий восприятия лжи, что свидетельствует об индивидуальной свободе в восприятии лжи и внушает оптимизм по отношению к опасности, связанной с избытком и неконтролируемостью лжи в жизни современного человека.

Исследования психологии восприятия лжи имеют не длинную, но яркую историю. Пионером в изучении закономерностей распознавания лжи считается П. Экман [1]. Он сосредоточился на выявлении основных индикаторов ситуации обмана. Им были выделены и исследованы такие индикаторы, как голос, жесты, мимика, позы, речь, физиологические реакции. П. Экман показал, что распознавание лжи требует учитывать не отдельные индикаторы и их значения, а ансамбли реакций и индикаторов, поскольку понять восприятие лжи возможно, оставаясь только в контексте восприятия обмана, в том числе в контексте ответов, вопросов, тенденций и пр. О. Фрай отмечает, что знание этих индикаторов не привело к созданию эффективной методики распознавания обмана, хотя попытки распознавания обмана не бесполезны [2]. Работа П. Экмана, кроме всего прочего, важна тем, что создала основания для изучения проблемы распознавания лжи не только в масштабе бытия (существования, наличия лжи), но и в масштабе присутствия (экзистирования, переживания, становления лжи), с учетом не только содержания и обстоятельств, но и тенденций, активностей, индивидуальности стратегий.

Ложь в данной статье рассматривается как психологическая система [3], то есть система, характеризующаяся усложнением и интенсивностью саморазвития. Соответственно, проблему изучения стратегий восприятия лжи предлагается решать на основании системно-антропологического подхода в психологии (учение о психологических системах). Объектом исследования выступают стратегии восприятия лжи, а предметом исследования – зависимость разнообразия стратегий восприятия лжи от формы ее предъявления, значимыми маркерами – характеристики усложнения и саморазвития индивидуального восприятия лжи.

В предыдущей статье [4] были выделены параметры оценивания, которые могут выступить как основные компоненты формирования индивидуальных стратегий восприятия лжи. В этой статье отражены результаты исследования вопроса о влиянии формы предъявления лжи на разнообразие индивидуальных стратегий.

Стратегиями восприятия лжи мы предлагаем обозначать индивидуализированные способы ранжирования, оценивания и отбора значимых параметров при формировании отношения к тексту. В данном исследовании рассматриваются индивидуальные стратегии в соответствии с формой предъявления лжи (текстовой, аудиальной и аудиовизуальной). На основании предыдущих результатов исследования [4] были отобраны 8 параметров, характеризующих направленность (то есть стратегию) восприятия сообщения: мотивационность (степень проявления интереса и вовлеченности), когнитивность (степень проявления понимания и логичности восприятия), аффективность (степень принятия, сопереживания и эмо-

циональности), аутентичность (степень проявления доверия, реалистичности и подлинности).

Была выдвинута следующая гипотеза исследования. Разнообразие стратегий восприятия лжи связано с формой ее предъявления. В качестве данных использовались рефлексивные мнения и оценки. Респондентам предлагался текст, после ознакомления с которым рекомендовалось произвести расстановку параметров в порядке убывающей значимости (от 1 до 8; порядковая шкала), оценить ложь посредством шкалы отношений (от -10 до +10) и произвести отбор тех параметров, которые являются значимыми для респондентов в отношении их опыта восприятия сообщения.

В дополнение были также сформулированы 2 рабочие гипотезы, которые позволяли ответить на вопрос о взаимосвязи параметров, входящих в состав стратегий.

Мы предположили, что если человек использует для характеристики текста и его восприятия несколько параметров, то его стратегию можно обозначить как сложную, и это выразится в наличии корреляций между четырьмя основными характеристиками. В случаях, когда люди для описания сообщения и своего восприятия используют один параметр, их индивидуальные стратегии можно считать простыми, о чем будет свидетельствовать распределение (дисперсия) значений.

Материалы и методики исследования

Объем выборки составил 100 человек из числа студентов колледжа и университета. Средний возраст участников 19 лет; возрастной диапазон – в пределах от 16 до 24 лет.

Независимая переменная. Основной независимой переменной выступала форма предъявления лжи. В соответствии с тремя значениями независимой переменной были сформированы 3 экспериментальные группы. Участникам первой экспериментальной группы (33 человека), предъявлялась ложь в форме текстового сообщения. Второй группе (34 человека) предъявлялось аудиальное сообщение. Наконец, третьей экспериментальной группе (33 человека) предлагали видеосообщение. Содержание сообщений было одинаковым. Это был текст, стилизованный под новостное сообщение.

Зависимые переменные:

– Индивидуальные оценки респондентов текста и его восприятия. Эти показатели выражались в подсчете средних значений оценивания по каждому из 8 параметров.

– Индивидуальные ранжирования параметров, характеризующих текст и его восприятие. Сравнивались варианты распределений участниками 8 параметров в порядке убывания значимости.

– Индивидуальные выборы (предпочтения) параметров, характеризующих текст и его восприятие. Производились подсчеты значимых выбо-

ров параметров, а также выделения типа направленности на основании таких выборов.

Методика исследования. Был составлен текст, стилизованный как новостное сообщение, в котором описывались вымышленные события военного конфликта, произошедшего в неопределенном прошлом. Были подготовлены три версии предъявления текста: распечатка, аудиосообщение, видеосообщение. В варианте видео голосовое сообщение было синхронизировано с видеорядом, изображавшим военный конфликт. Каждой группе респондентов предъявлялся один из трех вариантов сообщения: в форме якобы отрывка из газетного текста, радиосообщения и телевизионного сообщения. В целях контроля установки участникам предлагалась инструкция, располагающая к спокойному, неспешному восприятию сообщения, в инструкции экспериментатор просил респондента поучаствовать в исследовании психологии восприятия, для чего прочитать, послушать или посмотреть предлагаемое сообщение и оценить его. О происхождении сообщений более ничего не говорилось. Каждому участнику в зависимости от формы лжи предлагался бланк, в котором необходимо было в определенной последовательности произвести ранжирование параметров, оценивание сообщения по этим параметрам и итоговый выбор предпочитаемых параметров с точки зрения участников для адекватного восприятия и оценивания этого сообщения. Процедура ранжирования осуществлялась после первого взаимодействия с сообщением путем распределения параметров в порядке убывания значимости, через присвоение порядкового номера. Процедура оценивания осуществлялась по каждому параметру путем введения на шкале числа или области чисел. Наконец, процедура выбора предпочитаемых для восприятия сообщения параметров производилась после ранжирования и оценивания. Этот выбор находился в диапазоне от 1 до 8 параметров. Количество прочтений, прослушиваний и просмотров сообщения было произвольным, а точнее, столько раз, сколько решит участник исследования.

Участникам предлагались информационное письмо и бланк письменного согласия на участие в исследовании. Данные, подготовленные для обработки, исключали персональную информацию.

Из статистических процедур использовались однофакторный дисперсионный анализ для оценивания лжи по всем параметрам, корреляционный анализ результатов оценивания; сравнение частот по критерию Хи-квадрат применялось для процедуры отбора предпочитаемых параметров.

Результаты исследования

Представим основные экспериментальные данные в форме диаграмм и матриц.

Для начала приведем коррелограммы, а в конце представим результаты дисперсионного анализа и теста Хи-квадрат.

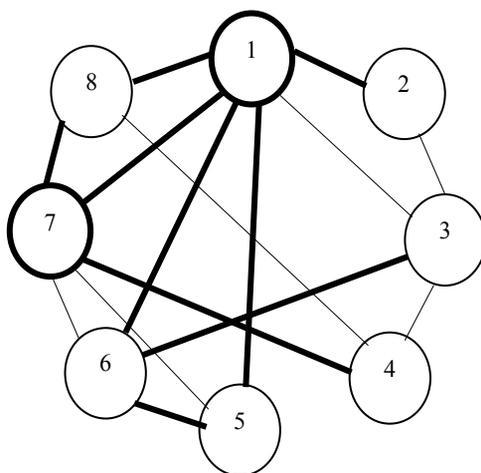

Рис. 1. Коррелограмма параметров для текстовой формы лжи:
 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание;
 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;
 ————— $p < 0,05; 0,36 < r < 0,43;$
 ————— $p < 0,01; 0,43 < r < 1$

На рис. 1 можно увидеть, что наибольшее число статистически значимых корреляционных связей, имеют такие параметры, как: *интерес* (за ним следуют по убывающей: вовлеченность, понимание, переживание, эмоциональность, доверие, реалистичность) и *доверие* (соответственно: интерес, понимание, логичность, переживание, эмоциональность, реалистичность). Можно предположить, что усложнение стратегий восприятия лжи связано с аспектами мотивационности и аутентичности. Остальные параметры имеют от 3 до 4 статистически значимых и очень тесных связей. Такое количество корреляционных связей может означать, что имеет место образование сложных (направленностей) стратегий в ответ на восприятие текстовой формы лжи. Можно сказать, что уменьшение числа корреляций параметров, образующих когнитивность и аффективность, говорит о возможной тенденции к усложнению по этим аспектам в других контекстах восприятия. В нашем случае в контексте другой формы предъявления лживого сообщения (это что значит?) следует отметить обратную связь между реалистичностью и числом обращений к тексту. Реалистичность лжи оценивалась тем выше, чем меньше обращались к тексту испытуемые.

Ниже приведем более подробный теоретический анализ коэффициентов. Здесь же отметим только то, что большая часть параметров взаимосвязана, что говорит о нормальности сложных стратегий восприятия лжи.

На рис. 2 можно видеть, что наибольшее число статистически значимых и тесных связей имеют такие параметры, как *понимание* (далее по убывающей: интерес, вовлеченность, логичность, переживание, доверие и

реалистичность) и *переживание* (далее, соответственно, интерес, вовлеченность, понимание, логичность и эмоциональность). Когнитивность и аффективность также составляют основу усложнения стратегий восприятия лжи.

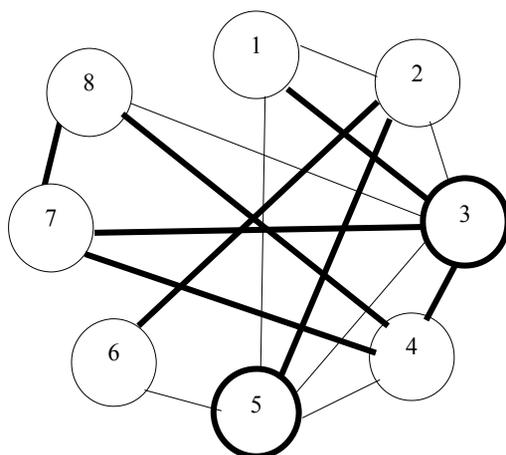

Рис. 2. Коррелограмма параметров для аудиальной формы лжи:
 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание;
 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;
 ————— $p < 0,05; 0,36 < r < 0,43$;
 ————— $p < 0,01; 0,43 < r < 1$

Следует отметить, что параметр «интерес» в случае с аудиальной формой предъявления лжи потерял половину статистически значимых связей в сравнении с текстовой формой. Кроме того, у интереса на уровне этой формы лжи появилась новая обратная связь с числом обращений к сообщению. Можно видеть, что чем выше был интерес испытуемых, тем ниже число обращений и наоборот. В целом наблюдается тенденция к стабилизации числа корреляционных связей. Можно предположить, что по мере повторения ложь становится очевиднее, если человек склонен к сложным стратегиям восприятия.

Для рис. 3 можно отметить, что наибольшее число корреляционных связей имеют такие параметры, как *интерес*, *реалистичность*, *доверие*, *переживание*, *эмоциональность*, *логичность* и *понимание*. Эти параметры имеют по 6 и 7 тесных и значимых связей. Для корреляций этой формы лжи наблюдается максимальная тенденция к установлению связей между всеми параметрами. В этой матрице исчезла связь между интересом и числом обращений к видеосообщению, она перешла в тенденцию, имеющую прямую зависимость. Можно предположить, что усложнение стратегий восприятия связано с тенденциями увеличения числа взаимосвязей между всеми параметрами восприятия в ответ на усложняющийся контекст восприятия лжи; в данном случае видеоформа содержала в своем составе

ложь, представленную как несоответствие между аудиальной и визуальной формами лживого сообщения.

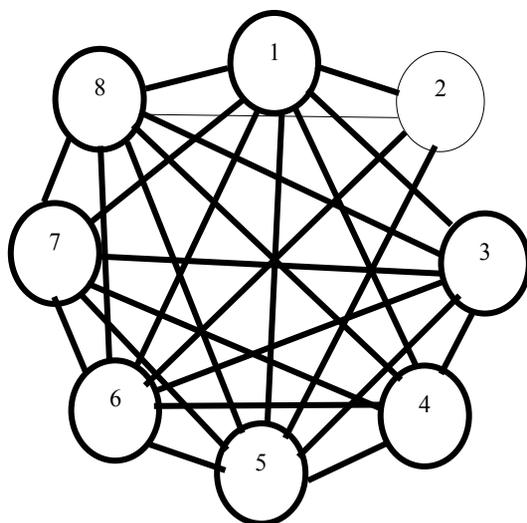

Рис. 3. Коррелограмма параметров для аудио-визуальной формы лжи:
 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность;
 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;
 ————— $p < 0,05; 0,36 < r < 0,55$;
 ————— $p < 0,01; 0,55 < r < 1$

Наконец, приведем результаты дисперсионного анализа и теста Хи-квадрат, которые помогут ответить на вопрос о наличии или отсутствии статистически достоверных различий в оценивании по параметрам, а также в значимых выборах параметров в зависимости от формы предъявления лжи.

Результаты проверки показывают, что достоверно различаются средние значения по параметру реалистичности $F = 3,697$; $\alpha = 0,028$ и числу обращений к сообщению $F = 11,311$; $\alpha = 0,000...$ Можно отметить как тенденцию к различению средних значений по параметру эмоциональность, где при $F = 2,906$ значимость $\alpha = 0,059$.

Приведем результаты качественного анализа стратегий восприятия лжи, полученные на основе устного опроса участников исследования.

Таблица иллюстрирует, что каждому из четырех типов стратегий присущи качественные своеобразия. Оценка параметров в соответствии с выделенными типами стратегий показала различия в суждениях испытуемых относительно каждого типа. Мотивационность характеризовалась в контексте интереса к содержанию лжи. Когнитивность определялась участниками через осмысление и удобность понимания текста, аффективность – посредством эмоций, которые вызывали у них формы предъявления лжи. Наконец, аутентичность выражалась через реалистичность и доверие к тексту.

Характеристика стратегий восприятия лжи

Тип стратегии	Основная характеристика стратегий для 3 форм лжи		
	Текстовая	Аудиальная	Аудиовизуальная
Мотивационная	Заинтересованность содержанием текста нейтральная	Средняя либо низкая заинтересованность	Чаще высокая заинтересованность
Когнитивная	Акцент на понимании текста, на логичности переходов в тексте	Акцент на понимании и осмыслении того, что говорят	Акцент на понимании видеоряда, чаще отсутствует учет голоса диктора
Аффективная	Эмоциональность и переживание чаще носят нейтральный характер	Эмоциональность и переживания в большей мере имеют негативный характер по причине голоса диктора	Переживания и эмоциональность носят как негативный, так и позитивный характер с элементами сочувствия. Голос воспринимается чаще как нейтральный
Аутентичная	Уровень реалистичности низкий, чаще не доверяют содержанию	Уровень реалистичности и доверия на среднем уровне	Высокий уровень реалистичности лжи. Акцент на видеоряде

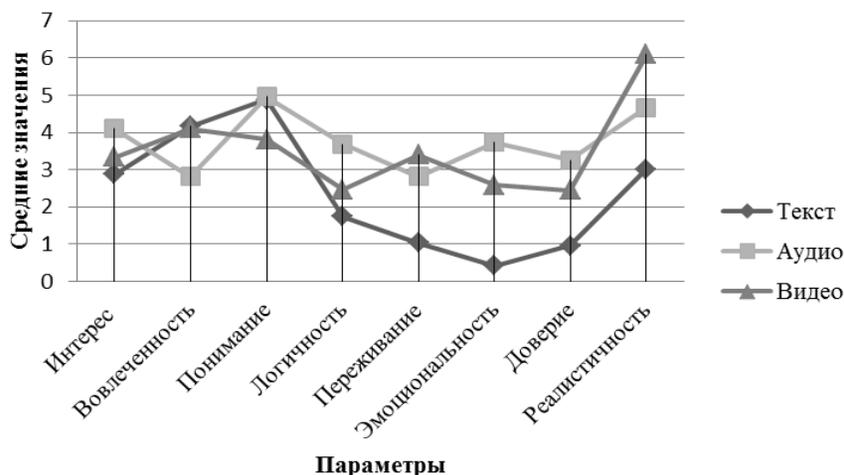

Рис. 4. Распределение результатов оценивания лжи в зависимости от формы предъявления

На рис. 4 можно видеть распределение результатов оценивания в зависимости от формы предъявления лживого сообщения. Средние результаты по эмоциональности равняются для текстовой формы 0,4, для аудиальной – 3,7, для видеоформы – 2,6. Средние значения по реалистичности лжи равняются для текстовой формы 3, для аудиальной – 4,7, для видеоформы – 6,1. Такие различия можно наблюдать не только для параметров, ко-

торые образуют аутентичные стратегии, но и для параметров, образующих аффективные стратегии восприятия лжи. Мы также можем видеть, что мотивационные и когнитивные параметры по средним результатам оценивания лжи минимально различаются. Эти различия мы склонны связывать с формированием различных по знаку и типу направленности отношений к лживому сообщению, а причиной таких различий выступает усложняющийся по форме предъявления контекст.

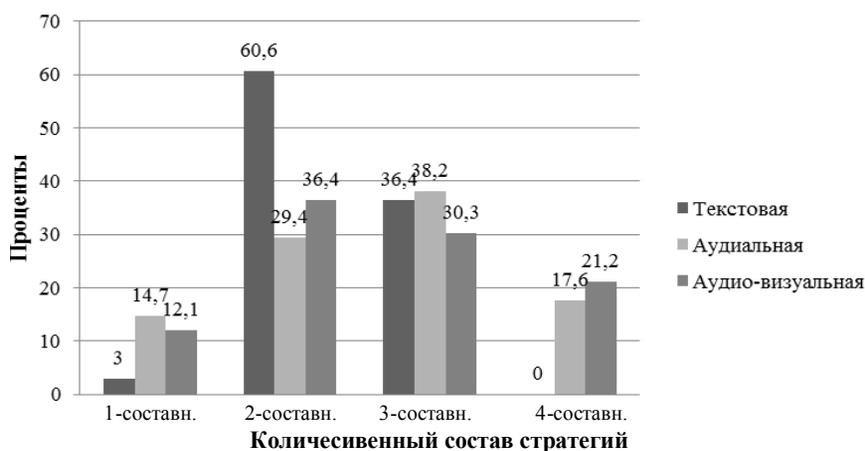

Рис. 5. Процентное распределение типов стратегий

Диаграмма показывает преобладающее число 2-составных и 3-составных стратегий. При этом в текстовой группе наблюдается ярко выраженное преобладание 2-составных стратегий и явное уменьшение 1-составных стратегий в той же группе по сравнению с аудиальной и аудиовизуальной группами. В текстовой группе отсутствует вариант 4-составных стратегий. Возникает вопрос, можно ли считать распределение стратегий по составу в зависимости от формы лжи неслучайным? На данный вопрос мы ответим позднее при помощи теста Хи-квадрат.

Отвечая на вопрос о различиях по количественному составу типов направленностей в стратегиях в зависимости от формы предъявления лжи можно сказать, что значение критерия χ^2 достигает 13,651. Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0,05$ составляет 12,592. Связь между факторным и результативным признаками статистически значима при $p < 0,05$.

Результаты процедуры ранжирования параметров показали, что чаще других параметров на первое место испытуемые выставляли интерес, на второе место – понимание. Последние же места в этой процедуре занимали параметры доверия и логичности. Ниже мы вернемся к обсуждению данной процедуры, которую считаем в соответствии с нашими теоретическими представлениями важным моментом в формировании стратегий восприятия лжи.

Обсуждение и анализ результатов исследования

Попытаемся проанализировать и объяснить полученные результаты исследования. Начнем анализ с основной гипотезы исследования.

Во-первых, на вопрос о том, существуют ли многообразие стратегий восприятия лжи, в рамках проведенного эксперимента можно ответить утвердительно. Участники использовали разнообразные типы стратегий. Преобладающими, как и предполагалось, оказались сложные типы, а именно: мотивационно-когнитивные, когнитивно-аффективные, мотивационно-когнитивно-аутентичные. Участники использовали и простые стратегии, которые состояли из одного параметра оценивания и восприятия.

Во-вторых, исследование ранжирования и отбора предпочитаемых параметров для восприятия сообщения позволило показать, что значительный вклад в восприятие лжи вносит инициатива воспринимающего; формирование индивидуальной стратегии восприятия лживого сообщения проходило по пути инициативного восприятия и характеризовалось тенденциями саморазвития и усложнения. Действительно, в процессе ранжирования участники формировали определенный ряд из предложенных параметров по степени значимости для восприятия лживого сообщения. Ранжирование различалось в зависимости от формы предъявления лживого сообщения. В ранжировании параметров для текстовой формы лжи преобладали интерес, понимание, в ранжировании параметров для аудиальной формы лжи – понимание, интерес, реалистичность, в ранжировании параметров для аудиовизуальной формы лжи – понимание, переживание, эмоциональность.

В-третьих, рабочие предположения нашли свое подтверждение. Были обнаружены корреляционные связи между большинством параметров, образующих четыре типа направленности восприятия. Эти данные позволяют утверждать преобладание сложных стратегий восприятия лжи.

В-четвертых, форма предъявления лжи достоверно влияла на количественный и качественный состав стратегий. Действительно, участники, которым предъявляли текстовую форму лжи, использовали в основной массе 2-составные стратегии, которые носили преимущественно мотивационно-когнитивную направленность. Участники аудиальной и аудиовизуальной группы использовали наряду с 2-составными 3- и 4-составные стратегии восприятия. В аудиальной группе преобладали мотивационно-аутентичные стратегии с включением когнитивных компонент, а в аудиовизуальной – наблюдалось преобладание когнитивно-аффективных стратегий с включением как мотивационных, так и аутентичных компонент. Такой результат можно объяснить тем, что ложь, предъявляемая в текстовой форме, когда человек мог зрительно и умственно контролировать восприятие и анализ текста, актуализировала стратегии восприятия более простые, в нашем случае 2-составные. И наоборот, аудиальная форма, где представлен только голос, и тем более аудиовизуальная форма, где с голосом сочетался видеоряд сцен военных действий и насилия, приводили к усложнению стратегии восприятия лжи. Другими словами, с позиций теории пси-

хологических систем мы наблюдали количественное (число направленно-стей) и качественное (тип направленности) усложнение стратегий восприятия с усложнением формы лжи.

В-пятых, были обнаружены достоверные различия в средних значениях для параметра реалистичности и числа обращений к содержанию лжи. Наибольшую оценку реалистичности лжи продемонстрировали участники аудиовизуальной группы, наименьшие оценки – участники текстовой группы. Форма выступила в качестве основного фактора, который определил различия в оценивании реалистичности.

В-шестых, число обращений к содержанию лжи также достоверно различалось в зависимости от формы лжи. Наибольшее число обращений демонстрировали участники текстовой группы, а наименьшее – аудиальной.

Наконец, в зависимости от формы лжи в стратегиях восприятия были выделены устойчивые и изменчивые параметры. Так, к числу устойчивых параметров, которые преобладали во всех трех экспериментальных группах, были выделены интерес и понимание. Эти параметры выступали в качестве преобладающего выбора испытуемыми независимо от формы предъявления лжи. В качестве изменчивых были представлены параметры логичности и переживания, которые имели тенденцию к изменению в зависимости от формы предъявления лжи.

Полученные результаты экспериментального и корреляционного исследования стратегий восприятия лжи могут иметь большое практическое и теоретическое значение. Практическая польза от полученных результатов связана с феноменом манипулирования общественным мнением, а также с разработкой технологий изменения индивидуального и общественного сознания в условиях информационных войн. Эти результаты, вероятно, способны помочь в создании методов и технологий, препятствующих манипуляциям с индивидуальным и общественным мнением. В теоретическом плане такие результаты будут способствовать уточнению и расширению области исследований, связанных с обманом и ложью, в контексте стратегий восприятия.

Наконец, остается наметить пути дальнейших исследований. Обычно стратегии рассматривались в контексте мыслительного процесса, через выдвижение гипотез [5]. Стратегии восприятия лжи в статье представлены через процессы ранжирования, оценивания и отбора, в контексте теории психологических систем, которым присущи свойства усложнения и саморазвития [6]. Мы также были ориентированы только на феномен лжи. Вместе с тем рассмотрение обмана вне ее противоположности можно считать односторонним. В этой связи, с нашей точки зрения, целесообразно исследовать стратегии восприятия правды в контексте выделенных нами процедур и методов исследования. Недостаточно изучены и динамические характеристики стратегий восприятия лжи и правды. Организация и проведение такого рода исследований позволит получить ответы на сформулированные вопросы.

Литература

1. Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2007. 185с.
2. Стиль человека: психологический анализ / под ред. А.В. Либины. М. : Смысл, 1998. 310 с.
3. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
4. Егоров Д.М. Сравнительный анализ стратегий восприятия лжи, предъявляемой в письменной и аудиальной форме // Вестник Омского государственного университета. 2015. № 397. С. 191–198.
5. Дж. Брунер. Основы психологии познания. М., 1977. 464 с.
6. Ключко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, № 1. С. 165–178.
7. Лукьянов О.В. Принцип трансвременности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59–66.

Поступила в редакцию 01.04.2016 г.; повторно 14.04.2016 г.; принята 26.04.2016 г.

ЕГОРОВ Дмитрий Михайлович, аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: e_dima@bk.ru

RELATION BETWEEN INDIVIDUAL STRATEGIES OF LIE PERCEPTION AND FORMS OF ITS PRESENTATION

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 40–52. DOI: 10.17223/17267080/60/3

Egorov Dmitry M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: e_dima@bk.ru

Keywords: strategy of perception; types of strategies; evaluation, ranking; selection; lie; intention of a strategy.

The article is devoted to the study of diverse individual strategies to perceive lies, and relation between their formation and the forms in which false texts are presented. In this study we consider a lie as a psychological system the meaning of which is objectified in the process of complication and intensification of perception (self-development). The problem of studying the strategies of lies perception is explored on the basis of the systemic-anthropological approach. The study showed that there is a variability and typicality of individual strategies of perception of lies.

Results and discussions.

The data for the study were opinions and assessments of respondents from three groups, differing by the form of presentation of the stimulus material.

The results showed that with this type of the study design (when stimulus material was presented as a short news report) participants use both simple and complex strategies of perception of false messages. In a group of participants, in which the message was presented in a text form, motivational cognitive strategies prevailed. In the “auditory group” of participants cognitive-affective strategies with elements of motivational intention were dominating. In the “audio-visual group” motivational-affective and cognitive strategies with elements of authentic intention were predominant.

Statistically significant differences were found for the parameter “realism”, and the number of references to the text. The form of presentation of lies influenced the level of assessment to the specified parameter. The lowest values of the level of assessment of the parameter

“realism” was demonstrated by the participants from the “text group”. The highest value for the same parameter was demonstrated by the participants from the “audio-visual” group.

Correlation analysis showed a close relation between the majorities of parameters. In the “text group” the complication of the strategies for perception of lies was performed on motivational-authentic way. In the “auditory group” the complication of the strategies for perception of lies was performed on cognitive-affective way. Finally, the participants from the “audio-visual group” demonstrated the complication process in all types of intentions.

Conclusion

The study revealed different types of strategies for perception of lies. The relation between individual perception strategies and the form of presentation of false messages was discovered. Stable and changeable components of strategies were identified. Stable components include motivational and cognitive. Changeable components are affectivity and authenticity.

These findings may be used in the development of technologies to counter manipulations of social and individual consciousness.

References

1. Ekman, P. (2007) *Psikhologiya lzhi* [The Psychology of Lie]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
2. Libin, A.V. (ed.) (1998) *Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz* [The style of a person: psychological analysis]. Moscow: Smysl.
3. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Luk'yanov, O.V. (2015) The system anthropological psychology: Framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9-20. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2
4. Egorov, D.M. (2015) A comparative analysis of perception of lies presented in written and audio forms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 191-198. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/34
5. Bruner, G. (1977) *Psikhologiya poznaniya* [Cognitive psychology]. Moscow: Progress.
6. Klochko, V.E. (2008) Postneklassicheskaya nauka i problema ob'yasneniya v psikhologii [Postnonclassical science and the problem of explanation in psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 165-178.
7. Lukyanov, O.V. (2007) Principle of transtemporality in psychological practice. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 25. pp. 59-66. (In Russian).

Received 01.04.2016;

Revised 14.04.2016;

Accepted 26.04.2016

Н.И. Нелюбин

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Проблема мышления в психологии: системно-антропологический ракурс

Представлена попытка осмысления концептуальных основ экзистенциальной онтологии мышления человека с позиции системной антропологической психологии. Обосновывается взаимная сопряженность мышления и существования человека. Через обращение к феноменологии «присутствия», «личностного знания», «поступающего мышления», «напряженной возможности», «смыслообразования» раскрывается экзистенциальная ситуация мышления. Очерчиваются концептуальные контуры экзистенциально-ориентированной психологии мышления, сосредоточенной на экспликации экзистенциальных априори человека, выступающих в качестве смыслообразующего базиса его мышления.

Ключевые слова: мышление; существование; бытие; смысл; смыслообразование; присутствие; возможность; миропроект, экзистенциальные априори.

Если начинаешь применять метод «рефлексивной трансспекции», предполагающий прослеживание «собственного движения в науке через призму трансспективы психологического познания» [1. С. 69], то обязательно «придешь» к базовым и в какой-то мере предельным и «долгодействующим» категориям (М.К. Мамардашвили), позволяющим размышлять о сквозных проблемах психологической науки и собирать в целостную картину ее прошлое, настоящее и возможное будущее. К таким сквозным, трансдисциплинарным категориям, придающим психологическому курсу предельный антропологический крен, относятся категории мышления и существования, образующие с подачи Р. Декарта концептуальный континуум постижения человеческого сознания. Декартово «*cogito*» убедительно демонстрировало референтность, взаимную сопряженность мышления и существования, оставляя потомкам такой идейный задел, что, казалась бы, эти две категории в последующих исследованиях будут рассматриваться как две стороны одной медали. Тем не менее один из возможных онтологических проектов так и не смог получить должного развития и состояться в психологии, хотя выражение Р. Декарта по популярности сегодня не уступает изречению дельфийского оракула.

М. Хайдеггер в одной из своих последних работ, словно обращаясь к потомкам, сформулировал вопрос: «Что значит мыслить?» [2]. Проблема-тизируя его, он писал: «До сих пор мы не вошли в собственную сущность

мышления, чтобы поселиться там» [2. С. 142]. В этих словах угадывается сожаление основоположника экзистенциального анализа о том, что проблема мышления все еще решается за рамками антропологического ее понимания, что мышление остается до сих пор малоосвоенным пространством в онтологии человеческой жизни, хотя теорий мышления сформулировано немало. Своего разрешения ждет уже целая серия вопросов, порождаемых философским вопрошанием М. Хайдеггера. Как человек входит и удерживается (пребывает) в состоянии мышления (хотя М.К. Мамардашвили мог бы здесь возразить, что в него нельзя войти, надо уже быть в нем)? Каким образом он устанавливается и сбывается в качестве присутствующего в мыслимом? Как в содержании мыслимого и в способе мышления экспонируется способ бытия человека в мире? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо придерживаться центрального правила экзистенциально-онтологического анализа, которое было сформулировано М. Хайдеггером: «Фундаментальную онтологию, из которой могут возникнуть все другие, надо искать в экзистенциальной аналитике присутствия» [3. С. 29]. Правило это на всем протяжении истории психологии, да и всего гуманитарного знания, намеренно бралось или же интуитивно «нащупывалось» и в определенной мере реализовывалось многими авторами (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Л. Бинсвангер, М. Боос, Н.О. Лосский, М.К. Мамардашвили, П. Рикер, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, К. Ясперс и др.). Широта распространения этой тенденции указывает на аксиоматический характер этого экзистенциально-аналитического манифеста и на стремление ученых «перевести, транспонировать в акт познания обстоятельства, формы и последствия духовного опыта» [4. С. 29]. Но вместе с тем подавляющее большинство приверженцев доктрины «автономного развития познания» [4] обходило это правило стороной как неудобный вызов инерции позитивного мышления.

Так или иначе, в процессе становления психологического знания ученые неоднократно возвращались к вопросу сопряженности мышления и существования, пытаясь вывести проблему мышления из ведения когнитивизма и решать ее в более широком – антропологическом контексте рассмотрения. Гениальный отечественный философ П.А. Флоренский в свое время, на заре становления российской психологии, сформулировал чрезвычайно важную для гуманитарной науки мысль: «...акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но реальный» [5. С. 73–74]. Мысль эта еще в начале XX в. позволяла узреть мнимость разрыва между познавательными и бытийными актами, реализуемыми человеком, и признать их единство. Позже С.Л. Рубинштейн напишет строки, в которых будет заключен базовый постулат бытийного познания: «Самое познание как открытие бытия – это не акт сознания, не только деятельность сознания человека, а в силу участия в нем практики – способ, модус существования человека по отношению к бытию» [6. С. 289]. В этих строчках философская антропология, зреющая поэтапно «под шелухой позитивизма» (П.А. Флоренский), уже находит свое

конкретно-психологическое воплощение в формуле: «Способ познания есть одновременно способ бытия человека в мире».

Познание не может представлять собой лишь формально-рассудочный захват и покорение реальности (данной исследователю лишь топографически) отчужденным и отгороженным от нее инструментами объективации наблюдателем. В случае гуманитарного знания оно всегда выступает как «синэнергетическое откровение реальности» [7. С. 259], высвечивающее в познающем наиболее напряженные очаги самобытия, напряженные точки «пульсации» и становления мысли. Потому на передний край психологической науки выходит онтология взаимодействия человека и познаваемой реальности «с ее порождающим эффектом» [1. С. 43]. В качестве антиципирующих «проводников» и «посредников» взаимодействия выступают смыслы, которые, по замечанию В.Е. Ключко, stanovятся «... тем, что определяет границы жизненного мира человека, выделяет его из того пространства, которое часто называют безликим словом «окружение». Человек проецирует в это окружение свое состояние, свои актуальные потребности и возможности, создавая неповторимую, динамичную «смысловую разметку» многомерного пространства жизни, обеспечивающего многомерность его бытия» [8. С. 109–110].

Идея познавательной избирательности является настолько универсальной, что она, словно «сквозной сюжет», появлялась в философской антропологии М. Шеллера, феноменологической социологии А. Шюца, экзистенциальной феноменологии М. Хайдеггера, экзистенциальном анализе Л. Бинсвангера. Так, А. Шюц писал, что мы воспринимаем лишь те аспекты мира, «которые релевантны нам для осуществления наших дел в жизни» [9. С. 8]. Согласно М. Хайдеггеру в первую очередь мы осмысливаем то, что отвечает (референтно) «зову нашей сущности», что в пределе «высвечивает» ее [2, 3, 15]. Данный «горизонт понимания», по замечанию Л. Бинсвангера, «дал новый импульс научному исследованию человеческого существования и его особых модусов бытия» [10. С. 6]. «Вместо расщепления бытия на субъект (человека, личность) и объект (вещь, окружающую среду), – писал ученый, – теперь у нас есть единство существования и «мира», обеспечиваемое трансценденцией» [Там же]. Мышление, понятое как модус человеческого бытия, есть вместе с тем способ трансценденции человека в направлении такого миропроекта, в котором будет снят разрыв между миром и существованием.

Современная методология, взятая в ее антропологическом и, следовательно, бытийно-познавательном срезе, уже не может представлять собой свод деперсонифицированных нормативов познания, правил и предписаний по применению готовых гносеологических «трафаретов» [11]. Обеспечивая концептуальным положениям логическое единство и стройность, они часто замещают собой исследуемую реальность, редуцируя ее до состояния фантомного схематизма, который впоследствии выдается за подлинное описание реальности. На поверку за стройностью и логической завершенностью научных схематизаций зияет дыра, соразмерная исходному

предмету изучения, поскольку мир, и в частности жизненный мир человека, «сам по себе не обладает объективно упорядоченной и рационально постижимой структурой» [12. С. 19], не «ведет себя» в соответствии с какой-либо объяснительной схемой. Обладая свойствами динамичности, спонтанности, многомерности и генеративности, он принципиально избыточен по отношению к любой попытке схематизировать его. Наиболее глубинные и недоступные для поверхностного количественного вычерпывания пласты бытия человеческого сознания, образующие нелинейные смысловые целостности, остаются за пределами досягаемости любых концептуальных построений, созданных по лекалам классической рациональности. Так, по замечанию П.А. Флоренского, «...там где нет логического единства схемы, может слышаться и иное единство, несравненно более связанное, жизненно более глубокое, чем гладкий план, наложенный поверхностно и своим лоском прикрывающий убожество внутренних неувязок и рассыпающихся представлений» [7. С. 37]. Смысловое единство человека – это как раз то, «иное единство», обладающее свойством глубины, а значит, вбирающее в себя смысловые образования личности разной степени осознанности. Причем каждое смысловое образование является полноправным представителем реальных жизненных отношений человека, а их «сцепление, наслаивание и взаимоперекодирование» [13. С. 128] придают глубину и многомерность человеческому сознанию. В силу этого в нем возможны бесконечные генерации смыслов, которые уже напрямую не связаны с реальными жизненными отношениями человека и тем более не вызваны ими. Эти смысловые структуры теперь уже сами могут существенно опосредствовать, определять характер и содержание жизненных отношений человека, диктуя им определенную идейно-ценностную направленность и сюжетную акцентировку.

В случае психологии методология, как реальная мыследеятельностная практика, представляет собой рефлексивное (и порой страдательное) восхождение «исследователя к собственной философско-методологической позиции» [14. С. 6], в том числе и к собственной жизненной философии, истоки которой берут начало в еще допонятийных актах «предвосхищения-предухватывания» [15] смысла на уровне ноэтической «ферментации» знания. Смысловая действительность «есть условие, и фон, и запасник, из которого мы черпаем, можем формировать осмысленные термины» [16. С. 215]. Замысел как проект развития мысли недоступен нам сразу, здесь и сейчас для концептуализации, он должен «приобрести силу на осуществление своей собственной возможности» [16. С. 27], как сказал бы М.К. Мамардашвили. «Лишь на черенке «я мыслю, я существую», по убеждению автора, можно привить «мир, в котором... можно иметь “свободную мысль-поступок”» [16. С. 11–12]. «Поступающее мышление» тем и отличается от «специального мышления», оперирующего отчужденными терминологическими конструкциями, что в нем проявляется жизненная позиция человека, модус его бытия в мире и что оно не отделено от значимых жизненных отношений ученого, который «как бы делом своей жизни

реализует, или экземплифицирует, мысль или «мысль-бытие»» [13. С. 111]. Поэтому такое мышление было названо М.К. Мамардашвили «бытийно-личностным экспериментом» [Там же]. «Я могу помыслить (соответственно: «испытать», «почувствовать» и так далее) что-то, – отмечал ученый, – лишь установившись в мысли» [13. С. 128]. Человек может начать конституировать мыслимое, лишь обнаружив себя во всей полноте и неотвратимости собственной экзистенциальной ситуации мышления, – ситуации, из которой он мыслит и в которую он на свой страх и риск поместил себя сам.

Мысль как поступок, как «высказывание самобытия» в современном научном дискурсе противопоставлена безднам «торжественного небытия» [16. С. 216], обосновавшегося в растиражированной форме удобоваримого институционализированного (нормативного) языка, в котором «наскоро «пройдены» и «потреблены» понятия, заимствованные извне, но толком не освоенные изнутри» [Там же. С. 277]. Субъекты, оперирующие такими понятиями, по замечанию М.К. Мамардашвили, являются «холостяками жизни», которые пропустили решающие моменты «духовного развития, а в языке оказались впереди всех» [Там же]. «Их тексты не просто чудовищно скучны, но еще и написаны совершенно деревянным, мертвым языком. Они изначально исключают живую, свободную мысль» [Там же. С. 173]. По злой иронии судьбы торжествующий автопоэзис специализированного языка, стремительно заполняющий бесчисленные страницы научных статей и монографий, заглушал голоса «мыслящих сознаний». Ситуация эта сама по себе не нова и скорее всего обладает исторической цикличностью. Так, Х. Ортега-и-Гассет в середине тридцатых годов XX в., писал, что основная черта современности «заключается в том, что посредственный ум настолько осмелел, что считает себя вправе навязывать свою посредственность всем и каждому как единственную норму жизни и мышления» (цит. по: [17. С. 416]).

Несмотря на убедительность взгляда на методологию как на «поступающее мышление», осуществляемое конкретным исследователем, и по сей день можно лицезреть довольно пеструю палитру методологических эскизов, посвященных вопросу соотношения мышления и существования. Причем многие из этих попыток еще больше увеличивают расщепление человека по инстанциям – мыслящей и бытийствующей, что не позволяет понять, чем питается, из чего прорастает научная мысль, где берет свои истоки мышление конкретного ученого (ибо, по замечанию М.К. Мамардашвили, «из слов слова не рождаются»), или, другими словами, осуществить археологию личного знания. Следствием ухода от этих вопросов является неминуемое, а впрочем, во многих случаях удобное и вполне адаптивное для отдельных ученых соскальзывание в плоскость формальной языковой комбинаторики. Последняя же выступает в качестве средства «порождения» идейных схематизмов, очищенных от действительных жизненных отношений автора, как инструмент для сборки терминологических пазлов, лишь внешне вписывающихся в дискурс современной психологии, но нарушающих постулат адекватности гуманитарного знания, сфор-

мулированный А. Шюцем: «Каждый термин, используемый в научной системе, соотносящейся с человеческим действием, должен быть сконструирован таким образом, чтобы человеческий поступок, выполняемый в жизненном мире индивидуальным действующим лицом тем способом, который указан в типической конструкции, был разумным и понятным как для самого действующего, так и для любого другого человека» [9. С. 114].

Возможность мышления, выражаясь словами Л. Бинсвангера, – это каждый раз «возможность существования» [10]. Действительно, мыслящий человек в каждой точке своего движения создает свое жизненное пространство (А.М. Пятигорский), которым будет питаться и из которого будет отправляться всякий последующий познавательный акт. В этом принципе заключается онтологическая необходимость мышления. Не зря М. Хайдеггер подчеркивал, что человек к мышлению «предназначен и уготован» [2], поскольку оно является главным атрибутом человеческого бытия. Помышляя о чем-то, человек тем самым создает набросок возможного бытия. Предмет мышления не задан раз и навсегда, это то, что замышляется или часто интуитивно строится субъектом познания как проект, в котором могут опредметиться предстоящие познавательные интенции, лежащие за пределами актуальной ситуации мышления. «Мысль – это мыслимая возможность мысли», – говорил М.К. Мамардашвили [16. С. 184]. «Требующее осмысления проявляет себя в том, что мы еще не мыслим», – отмечал М. Хайдеггер [2. С. 135]. Здесь уместно вспомнить и замечание М. Шелера о том, что предметный мир есть «встречный набросок», срез бытия человека, соразмерный его «общей духовной и телесной организации» [18. С. 11]. Если продолжить выражение Л. Бинсвангера, то можно заключить, что чем напряженнее переживается возможность мышления (В.Е. Ключко), тем более отчетливо в ней, в этой возможности, заявляет о себе существование человека, тем более полно он обнаруживается и создается в актах собственного мышления (С.Л. Рубинштейн). Взаимная сопряженность и взаимная обратимость мышления человека и его существования подчеркивались К. Ясперсом, который отмечал, что человек как субъект познания находится «внутри некоего движения, которое в качестве изменения знания вынуждает измениться существование и в качестве изменения существования, в свою очередь, вынуждает измениться познающее сознание» [19. С. 287]. Предельно созвучная мысль высказана Ж.-П. Сартром: «Моя возможность может существовать как моя возможность лишь тогда, когда именно мое сознание убегает от себя к ней» [20. С. 117]. Человек не может породить в собственном мышлении ничего нового, пока будет воспроизводить и культивировать сложившийся способ бытия в мире, и наоборот, человек будет воспроизводить вновь и вновь сложившийся образ себя и культивировать соответствующий способ бытия в мире, пока не осознает и не искоренит «идолов» (Ф. Бэкон) собственного мышления.

Выступая как целостный и суверенный «со-зидатель, со-основатель и со-вершитель идеальной последовательности становления» [18. С. 13], человек во всех своих жизненных актах, и прежде всего в мышлении, со-

здает транспективу своего бытия: увязывает и обосновывает посредством значимых идей и мыслеобразов (по сути, смыслов) концептуальные границы персональной антологии мысли; завершает мучавшие его познавательные противоречия; переписывает и даже перелицовывает казалось бы окончательно оформленные идеи; мучительно переживает невербализуемость пока лишь интуитивно «схваченного» замысла стихотворения, романа, научного исследования, на его дорефлексивной (смыслообразующей) фазе вынашивания; предвосхищает новые горизонты актуальности. Предельно точным и метафорическим языком описаны эти состояния у П.А. Флоренского: «Как шум отдаленного прибора, звучит автору его ритмическое единство. Темы уходят и возвращаются, и снова уходят, и снова возвращаются, так – далее и далее, каждый раз усиливаясь и обогащаясь, каждый раз наполняясь по-новому содержанием и соком жизни» [7. С. 37]. Если этот самый «сок жизни» сразу же, с первой волной осмысления, кристаллизуется в завершённый концепт или статичный художественный образ, то он навсегда будет закрыт для последующего смыслового восполнения, потеряет, по словам М.М. Бахтина, свой «смысловый избыток». Поэтому сознающее мышление гуманитарно ориентированного ученого приближается к мышлению романиста. В нем словно в романе отменяется «смысловая неизменность предмета: его смысл и значение обновляются и растут по мере дальнейшего развертывания контекста» [21. С. 222]. В силу незавершенности смыслообразующего контекста мышление, как «движение мысли» (С.Л. Рубинштейн) и одновременно как «история мысли», получает возможность смыслового обогащения: «Центр осмысливающей и оправдывающей прошлое активности переносится в будущее» [Там же]. Принцип «смыслового избытка» резонирует с транспективным анализом экзистенциальной ситуации мышления, который, на наш взгляд, необходимо сосредоточить на раскрытии феноменологии смыслового оплотнения становящейся мысли, её смыслового обогащения в новых событиях мышления. Мысль, явившаяся мне феноменально, как проблеск грядущего озарения, всегда принципиально не завершена и имеет предельно «пористую смысловую фактуру», позволяющую ей напитываться от будущих приливов смыслообразования. Причем приливы эти имеют принципиально событийную и, следовательно, бытийную природу. Иначе бы они несли в себе отнюдь не смыслы, а лишь интеллектуальные измышления.

В мышлении человек занимается самообоснованием своего бытия, а если нет, то это квазимыслительная активность. Укореняясь в определенном способе мышления, человек занимает активную осмысленную позицию по отношению к собственной жизни, преломляет через призму действительно выстраданного знания не только свойства и стороны познаваемого предмета, но и свои жизненные отношения. Если человек отстраненно оперирует языковыми конструкциями (на уровне дистанцированного описания предмета мысли), не восполняя их избыточностью собственного смыслообразования, не переживая события присутствия в предмете мышления, то такой акт можно назвать «пустым концептированием»

(Г.Г. Шпет) или квазимыслительным актом. Если несколько перефразировать Л.С. Выготского, то можно заключить, что человек свершается в мышлении. «Конструктивная сторона гуманитарности, как отмечает один из влиятельных современных философов М. Эпштейн, – это построение новых знаков, означаемым которых становится сам гуманитарный субъект, человек, не столько открывающий нечто в мире объектов, сколько производящий собственную субъективность методами самоназначения и самообозначения» [22. С. 12]. Присутствовать в мышлении, по М. Хайдеггеру, – значит «бросать свое бытие» на возможности, открывающиеся в мышлении [3].

Сам стиль научного мышления, настроенность на определенные тематические области, идейные сюжеты, концептуальные доминанты, избирательная чувствительность к определенным познавательным противоречиям имеют далеко не случайную природу. Любые познавательные интенции человека не возникают на пустом месте, а устремляются к своему предмету по тем же руслу интенциональности, по которым идут процессы смыслообразования. Поэтому было бы упущением исключать возможность влияния экзистенциальных априори (смысловых матриц) на характер и содержание мышления ученого, которые носят глубоко персонифицированный характер. В противном случае мы должны были бы признать мышление не жизненным, а только лишь формально-логическим актом, лишенным экзистенциального базиса. Однако в силу неустранимости неявного, личностного знания из структуры любой научной теории (на чем настаивал М. Полани) мы можем допускать взаимную обратимость мышления и существования. Отсюда следует, что познавательные действия человека как субъекта мышления релевантны тем способам самоосмысления, которые он реализует: «Истинно человеческое есть и в науке. Незаметно для творцов ее переливается оно и в научные схемы их трудов. К счастью и чести человечества, научные произведения далеко не столь научны и потому не столь нечеловечны и безличны, как о них свойственно думать широкой публике их современности. За свежей штукатуркой и лоснящейся краской самоновейших научных схем все-таки стоит воплощение человеческих замыслов» [7. С. 143]. Но замысел как проект развития мысли не может быть отделен от проекта самобытия (миропроекта), реализуемого человеком. Иначе он утратит свою жизненную значимость и экзистенциальную наполненность и превратится в продукт отчужденного разума. Экзистенциальные априори ученого лежат в основе его мышления и являются тем смыслообразующим базисом, которым оно изначально питается. Они задают смысловой горизонт, в границах которого (пусть и на специальном языке) конституируется референтная им мысль. Если перефразировать одно из высказываний Л. Бинсвангера, то можно заключить, что в содержании авторского мышления ученого, художника, писателя (равно как и любого мыслящего человека) существенное место занимают концептуальные манифестации, выражающие их миропроекты, иначе из структуры научной теории придется отбросить «личностное знание». Другими словами, между концептами, вызревающими и оформляющимися в мышлении ученого и его миропро-

ектом (как ансамблем реализованных и нереализованных возможностей – в логике М. Боаса), существует знаково-символическое соответствие. Когда мысль как мыслимая возможность другой, более зрелой мысли (М.К. Мамардашвили), вместе с тем является еще и мыслимой возможностью прихождения (восхождения) человека как субъекта мышления к себе возможному, более полно присутствующему в собственном бытии или, словами М. Хайдеггера, «бросающему свое бытие на возможности», открывающиеся в мышлении. По замечанию М.К. Мамардашвили, реализовывать такой способ бытия – значит быть поставленным на карту в собственном поступающем мышлении. Таким образом, экзистенциальная ситуация мышления не имеет временной привязки, она представляет собой сквозную проблему и сквозной сюжет для психологической эпистемологии. Сегодня новое знание, как и прежде, во времена дельфийского оракула, может быть получено «только ценой введения в игру самого существования субъекта» [4. С. 28], «ценой изменения самого бытия субъекта» [Там же].

Подводя итог, подчеркну, что дальнейшее становление психологии мышления уже не может осуществляться за рамками «антропологического горизонта понимания» и ее объект необходимо искать в самой «человеческой бытийности». Пока в акт мышления не будут включены духовные устремления, выражаемые в таких категориях, как «забота о себе» (М. Фуко); «присутствие» (М. Хайдеггер); «событие знания» (А.М. Пятигорский); «впечатление» (М.К. Мамардашвили), мы не можем говорить о мышлении человека в собственном (антропологическом) смысле слова, поскольку иначе оно отходит в ведомство формальной логики, организующей тот или иной специальный язык науки. В качестве одного из столбовых путей возвращения к целостному, мыслящему человеку, взятому «в единстве со всей многомерностью его бытия в создаваемом им самим многомерном пространстве жизни» [23. С. 10], может выступить обращение исследователей к экзистенциальным априори, – базальным смыслоконституирующим структурам, к тиглям человеческой интенциональности, выражением которых являются миропроекты. Если мы отважимся вскрыть миропроект, «который управляет нашим пониманием вещей» [10. С. 5], мы приблизимся к постижению экзистенциальной онтологии человеческого мышления. В содержании миропроекта человека экспонирован базисный способ его мышления и в сжатой форме представлена персональная антология его мысли, проливающая свет на всю персональную историю становления его мышления, сопряженную с историей его самопреобразования как целостного субъекта жизни.

Литература

1. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 174 с.
2. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М. : Высшая школа, 1991. 192 с.

3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
4. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 годах / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
5. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 1 : Столп и утверждение истины (I). М. : Правда, 1990. 490 с.
6. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. 512 с.
7. Флоренский П. Сочинения. Т. 3, кн. 1: У водоразделов мысли. М. : Мысль, 2000. 621 с.
8. Ключко В.Е. Онтология смысла и смыслообразование: (Размышления в связи с юбилеем О.К. Тихомирова) // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 106–120.
9. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
10. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ / пер. под ред. С. Римского. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2014. 272 с.
11. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 133–151.
12. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический подходы к анализу сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 2. С. 8–26.
13. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб. : Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. 320 с.
14. Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. 528 с.
15. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. 464 с.
16. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация: выступления и доклады. СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. 384 с.
17. Пятигорский А.М. Непрерываемый разговор. СПб. : Азбука-Классика, 2004. 432 с.
18. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филлипова ; под ред. А.В. Денежкина. М. : Гнозис, 1994. 490 с.
19. Ясперс К. Смысл и значение истории / пер. с нем. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
20. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М. : ТЕРРА – Книжный клуб: Республика, 2002. 640 с.
21. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000. 304 с.
22. Эпштейн М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
23. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.

Поступила в редакцию 25.02.2016 г.; повторно 13.04.2016 г.; принята 26.04.2016 г.

НЕЛЮБИН Николай Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия).

E-mail: nelubin2001@yandex.ru

THE PROBLEM OF THINKING IN PSYCHOLOGY: SYSTEM-ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 53–64. DOI: 10.17223/17267080/60/4

Nelyubin Nikolay I. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation)

E-mail: nelubin2001@yandex.ru

Keywords: thinking; existence; being; sense; meaning-making; presence; possibility; being-in-the-world; existential a priori.

The article is an attempt to understand the conceptual fundamentals of existential ontology of thinking. It describes a preliminary plan of the existential-oriented thinking concept developed in the tideway of anthropological psychology. Appealing to historical starting points of psychology of thinking formation allows noting the principle of mutual contingency of thinking and existence formulated by R. Descartes which later was widely expressed in the existential-analytical anthropology (M. Heidegger, L. Binswanger, etc.). Cognitive-oriented psychological theories of thinking designed beyond the scope of this principle poorly fit the discourse of modern anthropological psychology which, in the author's opinion, more and more tends to be the language of existential analytics. Further development of thinking psychology, according to the author's conviction, must be conducted in a wider anthropological context drawing on the conceptual legacy of existential-analytical school. The idea of mutual contingency of thinking and existence can be efficiently integrated into the conceptual basis of actively forming system-anthropological psychology (V.E. Klochko, E.V. Galazhinsky, O.M. Krasnoryadtseva, O.V. Lukyanov). The author reveals the existential situation of thinking in which a person is through an appeal to the phenomenology of "presence", "personal knowledge", "ingoing thinking", and «tense possibility», "meaning-making" if we take into consideration the wider anthropological context of the issue. The transpective analysis of the existential situation of human thinking allows: introducing the idea of incompleteness of the semantic context into a substantive field of psychology of thinking in which the formation of semantic idea occurs; considering thinking as the "movement of thought" (S.L. Rubinstein) and at the same time as the personalized "history of thought" that has an opportunity to be enriched semantically in new events of thinking.

The article outlines the conceptual contours of existentially oriented psychology of thinking which pursues the explication of existential human a priori acting as a meaning-making basis of man's thinking. Existential a priori, being reflected into the human being-in-the-world, set the semantic horizon within which the referential thought constitutes. The basic method of thinking exposes in the human being-in-the-world. The author supposes that there is the sign and symbolic correspondence between the concepts shaped in thinking of a writer, an artist, a scientist (as well as any thinking person) and his being-in-the-world. This correspondence may be the subject of further development of the human thinking problem in the context of system-anthropological psychology.

References

1. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transpektivnyy analiz)* [Self-organization in psychological systems: Problems of the person's mental space formation (introduction to the transpective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Heidegger, M. (1991) *Razgovor na proselochnoy doroge* [Conversation on a country road]. Translated from German by A. Mikhailov. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremena* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhina. Kharkov: Folio.
4. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 godu* [Hermeneutics of the subject: The course of lectures at the Collège de France in 1981–1982]. Translated from French by A.G. Pogonyaylo. St. Petersburg: Nauka.
5. Florenskiy, P.A. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
6. Rubinstein, S.L. (2003) *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Man and the World]. St. Petersburg: Piter.

7. Florenskiy, P. (2000) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
8. Klochko, V.E. (2013) Ontology of sense and sense-formation (Reflections on the anniversary of O.K. Tikhomirov). *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2. pp. 106-120. (In Russian).
9. Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected: The world glowing with sense]. Translated from German and English. Moscow: ROSSPEN.
10. Binswanger, L. (2014) *Ekzistentsial'nyy analiz* [The existential analysis]. Translated from German by S. Rimskii. Moscow: Institute for Humanities.
11. Shchedrovitskiy, G.P. (2007) Metodologicheskaya organizatsiya sfery psikhologii [Methodological organization of psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 2(3). pp. 133-151.
12. Mamardashvili, M.K. (2009) Classical and non-classical approaches to the consciousness analysis. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2. pp. 8-26. (In Russian).
13. Mamardashvili, M.K. (2012) *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noy filosofii: (Opyt fizicheskoy metafiziki)* [Vilnius lectures on social philosophy (The experience of physical metaphysics)]. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus.
14. Vasilyuk, F.E., Zinchenko, V.P., Meshcheryakov, B.G., Petrovskiy, V.A., Pruzhinin, B.I. & Shchedrina, T.G. (2012) *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy* [Methodology of psychology: Problems and prospects]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
15. Heidegger, M. (1993) *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of various years]. Moscow: Gnozis.
16. Mamardashvili, M.K. (2014) *Soznanie i tsivilizatsiya: vystupleniya i doklady* [Consciousness and Civilization: Speeches and Presentations]. St. Petersburg: Lenizdat, Komanda A.
17. Pyatigorskiy, A.M. (2004) *Neprekrashchaemyy razgovor* [An Uninterrupted Conversation]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
18. Scheler, M. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German A.V. Denezhkin, A.N. Malinkin, A.F. Fillipov. Moscow: Gnozis.
19. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
20. Sartre, J.P. (2002) *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: Experiences of Phenomenological Ontology]. Translated from French by V.I. Kolyadko. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub: Respublika.
21. Bakhtin, M.M. (2000) *Epos i roman* [The epic and the novel]. St. Petersburg: Azbuka.
22. Epstein, M.N. (2004) *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [The symbol of space: On the future of the humanities]. Moscow: NLO.
23. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Siberian psychological journal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9-20. (IN Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2

Received 25.02.2016;

Revised 13.04.2016;

Accepted 26.04.2016

УДК 159.922+159.9:61
DOI: 10.17223/17267080/60/5

Е.С. Толстолец

Сибирский государственный медицинский университет (Томск, Россия)

Проблема аутентификации личностных и профессиональных компетенций студентов, ориентированных на клиническую деятельность в медицине

Рассматривается проблема аутентификации личностных компетенций студентов клинической деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования: психограммы и профессиограммы, составленные на основании личностных особенностей, характерных для студентов различных факультетов и социальных ожиданий от клинициста, зафиксированных в документах, публикациях. Выдвинута гипотеза о том, что психологический потенциал студентов соответствует ожиданиям от специалиста, дефицит личностных компетенций возникает в процессе обучения, и этот дефицит выражается в недостаточности условий для идентификации и аутентификации выпускников с клинической деятельностью.

Ключевые слова: *идентификация; аутентификация; студенты-медики; образовательные стандарты; клиническая деятельность; личностные компетенции; личностный потенциал.*

Введение. Проблема идентификации и аутентификации в психологии

В истории психологии Нового и Новейшего времени проблема идентичности занимает значительное место [1]. Вероятно, это связано с интенсификацией изменений в мире и в науке, выражающихся среди прочего в новых качествах свободы и новых модусах напряжения, интенсивности жизни. В новых условиях, подразумевающих право личности на самоопределение, в самых разных аспектах деятельности психологами актуализируется проблема идентификации и идентичности, т.е. соответствия человеческой экзистенции (присутствия человека в мире) идеалам, нормам, ожиданиям, ценностям и т.д. Но психология становления человеческой личности и индивидуальности показала важность не только проблемы идентичности, но и проблемы аутентичности. Значительно упрощая проблему идентификации и аутентификации в угоду прагматизму, феномены идентификации и аутентификации можно обозначить как два взаимодополняющих процесса, имеющих различную направленность (интенциональность). Идентификация – это соответствие человеческой экзистенции идеалу, отождествление жизни с идеалом, ожиданием, ценностью, стандартом и пр. Аутентификация – это соответствие идеала человеческой экзистенции, отождествление ценности, ожи-

даний, стандартов с конкретной человеческой экзистенцией. Дополнительность идентификации и аутентификации сегодня ярко проявилась в организации информационных систем. Для входа пользователя в информационную систему необходимо пройти идентификацию, т.е. ввести имя, логин, и пройти аутентификацию, т.е. ввести пароль. И если в отношении информационных систем для этого есть понятная процедура – регистрация пользователя, которая и определяет соответствие идентификации и аутентификации, то в отношении человеческой жизни не всё так технически просто. Пока мы вынуждены изучать эту проблему, а не создавать пользовательские системы. Но уже сегодня мы можем предположить, что настоящая жизнь категорически отличается от пользования информационными системами. В частности, мы предполагаем, что в действительной жизни последовательность событий аутентификации и идентификации имеет важное значение. Мы предполагаем, что аутентификация не может быть отложена, что аутентификация должна предшествовать идентификации (в отличие от виртуальных систем, где откладывание аутентификации на будущее – обычное дело). Мы предполагаем, что виртуализация образовательного пространства несет риск дефицита аутентичности именно потому, что опыт идентификации предшествует опыту проверки на подлинность.

Изучение проблемы аутентификации на данном этапе развития наших представлений об идентичности необходимо проводить в определенных контекстах, обозначенных в содержательном, социальном и прагматическом отношении. Например, в контексте обучения, образования. В данной статье представлены результаты исследования проблемы аутентификации студентов, обучающихся клинической деятельности.

В настоящее время система профессионального образования интенсивно трансформируется. Выделяются различные тренды изменений, часть которых относится к проблеме формирования личностных, социальных компетенций, т.е. способности человека соответствовать своему индивидуальному потенциалу (проблема идентичности) и способности оценивать уровень соответствия социальным ожиданиям, по существу, взаимоотношениям индивида и общества (проблема аутентичности). Проблему соответствия идентичности личностному потенциалу и социальным ожиданиям можно назвать проблемой аутентификации, подразумевающей ее взаимодополнительность с проблемой идентичности. Как уже отмечалось, мы можем воспользоваться аналогией с процедурами, широко распространенными в современных компьютерных технологиях, когда доступ пользователя к ресурсу определяется посредством идентификации и аутентификации. Идентификация – введение имени и аутентификация – введение пароля. Процедура аутентификации обеспечивает достоверность, подлинность идентификации. В отношении профессионального обучения по аналогии с этими процедурами мы можем выделить образовательный опыт, формирующий идентичность (выражающийся, например, в зачислении на определенный

факультет или отделение, оценке или в выдаче диплома. Психологический смысл этого опыта – проект психологической системы, система ожиданий), и образовательный опыт, проверяющий присутствие индивидуума в мире на подлинность, соответствие действительности. Этот опыт выражается в таких параметрах, как степень присутствия и активности, удовлетворенность, эффективность и т.п. Психологический смысл опыта аутентификации – проверка на наличие подлинника, необратимости, неизбежности, основания.

Идентифицируясь, человек интегрирует аспект соответствия своей личности социальным ожиданиям и личностному потенциалу, а аутентифицируясь, он интегрирует аспект соответствия своей экзистенции основаниям, действительности, подлинности. Соответствие этих аспектов опыта становления человека реализует трансвременную природу психологических систем [2. С. 62; 3. С. 15].

Для совершенствования системы подготовки профессионалов полезны исследования, направленные как на сбор данных о проблеме аутентификации, так и на моделирование систем, процедур, событий аутентификации в образовании.

В данной статье приводятся некоторые результаты как раз такого исследования, проводившегося на базе медицинского вуза и медицинского колледжа города Томска в отношении студентов, обучающихся на специальностях, подразумевающих клиническую деятельность. Общепсихологической целью этой работы было уточнение гипотезы о соответствии и несоответствии личностного потенциала студентов-клиницистов социальному потенциалу и социальным ожиданиям.

Идентичность современного студента-медика динамично трансформируется, и эта динамика в определенной степени коррелирует с изменениями Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС) (необходимо отметить, что ФГОС хоть и интенсивно меняются, все равно запаздывают).

Сегодня ФГОС дополняются различными технологиями и требованиями к инструментальным компетенциям. В процессе образования все большее значение приобретают виртуальные формы обучения. Интенсивно развиваются такие формы, как фантомные центры в обучении медиков клинической деятельности. Студенты, оттачивая свои инструментальные навыки, могут неоднократно проводить виртуальные манипуляции без вреда для себя и для больного. Однако манекен не может способствовать приобретению достаточного (в том числе критического) личностно-формирующего опыта и не может до конца подготовить студента к действительному лечебному взаимодействию с пациентами. Поэтому возникает вопрос аутентификации, подтверждения подлинности компетенций клинициста при введении в образовательный процесс не только новых стандартов, но и новых испытаний. А для этого необходимо выяснить основные аспекты несоответствия компетенций и ожиданий. Вероятно, несоответствие ожиданий и компетенций может объяснить проблему нараста-

ния кадрового дефицита в медицине и уход молодых клиницистов из специальности.

По расчетам, проведенным в регионах, медицинские учебные заведения РФ выпускают достаточное количество специалистов, способных удовлетворить потребности медицинских учреждений. При этом абсолютный дефицит врачей составляет 22,0%, тогда как нехватка средних медицинских работников достигла критического уровня 38,0% (из доклада министра здравоохранения РФ В.И. Скворцовой от 24 мая 2014 г.).

В.И. Скворцова отмечает, что трудоустройство выпускников составляет 90,0–95,0%, однако уже к окончанию первого года работы в отрасли остаются только 20,0% из них.

По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2035 г. дефицит медицинских работников достигнет 12,9 млн человек [4. С. 548].

Можно предположить, что в значительной степени указанные тенденции связаны с психологическими причинами и свидетельствуют о высокой степени неаутентичности подготовки молодых специалистов, которые при столкновении с профессиональной деятельностью понимают собственную личностную несостоятельность и не могут взаимодействовать с пациентами.

В клинической деятельности одним из базовых оснований считается взаимодействие с больным, подразумевающее не только личностные компетенции и квалификацию специалиста, но и достаточно высокую степень подлинности, аутентичности клинического опыта. Хороший контакт помогает клиницисту влиять на процесс диагностики и лечения, контролировать активность пациента и помогающего персонала, выявить изменения в состоянии пациента, мобилизовать пациента на лечение, вселяя в него веру на благоприятный исход болезни.

Проблема аутентификации профессиональных компетенций имеет общепсихологический уровень изучения и различные прикладные уровни. Изучение проблемы аутентификации на общепсихологическом уровне позволяет составлять психogramмы специалистов, осуществлять отбор и разрабатывать мероприятия, профилактирующие эмоциональное выгорание. Прикладные аспекты аутентификации позволяют уточнять профессиogramмы специалистов, совершенствовать формы контроля знаний и образовательные программы. Важное значение имеет и изучение соответствия психogramм и профессиogramм в конкретных отраслях и направлениях разделения труда, где ярким примером является медицина.

Материалы и результаты исследования

Для изучения проблемы аутентификации личностных и профессиональных компетенций у студентов, ориентированных на клиническую деятельность, были проанализированы три типа данных:

– Нормативные документы – Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ВПО) и среднего профессионального образования (СПО), учебные планы.

– Учебные пособия и публикации по медицинской этике, деонтологии, профессиональной и медицинской психологии.

– Данные о личностных характеристиках студентов, полученные посредством комплекса психометрических методик.

Анализ нормативных документов показал, что образовательные стандарты большое внимание уделяют получению профессиональных знаний и значительно меньше реляционным компетенциям, способствующим эффективности взаимодействия с пациентами.

Медицинская этика и деонтология, профессиональная и медицинская психология сходятся во мнении, что релевантными качествами медика высшего уровня при любых условиях и обстоятельствах взаимодействия с пациентами являются альтруизм, эмпатия, дружелюбие, бескорыстие, социальная ответственность, трудолюбие, тактичность и оптимизм.

Можно констатировать определенное несоответствие в содержании нормативных документов и документов по медицинской этике. Это, вероятно, следует понимать таким образом, что личностные компетенции не аутентифицируются (а возможно, что и не идентифицируются) в достаточной степени в процессе обучения.

Для получения психометрических результатов были использованы психодиагностические методики: характерологический опросник К. Леонарда–Н. Шмишека; опросник EP1 (опросник экстра-, интроверсии и нейротизма Г. Айзенка); опросник профессиональных предпочтений D. Holland (в адаптации А.Н. Воробьева, И.Г. Сенина, В.И. Чиркова) в модификации Е.П. Ильина; авторский Метод семантического дифференциала «Способ оценки качеств личности студента-медика» (Е.С. Толстолес). Статистическая обработка результатов проводилась с использованием пакета прикладных программ SPSS 17.0 for Windows.

Для определения достоверности различий качественных признаков использовали анализ таблиц сопряженности (критерий χ^2 Пирсона, а также двусторонний точный тест Фишера в случае, если ожидаемое значение хотя бы в одной ячейке таблицы сопряженности было меньше 5). Сравнение пропорций проводилось при помощи z-критерия с поправкой Йейтса на непрерывность.

Математическая обработка результатов исследования проводилась с использованием описательных статистик: медиана (Me) и интерквартильный размах (в виде 25 и 75 перцентилей, Q1–Q3) – для порядковых признаков и количественных признаков, не подчиняющихся нормальному закону распределения.

Для сравнения психологических показателей использовались непараметрические методы – критерий Манна–Уитни для сравнения двух независимых выборок и критерий Краскала–Уоллиса для сравнения нескольких независимых выборок.

Для установления связи между признаками использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось по единой диагностической программе на базе Сибирского государственного медицинского университета (СибГМУ) (г. Томск) и Томского базового медицинского колледжа (далее – ТБМК) (г. Томск). Со стороны СибГМУ участниками исследования являлись: студенты лечебного факультета (СЛФ), студенты педиатрического факультета (СПФ) и студенты факультета высшего медсестринского образования (СФВМСО). Со стороны ТБМК: студенты фельдшерского отделения (СФ/о) и студенты медсестринского отделения (СМ/о). В исследовании приняли участие 320 студентов, из них 259 женщин (80,94%) и 61 мужчина (19,06%).

Все респонденты, участвовавшие в исследовании, находились в равных условиях профессионального обучения: середина обучения – СЛФ и СПФ СибГМУ исследовались на третьем курсе (обучение по специальности продолжается 6 лет), СФВМСО СибГМУ и студенты ТБМК – на втором курсе (обучение по специальности продолжается 4 года); середина семестра – с целью исключения дополнительной нагрузки на психическую сферу личности и получения достоверных результатов.

Обсуждение полученных данных

Психометрическое исследование позволяет предполагать, что в целом студенты-медики обладают достаточным личностным потенциалом, о котором свидетельствуют характеристики: альтруизм¹, милосердие, эмпатичность, тактичность и бескорыстие (по результатам статистической обработки при попарном сравнении групп испытуемых отсутствуют значимые различия по перечисленным характеристикам, $p > 0,05$).

Эти результаты можно понимать как свидетельства того, что дефицит компетенций связан с процессом обучения и подготовки, а не с процессом отбора абитуриентов. Мы предполагаем, что невовлекаемость молодого специалиста в клиническую деятельность обусловлена минимизацией требований в образовательной среде к реляционным компетенциям медика.

О личностных и профессиональных компетенциях студентов, ориентированных на клиническую деятельность в медицине, были получены следующие данные.

СЛФ и СПФ демонстрируют рискованные несоответствия личностных компетенций социальным ожиданиям от представителей их профессии (во всех случаях у СЛФ и СПФ отсутствуют межгрупповые различия, где $p > 0,2$). Так, значения по качествам «эгоизм» и «сарказм» у этих групп испытуемых статистически значимо выше (в сравнении с другими группа-

¹ Альтруизм по всей выборке статистически значимо взаимосвязан с милосердием, эмпатией, тактичностью и бескорыстием ($p < 0,001$).

ми, $p < 0,01$) и положительно взаимосвязаны между собой ($p < 0,01$), что предполагает их взаимовлияние. Можно предположить для них риск демонстрации собственного превосходства, что в отношении медиков определяется в качестве профессиональной деформации [5. С. 137; 6. С. 775]. Этот риск подтверждается проявлением качеств «жесткость», «категоричность», «скептицизм», «расчетливость» и «отчуждение» (взаимосвязанные у СЛФ и СПФ с качествами «эгоизм» и «сарказм», $p < 0,05$).

Полученные данные позволяют выдвинуть гипотезу, что выпускники этих специальностей при воздействии неблагоприятных факторов в большей степени подвержены психологической деформации. Это подтверждается и отсутствием межгрупповых различий по изучаемым личностным компетенциям.

Статистически значимые высокие показатели у СЛФ и СПФ (в сравнении с другими группами, $p < 0,005$) свидетельствуют об исследовательском типе профессиональной направленности, что совпадает с социальными ожиданиями, выраженными в описаниях доминирующего интереса профессиограммы врача [7. С. 97]. Исследовательская направленность в клинической деятельности обеспечивает диагностическую деятельность. Дифференцированный диагноз может быть установлен при оправданных диагностических мероприятиях, напротив, преобладание желания получить выгоду (материальную или научную) приведёт к гипердиагностике в деятельности у будущих врачей. Об этом риске свидетельствуют и высокие показатели по качеству «соревновательность» ($p < 0,005$). Мы предполагаем, что этот аспект следует уменьшать в процессе подготовки врачей.

Данные СПФ свидетельствуют о специализации и радикализации их психологических характеристик: с одной стороны, для этих студентов характерен дефицит личностной готовности оказывать медицинскую помощь в чрезвычайных ситуациях², а с другой – результаты указывают на компетенции, способствующие успеху лечебного взаимодействия с пациентами детского возраста³. Для этих студентов характерны артистизм, демонстративность, импульсивность, «эгоизм», «сарказм» и исследовательская направленность.

Показатели СФВМСО свидетельствуют о значимо высоких результатах по предпринимательскому и конвенциональному типам профессиональных предпочтений (в сравнении с другими группами, $p < 0,005$). Эти типы предпочтений также связаны между собой ($p < 0,01$). Однако компетенции, свойственные этим типам, лишь отчасти соответствуют социальным ожиданиям. Управленческая должность предполагает структури-

² Статистически значимые высокие показатели по экзальтированной акцентуации (в сравнении с другими группами, $p < 0,05$) и его связи с тревожной, возбудимой акцентуациями и нейротизмом (во всех случаях, $p < 0,001$).

³ Статистически значимые высокие показатели артистического типа профессиональных предпочтений (в сравнении с другими группами, $p < 0,05$) и его связи с гипертимной и демонстративной акцентуациями ($p < 0,05$).

рованную деятельность, но есть вероятность, что эти компетенции могут мешать вовлеченности в клиническую практику, так как клиническая деятельность в большей степени является служением, чем предпринимательством.

Результаты СФ/о не позволяют говорить о статистически значимых различиях по акцентуациям, качествам личности и профессиональным предпочтениям среди студентов разных медицинских специальностей. Следовательно, можно предположить, что личностный потенциал СФ/о изначально достаточно высокий и соответствует ожиданиям как врачебной, так и медсестринской деятельности.

СМ/о менее способны к принятию самостоятельных решений, пунктуальны, добросовестны, гуманны, проявляют сострадание, доброжелательны. Об этом свидетельствуют статистически значимые высокие результаты в сравнении с другими группами по характеристикам, свойственным психологии медсестринской деятельности (эмотивный и педантичный типы акцентуации, «коллективизм», «демократичность», «дружелюбие» во всех случаях, $p < 0,05$).

Большинство литературных источников, описывая личностные компетенции, способствующие и/или препятствующие эффективности профессиональной деятельности врача и медицинской сестры, не дают никакой информации о личностных компетенциях медицинской сестры с высшим образованием и фельдшера. В образовательных стандартах и образовательном процессе отсутствует дифференцированный подход к формированию специфических личностных компетенций, отличающих деятельность будущих врачей для детского и взрослого населения.

Результаты исследования

Дефицит сведений о соответствующих личностных компетенциях, предъявляемых к разным видам клинической деятельности, приводит к необходимости формирования и изучения современных психогрмм / профессиограмм специалистов, ориентированных на клиническую деятельность. Что мы и сделали, проведя анализ ожидаемых характеристик психогрмм / профессиограмм и реальных характеристик, обнаруженных нами в эмпирическом исследовании.

В таблице представлены результаты аутентификации психогрмм и профессиограмм, т.е. сравнения ожидаемых компетенций, фиксируемых в нормативных документах и учебниках, и реальных компетенций согласно данным эмпирического исследования.

Сравнительный анализ аутентификации психограмм / профессиограмм студентов клинической деятельности

Факультет/отделение	Психограммы / профессиограммы специалистов клинической деятельности		
	Ожидаемые личностные и профессиональные компетенции специалиста, ориентированного клинически	Степень соответствия (степень аутентификации) личностных – профессиональных компетенций, %	Реальные личностные и профессиональные компетенции студента, ориентированного клинически
Студенты лечебного факультета	Личностные – гуманизм, терпеливость, выдержанность, доброжелательность, приветливость, ответственность, аккуратность, тактичность, оптимистичность, бескорыстие.	20,0–50,0	Личностные – альтруизм ⁴ ; ярко выраженные – эмоциональность, эгоизм, сарказм, соревновательность; импульсивность; властность. Профессиональные – исследовательские; манипулирование; независимость; самостоятельность
Студенты педиатрического факультета	Профессиональные – организаторские, управленческие, диагностические, готовность оказывать медицинскую помощь в экстремальных ситуациях, самостоятельность, коммуникабельность	20,0–50,0	Личностные – альтруизм ⁴ ; ярко выраженные – эмоциональность, эгоизм, сарказм, соревновательность, артистизм; импульсивность; властность; демонстративность; чувствительность; в стрессовых ситуациях эмоциональная неустойчивость; лень. Профессиональные – исследовательские; манипулирование; независимость; самостоятельность
Студенты факультета высшего медицинского образования	Личностные – ответственность, лидерство, оптимистичность, гуманизм, бескорыстие. Профессиональные – организаторские, управленческие, руководящие, предприимчивость, коммуникабельность, сознательность, упорство, практичность, плановитость, самоконтроль	100,0–100,0	Личностные – ответственность, лидерство, оптимистичность, гуманизм, эмоциональная стабильность, альтруизм ⁴ . Профессиональные – организаторские, управленческие, руководящие, предприимчивость, коммуникабельность, сознательность, упорство, практичность, плановость, самоконтроль, независимость, самостоятельность, сдержанность

⁴ Под альтруизмом понимается милосердие, эмпатия, тактичность и бескорыстие, так как психометрические результаты испытуемых показали, что альтруизм статистически значимо взаимосвязан с перечисленными качествами (см. сноску 1).

Факультет/отделение	Психogramмы / профессиogramмы специалистов клинической деятельности		
	Ожидаемые личностные и профессиональные компетенции специалиста, ориентированного клинически	Степень соответствия (степень аутентификации) личностных – профессиональных компетенций, %	Реальные личностные и профессиональные компетенции студента, ориентированного клинически
Студенты фельдшерского отделения	<p>Личностные – оптимистичность, гуманизм, терпеливость, выдержанность, доброжелательность, приветливость, ответственность, аккуратность, тактичность, бескорыстие.</p> <p>Профессиональные – организаторские, управленческие, диагностические, коммуникабельность, сознательность, упорство, практичность, плановитость, самоконтроль, готовность оказывать медицинскую помощь в экстремальных ситуациях, самостоятельность</p>	100,0–91,0	<p>Личностные – оптимистичность, альтруизм⁴, терпеливость, выдержанность, доброжелательность, приветливость, ответственность, аккуратность.</p> <p>Профессиональные – организаторские, управленческие, коммуникабельность, сознательность, упорство, практичность, плановость, самоконтроль, готовность оказывать медицинскую помощь в экстремальных ситуациях, самостоятельность</p>
Студенты медсестринского отделения	<p>Личностные – терпеливость, выдержанность, доброжелательность, приветливость, ответственность, тактичность, чуткость, отзывчивость, мягкосердечность, гуманизм, сопереживание, коллективизм.</p> <p>Профессиональные – организаторские, самоконтроль, коммуникабельность, способность работать в напряженных условиях, практичность, аккуратность</p>	58,33–50,0	<p>Личностные – альтруизм⁴, дружелюбие, ответственность, демократичность, мягкосердечность, сострадание, коллективизм.</p> <p>Профессиональные – эмоциональная неуравновешенность, коммуникабельность, чувствительность, практичность, аккуратность</p>

Заключение

Результаты сравнительного анализа аутентификации психogramм / профессиogramм показали, что существует рискованное несоответствие ожидаемых и реальных личностных компетенций (низкая степень аутентификации) у СЛФ и СПФ СибГМУ. В развитии личностных компетенций возникают специфические проблемы, дисциплины, обучающие взаимодействию с пациентами, завершаются раньше, чем студенты сформируют достаточный опыт. Также у СЛФ и СПФ обнаружены личностные компетенции

ции, противоречащие ожиданиям от личности врача, это избыточная эмоциональность, эгоизм, сарказм, соревновательность, импульсивность и властность. Это наводит на мысль о возможности в дальнейших исследованиях выделить и описать рискованные комплексы личностных характеристик [8].

Литература

1. Лукьянов О.В. Динамика идентичности в образовательном опыте // Поиск идентичности – экзистенциальный опыт в образовании. Томск : Спринт, 2001. С. 11–191.
2. Лукьянов О.В. Принцип трансвременности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59–66.
3. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
4. Wu L.T., Low M.M.J., Tan K.K., Lopez V., Liaw S.Y. Why not nursing? A systematic review of factors influencing career choice among healthcare students // International Nursing Review. 2015. № 62. P. 547–562.
5. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб. : Питер, 2011. 432 с. (Мастера психологии).
6. Сидоров П.И., Парняков А.В. Клиническая психология : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. 880 с.
7. Романова Е.С. 99 популярных профессий: Психологический анализ и профессиональные программы. 2-е изд. СПб. : Питер, 2008. 464 с.
8. Лукьянов О.В. Актуальность изучения трансвременных аспектов социального и психологического опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 179–185.

Поступила в редакцию 22.03.2016 г.; принята 25.04.2016 г.

ТОЛСТОЛЕС Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры социальной работы, социальной и клинической психологии Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия).

E-mail: est19@rambler.ru

PROBLEM OF PERSONAL AND PROFESSIONAL SKILLS AUTHENTICATION AMONG STUDENTS ORIENTED AT ACTIVITIES IN CLINICAL MEDICINE

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 65–76. DOI: 10.17223/17267080/60/5

Tolstoles Ekaterina S., Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: est19@rambler.ru

Keywords: identification; authentication; medical students; educational standards; clinical activity; personal skills; personal potential.

The article is devoted to the problem of personal skills authentication among students of clinical activity. Comparative analysis of educational standards, regulations and expectations of relational skills of experts in clinical practice has revealed a certain discrepancy. Lack of personal skills appears during the process of learning, because little attention is paid to such aspects as communication between a doctor, a nurse and a patient. It complicates further identification and authentication of graduates; it is a factor of insufficient involvement into professional activity.

In clinical practice, to interact with patients is one of the basic competence-based fundamentals; it means not only professional knowledge and skills, but also rather high degree of trueness and authenticity of clinical experience. A good contact helps a clinician to influence the process of diagnosis and treatment, to monitor his activities, to find out the changes in his condition, and to sensitize the patient to treatment, bringing him faith in a favorable outcome of his disease.

The problem of professional skills authentication should be decided on the general psychological level that will allow creating discourses for clarifying psychograms of professionals, carrying out selection and designing activities that take prophylactic measures of emotional burnout. The applied level of studying the authentication problem allows us specifying job profile diagrams of professionals, improving the forms of knowledge control and educational programs. It is also important to study correspondence of psychograms and job profile diagrams in specific areas of labor division, where medicine is a good example.

In this study, psychograms and job profile diagrams and compiled on the basis of social requirements to the skills of a specialist in clinical activity recorded in legal documents, manuals and publications, and on the basis of empirical research data.

The results of the comparative analysis of psychograms / job profile diagrams authentication show that there is a risky discrepancy between the expected and real personal skills (low authentication) among students of medical and pediatric faculties of Medical University. During the process of personal skills development specific problems appear. Educational subjects that instruct how to communicate with patients are completed before students form the sufficient experience. Also, these students demonstrate personal qualities that contradict expectations of a doctor's personality. These are excessive emotionality, selfishness, sarcasm, competitiveness, impulsiveness and authoritativeness. It makes us expect that further studies would probably reveal and describe risky complexes of personal features.

References

1. Lukyanov, O.V. (2001) *Poisk identichnosti – ekzistentsial'nyy opyt v obrazovanii* [The search for identity – existential experience in education]. Tomsk: Sprint. pp. 11-191.
2. Lukyanov, O.V. (2007) Principle of transtemporality psychological practice. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 25. pp. 59-66. (In Russian).
3. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Siberian psychological journal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9-20. (IN Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2.
4. Wu, L.T., Low, M.M.J., Tan, K.K., Lopez, V. & Liaw, S.Y. (2015) Why not nursing? A systematic review of factors influencing career choice among healthcare students. *International Nursing Review*. 62. pp. 547-562. DOI: 10.1111/inr.12220.
5. Ilin, E.P. (2011) *Differentsial'naya psikhologiya professional'noy deyatel'nosti* [Differential psychology of profession]. St. Petesburg: Piter.
6. Sidorov, P.I. & Parnyakov, A.V. (2010) *Klinicheskaya psikhologiya* [Clinical Psychology]. 3rd ed. Moscow: GEOTAR-Media.
7. Romanova, E.S. (2008) *99 populyarnykh professiy: Psikhologicheskii analiz i professionogrammy* [99 popular professions: Psychological analysis and professiongrams]. 2nd ed. St. Petesburg: Piter.
8. Lukyanov, O.V. (2007) The actuality of Studying transtemporal aspects of social and psychological experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 298. pp. 179-185. (In Russian).

Received 22.03.2016;

Accepted 25.04.2016

УДК 159.942

DOI: 10.17223/17267080/60/6

С.В. Яремчук, С.М. Ситяева, И.Ю. Махова

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
(Комсомольск-на-Амуре, Россия)*

Субъективное благополучие и эмоциональные переживания в контексте адаптации личности к длительной экстремальной ситуации

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ (проект 15-06-10067).

Отражены результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке жителей региона, пострадавшего от масштабного длительного наводнения. Исследование показывает, что ретроспективные оценки субъективного благополучия в экстремальной ситуации значимо превышают оценки благополучия, характерные для повседневной жизни человека, и связаны с двумя переживаниями: 1) чувством безопасности, поддерживающим благополучие; 2) состоянием растерянности, сопряженным с уменьшением уровня благополучия.

Ключевые слова: субъективное благополучие; эмоции; экстремальная ситуация; наводнение; реакции; адаптация.

Актуальность изучения реакций людей во время экстремальных ситуаций, возникающих в результате разлива рек, обусловливается высокой частотой возникновения ситуаций подобного типа. В России наводнения являются весьма регулярным явлением в связи с большим числом полноводных рек, имеющих на всей территории страны. Значительные снеговые и дождевые паводки отмечаются на крупных реках России практически ежегодно. Так, весной 2015 г. из-за резкого поднятия уровня рек до критического оказались затопленными населенные пункты, дачные и садовые участки Алтайского края, Омской, Новосибирской, Иркутской и Кемеровской областей.

Одной из наиболее крупных экстремальных ситуаций, связанной с длительно сохранявшимся высоким уровнем воды, является наводнение на реке Амур и его притоках, произошедшее летом и осенью 2013 г. на Дальнем Востоке России. Эта ситуация имела ряд специфических характеристик, связанных с масштабностью, длительностью воздействия и трудностью прогнозирования развития событий на протяжении всего течения экстремальной ситуации. Всего, по данным МЧС, на Дальнем Востоке было затоплено более 8 млн км² территории, подтоплены около 13,5 тыс. жилых домов. Пострадало не менее 135 тыс. человек, 32 тыс. из них были эвакуированы. Паводковая ситуация захватила и крупные города Дальнего Востока, среди которых в наиболее тяжелом положении оказался Комсо-

мольск-на-Амуре. Режим чрезвычайной ситуации сохранялся в городе с 21 августа по 26 сентября 2013 г. В городе в результате наводнения были подтоплены более 1 000 жилых домов, пострадавшими оказались более 13 000 человек. Последствия наводнения 2013 г. до сих пор переживаются населением города и региона, что создает необходимые предпосылки для изучения реакций людей в аспекте адаптации к длительной экстремальной ситуации.

Психологическая адаптация – это феномен, характеризующий оптимальное приспособление психики человека к условиям внешней среды. В современной психологии существует достаточно большое число работ, посвященных адаптации к экстремальным условиям: описаны динамические характеристики процесса адаптации в экстремальных условиях (А.К. Акименко, А.Н. Алехин, А.А. Кулик), процессы, происходящие в ходе адаптации (А.К. Акименко, С.В. Дашкова, Л.В. Куликова, Т.С. Назаров), изменения, происходящие в психике в период дестабилизации (В.В. Антипов, Г.Ю. Мартьянова, А.А. Налчаджан, Н.В. Онищенко, Л.М. Разорина). М.Ш. Магомед-Эминовым выделено три группы психологических последствий вовлечения человека в те или иные бедствия: негативные, нейтральные и позитивные. Неблагоприятные последствия воздействия экстремальных факторов и признаки дезадаптации рассматривались в трудах И.В. Бордика, О.С. Васильевой, Е.В. Лизуновой, В.А. Моляко, А.П. Назаретяна, Л.Р. Правдиной, Э.С. Русаева, М.Ф. Секача, П.И. Сидорова, А.А. Суханова и др. Ряд исследований посвящен конструктивным новообразованиям, возникающим в ходе адаптации к экстремальным условиям (О.И. Васильева, С.В. Дашкова, Ш.О. Исмаилов, С.В. Кондрашенкова, Г.В. Литвинова, М.Г. Магомедов, А.А. Налчаджан, Л.Р. Правдина, А.А. Реан, Я.А. Сурикова, О.С. Ширяева и др.).

Вместе с тем анализ понимания адаптации человека в отечественных психологических исследованиях, проведенный А.А. Сухановым [1, 2], показывает, что в литературе представлены различные подходы как к определению сути адаптации, так и к пониманию ее структуры, процесса, выделению видов, форм, механизмов этого явления. В нашей работе мы используем широкое понимание адаптации как процесса приспособления человека к условиям жизнедеятельности, направленного на достижение относительного внутреннего равновесия и относительного равновесия с жизненной средой, с одной стороны, и как результат этого процесса – с другой. В соответствии с классической гомеостатической концепцией адаптация рассматривается нами как направленность на поддержание динамического гомеостаза через противодействие внутренним и внешним факторам, нарушающим это равновесие. Таким образом, обеспечивается жизнеспособность организма в изменяющихся условиях и сохраняется динамическое равновесие в системе «человек–среда».

Наиболее ярко проблема адаптации обнаруживается, когда условия среды резко и существенно изменяются, как это происходит в экстремальной ситуации, особенно носящей длительный характер. В результате воз-

действия экстремальных факторов привычный комплекс реакций человека, сформировавшийся в определенных условиях существования, нарушается, что приводит к невозможности удовлетворения значимых потребностей привычными формами поведения [3].

Рассогласование между потребностями человека и возможностями их удовлетворения отражается в эмоциональном реагировании субъекта [4, 5]. Преобладающими эмоциональными реакциями в экстремальной ситуации являются, с одной стороны, страх за жизнь, ощущение беспомощности, зависимости от обстоятельств, в которых оказался человек, переживание паники, ужаса и отчаяния. В исследовании В.А. Штроо [6] при выявлении субъективных переживаний личности, оказавшейся в экстремальной ситуации, было обнаружено, что люди, вспоминая о случившихся с ними «жизнейских» экстремальных ситуациях, признавали свою беспомощность, зависимость от складывающихся обстоятельств, указывая на переживание страха, паники и отчаяния. Наше исследование [7] показывает, что длительное вовлечение в экстремальную ситуацию вызывает эмоциональные реакции, выполняющие функцию адаптации в двух базовых направлениях: 1) самосохранение в ситуации угрозы и 2) реинтеграция в случае утраты или угрозы утраты объекта, удовлетворяющего потребности человека.

Другим механизмом, отражающим рассогласование в системе «потребность–возможность ее достижения», является субъективное благополучие [8]. Субъективное благополучие складывается из обобщенных и относительно устойчивых переживаний, имеющих особое значение для личности [9], показывает отношение человека к своей жизни и процессам, имеющим существенное значение с точки зрения представлений о внутренней и внешней среде, которое характеризуется ощущением удовлетворенности [10].

Соответственно, субъективное благополучие является более ригидной и устойчивой системой, чем эмоциональное реагирование. Гомеостатическая концепция субъективного благополучия предполагает, что субъективное благополучие может сохранять устойчивость даже в сложных ситуациях, поскольку детерминируется личностными особенностями человека. В связи с этим Е.Е. Бочарова и Р.М. Шамионов [11] относят субъективное благополучие как к внутренним критериям адаптированности, так и к факторам, детерминирующим процесс адаптации личности. Субъективное благополучие при этом выполняет три функции [12]: 1) функцию регуляции внутреннего самочувствия и взаимоотношений с внешним миром, направленную на усиление адаптационных возможностей человека; 2) функцию управления когнитивными процессами, обеспечивающими адаптацию личности, соотнесение актуальных и имеющихся знаний и опыта; 3) функцию развития, которая обеспечивает творческое движение в сторону саморазвития и организации внешних условий для удовлетворения потребностей и приведения системы личности в равновесие.

В современной зарубежной психологии феномен субъективного благополучия зачастую связывают с эмоциональным реагированием человека,

объединяя эти два явления в аффективно-когнитивную модель, в которой оценка субъективного благополучия представляет когнитивный компонент, а эмоциональное реагирование – аффективный. Так, J.D. Blore [13] обнаружена взаимосвязь субъективного благополучия личности с параметрами активации и удовольствия, которые автор включает в модель «ядра аффекта» в качестве двух объективных измерений эмоциональной сферы.

Вместе с тем в психологии недостаточно представлены исследования, направленные на изучение субъективного благополучия и его взаимосвязи с эмоциональным реагированием в аспекте адаптации к экстремальной ситуации.

В связи с этим нами было организовано исследование с целью выяснения комплекса аффективно-когнитивного реагирования на экстремальную ситуацию, когнитивный компонент которого представляет собой оценку уровня субъективного благополучия и потенциального риска для благополучия при угрозе повторения экстремальной ситуации, а аффективный – эмоциональное реагирование на ситуацию и угрозу ее воспроизведения.

В исследовании проверялась гипотеза о том, что субъективное благополучие в ретроспективных оценках экстремальной ситуации будет отличаться от субъективного благополучия человека в обычной жизни и связываться с определенными эмоциональными реакциями, обеспечивая сохранение динамического равновесия в сложной жизненной ситуации. Возникновение угрозы воспроизведения экстремальной ситуации повлечет за собой процессы мобилизации ресурсов, проявляющиеся в оценке потенциального риска для личного благополучия людей, связанной с их эмоциональным реагированием.

В соответствии с целью и гипотезой исследования были поставлены следующие задачи:

1. Сопоставление уровня субъективного благополучия человека в обычных условиях и при ретроспективной оценке благополучия в экстремальной ситуации.
2. Изучение субъективных оценок потенциального риска для личного благополучия при получении человеком информации о предстоящем наводнении.
3. Выявление эмоций, связанных с субъективной оценкой благополучия в обычной жизненной ситуации, в экстремальной ситуации и при угрозе ее повторения.

Материалы и методики исследования

Выборку исследования составили 223 человека в возрасте от 17 до 56 лет (средний возраст 27,6 года), из которых 97 человек находились в городе Комсомольске-на-Амуре во время паводка 2013 г., а у 44 испытуемых во время наводнения пострадали имущество или близкие родственники. Исследование проводилось в течение 10 дней с 19 по 28 марта 2015 г. (через 1,5 года после произошедшего наводнения на Дальнем Востоке),

когда в Комсомольске-на-Амуре началось интенсивное таяние снега. В этот период в средствах массовой информации появились сообщения о прогнозах подтопления населенных пунктов Хабаровского края в результате половодья, что создало оптимальные условия для проведения исследования.

Данные собирались в четырех разных условиях, задаваемых бланками опроса: в бланке 1 (реакции, характерные для обычной жизни людей) испытуемым предлагалось оценить уровень собственного благополучия в последнее время. В бланке 2 (ретроспективная оценка реакций во время паводковой ситуации) – оценить уровень собственного благополучия в ситуации наводнения 2013 г. В бланке 3 (содержащем краткую неоднозначную информацию о предстоящем наводнении в ближайшем будущем) и бланке 4 (содержащем развернутую информацию о предстоящем наводнении в ближайшем будущем) респондентам было необходимо оценить потенциальный риск для собственного благополучия в ситуации наводнения.

Во всех четырех вариантах испытуемым предлагалась одна и та же шкала, включающая 4 позиции: высокий уровень, средний, низкий, крайне низкий. Примеры инструкций: «Оцените уровень собственного благополучия в последнее время (высокий, средний, низкий, крайне низкий – подчеркните выбранный ответ)» (бланк 1); «Оцените потенциальный риск для собственного благополучия в ситуации наводнения (высокий, средний, низкий, крайне низкий – подчеркните выбранный ответ)» (бланки 3–4). Оценка с помощью одного вопроса считается адекватным способом измерения субъективного благополучия, хотя и менее надежным, чем измерения, включающие несколько пунктов [14]. Обобщенная оценка субъективного благополучия в нашем исследовании позволяет сопоставить его уровень при разных инструкциях, а также оставаться в поле субъективного наполнения этого конструкта людьми, которые при оценке своего благополучия могут ориентироваться на разные аспекты своей жизни и переживаний. В статистических процедурах субъективные оценки благополучия были переведены в числовую шкалу: высокий уровень – 3 балла, средний – 2 балла, низкий – 1 балл, крайне низкий – 0 баллов.

Опросные бланки содержали также задания оценить свое эмоциональное состояние по списку, включающему 30 наименований: безысходность, безразличие, вина, гнев, горе, депрессия, замешательство, интерес, испуг, любопытство, неуверенность, облегчение, озабоченность, опустошенность, отвращение, отчаяние, паника, печаль, презрение, принятие, радость, разочарование, растерянность, смирение, страх, стресс, стыд, тревога, удивление, ужас. Шкала оценки состояний варьировала от 0 до 10 баллов, при этом содержательно были заданы только крайние точки шкалы: 0 баллов – эмоция отсутствует, 10 баллов – эмоция ярко выражена. В бланке 1 респондентам предлагалось оценить эмоции, которые они испытывали в последнее время (за последнюю неделю), в бланке 2 испытуемые ретроспективно оценивали свое эмоциональное состояние во время паводковой ситуации в Комсомольске-на-Амуре в 2013 г. В бланках 3 и 4,

в которых вводилась дополнительная информация, представляющая собой искусственно сконструированное сообщение о прогнозе паводковой ситуации и возможном наводнении в ближайшем будущем, респондентам предлагалось оценить эмоции, которые вызывает у них полученная информация. После анкетирования всем испытуемым сообщалось, что информация, с которой они знакомились, была искусственно создана и не имеет под собой оснований, а также разъяснялись цели исследования.

Формирование групп испытуемых осуществлялось методом рандомизации. Бланки раздавались в случайном порядке таким образом, чтобы в каждой участвующей в исследовании выборке были в равной мере представлены испытуемые, заполнявшие бланки разных типов. Так, если исследование проходило в студенческой группе, все четыре бланка раздавались разным респондентам в случайном порядке. Находились ли испытуемые на момент паводка 2013 г. в городе и пострадали ли их имущество и близкие, обнаруживалось при обработке заполненных анкет.

Итоговое распределение испытуемых, заполнявших разные бланки, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика выборок испытуемых, участвовавших в исследовании

Бланк	Целевая направленность бланка	Средний возраст	Количество респондентов	Из них	
				находились в городе	пострадали имущество или близкие
1	Реакции людей, вовлеченных в обычную жизнь (за последнюю неделю)	27,1	59	Не учитывалось	
2	Ретроспективно оцениваемые реакции во время наводнения 2013 г.	28,9	58	40	22
3	Реакция на сообщение о прогнозе паводковой ситуации в ближайшем будущем: в условиях предъявления небольшого количества неоднозначной информации	27,0	54	29	11
4	В условиях предъявления развернутой информации	27,4	52	28	11
По всему объему выборки		27,6	223	97	44

Статистически значимые различия между испытуемыми, заполнявшими разные бланки, рассчитывались с помощью критерия углового преобразования Фишера (ϕ^*). Для установления взаимосвязей между субъективными оценками благополучия и выраженности эмоций использовался критерий ρ Спирмена. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы STATISTICA 6.0.

Результаты и их обсуждение

Процентное соотношение уровней субъективного благополучия, отмечаемых испытуемыми в обычной жизни и при ретроспективной оценке своего состояния во время наводнения, представлено в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Уровни субъективного благополучия в обычной жизни и экстремальной ситуации, %

Уровень субъективного благополучия	Бланк 1 (реакции, характерные для обычной жизни людей)	Бланк 2 (ретроспективная оценка реакций во время паводковой ситуации)	Критерий Фишера	Уровень статистической значимости различий
Крайне низкий	3,5	3,3	0,069	Не значимы
Низкий	10,5	4,9	1,159	Не значимы
Средний	82,5	67,2	1,927	0,05
Высокий	3,5	24,6	3,587	0,01

Из табл. 2 видно, что в ретроспективных представлениях населения уровень их субъективного благополучия во время экстремальной ситуации остается достаточно высоким: большая часть людей (67,2%) указали средний уровень, а каждый четвертый опрошенный (24,6%) дал высокую оценку собственного благополучия во время паводковой ситуации. Лишь 8,2% участвующих в исследовании отмечали низкий и крайне низкий уровень благополучия. Сравнение этих данных с оценками в обычных жизненных ситуациях обнаруживает значимо более высокий субъективный уровень ретроспективных оценок благополучия в экстремальной ситуации. Анализ процентного соотношения показывает, что в обычной жизненной ситуации люди редко указывают на высокий уровень собственного субъективного благополучия (3,5% людей), достаточно распространенный во время наводнения.

Подобные наблюдения были сделаны в исследованиях Австралийского центра качества жизни, осуществляющего регулярный мониторинг субъективного благополучия. Данные, полученные центром после террористических актов 11 сентября 2001 г. в США [15], бомбежки Бали в 2002 г. [16], начала Иракской войны в 2003 г. [17], наводнения в Кливленде в 2009 г. [18], обнаруживают тенденцию повышения уровня благополучия после указанных событий. Исследователями этот факт объясняется тем, что в момент угрозы люди сплачиваются с окружающими, которые поддерживают их субъективное благополучие.

В соответствии с гомеостатической моделью субъективного благополучия, разработанной по результатам австралийского мониторинга, каждый человек имеет внутренний диапазон переживания благополучия, колебания в рамках которого являются для него нормальными. Нахождение в гомеостазе обеспечивает сопротивляемость изменению благополучия при приближении к верхним и нижним границам и возвращению переживания

благополучия к нормальному уровню, если индивидуальные пороги превышены. Можно предположить, что во время экстремальной ситуации повышение субъективных оценок собственного благополучия выполняет буферную функцию, направленную на поддержание жизнедеятельности на достаточном уровне эффективности.

Ретроспективный характер оценок субъективного благополучия в нашем исследовании ставит проблему их возможного искажения в ходе реконструкции жизненных сценариев. Однако при этом, как показывает В.В. Нуркова [19, 20], обобщившая современные работы, посвященные автобиографической памяти, искажение воспоминаний, связанных с событиями, когда личность находится в неблагоприятных условиях, может осуществляться в противоположных направлениях. С одной стороны, люди демонстрируют тенденцию оценивать себя в прошлом ниже по сравнению с актуальным образом Я, при этом девальвация прошлого служит функции сохранения и поддержания позитивного образа актуального Я-состояния. С другой стороны, психологические исследования обнаруживают, что пересказ исходных событий сопровождается уменьшением негативных эмоций. Объяснением этому может быть как сдержанность в демонстрации негативных эмоций, так и направленность личности на сохранение целостности и позитивного самовосприятия. Вместе с тем те же исследования показывают, что указанные закономерности касаются преимущественно негативных эмоций, в то время как позитивные эмоции при их передаче через какое-то время остаются константными. Поскольку субъективное благополучие отражает комплексную оценку человеком своего бытия и состояния, оно также подвержено действию искажающих факторов. В таком случае высокие ретроспективные оценки субъективного благополучия в экстремальной ситуации выполняют функцию готовности к поддержанию жизнедеятельности в ситуации повторного возникновения экстремальной ситуации.

Об этом свидетельствуют также оценки потенциального риска для благополучия при получении информации о предстоящем наводнении (табл. 3): возникновение угрозы новой экстремальной ситуации не рассматривается людьми как фактор, существенно влияющий на их благополучие.

Т а б л и ц а 3

Оценка потенциального риска для собственного благополучия при получении информации о предстоящем наводнении, %

Потенциальный риск для собственного благополучия в ситуации наводнения	Бланк 3 (неоднозначная информация о предстоящем наводнении)	Бланк 4 (развернутая информация о предстоящем наводнении)	Критерий Фишера	Уровень статистической значимости различий
Крайне низкий	22,8	19,3	0,460	Не значимы
Низкий	35,1	36,8	0,195	Не значимы
Средний	33,3	28,1	0,609	Не значимы
Высокий	8,8	15,8	1,152	Не значимы

Большинство испытуемых (57,9% при получении краткой неопределенной информации о предстоящем наводнении и 56,1% при знакомстве с развернутой информацией) оценивают риск для собственного благополучия в ситуации наводнения как низкий или крайне низкий. Более развернутая информация, содержащая больше доводов, свидетельствующих о реальности угрозы, приводит к увеличению доли респондентов, оценивающих уровень угрозы как высокий, однако различия между выборками статистически незначимы. Таким образом, прогнозирование снижения субъективного благополучия также может выполнять буферную, защитную функцию, расширяющую границы готовности людей к адаптации к экстремальной ситуации.

Анализ взаимосвязей уровня субъективного благополучия с эмоциями людей обнаружил большое количество корреляционных связей между этими феноменами в обычной жизни (табл. 4).

Таблица 4

Взаимосвязь уровня субъективного благополучия с эмоциями людей в обычной жизни и экстремальной ситуации (по критерию ρ Спирмена)

Эмоциональное реагирование	Уровень субъективного благополучия	
	Характерный для обычной жизни людей (бланк 1)	Ретроспективная оценка во время паводковой ситуации (бланк 2)
Радость	0,446***	0,056
Интерес	0,376**	-0,137
Любознательство	0,321*	-0,083
Безопасность	0,312*	0,269*
Растрянность	-0,272*	-0,254*
Гнев	-0,332*	-0,204
Тревога	-0,332*	-0,238
Стресс	-0,366**	-0,220
Печаль	-0,391**	-0,186
Презрение	-0,412**	-0,309*
Опущенность	-0,413**	-0,231
Стыд	-0,423***	-0,029
Отвращение	-0,427***	-0,121
Депрессия	-0,461***	-0,192
Отчаяние	-0,463***	-0,106
Горе	-0,464***	-0,197
Ужас	-0,474***	-0,060
Паника	-0,475***	-0,126
Разочарование	-0,491***	-0,217
Безысходность	-0,496***	-0,161
Страх	-0,516***	-0,242

Примечание. Здесь и далее в таблицах * – взаимосвязь значима для $p \leq 0,05$; ** – взаимосвязь значима для $p \leq 0,01$; *** – взаимосвязь значима для $p \leq 0,001$.

Уровень субъективного благополучия повышается, если человек в обычной жизни испытывает радость, интерес и любознательство и при этом чувствует себя в безопасности. Снижение субъективного благополучия

связано, прежде всего, с такими эмоциями, как страх, безысходность, разочарование, паника, ужас, горе, отчаяние, депрессия, отвращение и стыд. Менее значимыми являются связи субъективного благополучия с опустошенностью, презрением, печалью, стрессом, гневом, тревогой и растерянностью. Таким образом, в обычной жизни людей субъективное благополучие определяется всем спектром эмоций, в который входят эмоции всех анализируемых нами групп: эмоции радости и интеллектуальные эмоции обеспечивают повышение субъективного благополучия человека, а фрустрационные эмоции, эмоции негативного прогноза и переживания горя, а также негативные коммуникативные эмоции ведут к его снижению.

В ретроспективных оценках экстремальной ситуации число эмоций, связанных с субъективным благополучием, значительно уменьшается. Поддержку высокого уровня субъективного благополучия осуществляет переживание человеком безопасности, а снижение благополучия сопряжено с такими эмоциями, как презрение и растерянность. Это подтверждает гипотезу о социальных факторах поддержания субъективного благополучия в неблагоприятные жизненные периоды, поскольку снижение благополучия связывается с коммуникативной эмоцией презрение, которая, отражая социальное отвращение к человеку, совершившему недостойный поступок, создает для человека барьер, препятствующий получению поддержки от другого человека.

Оценка степени потенциального риска для собственного благополучия при получении информации о предстоящем наводнении также оказалась связана с эмоциями людей, при этом разная информация актуализирует различные взаимосвязи (табл. 5).

Таблица 5

Взаимосвязь степени потенциального риска для собственного благополучия с эмоциями людей при получении информации о предстоящем наводнении (по критерию Спирмена)

Эмоциональное реагирование	Степень потенциального риска для собственного благополучия в ситуации наводнения	
	При получении неоднозначной информации о предстоящем наводнении (бланк 3)	При получении развернутой информации о предстоящем наводнении (бланк 4)
Испуг	0,221	0,337*
Растерянность	0,301*	0,299*
Стресс	0,232	0,282*
Горе	0,240	0,278*
Отчаяние	0,072	0,273*
Замешательство	0,212	0,268*
Страх	0,374**	0,261*
Озабоченность	0,291*	0,149
Разочарование	0,402**	0,137
Ужас	0,275*	0,108
Опустошенность	0,279*	0,101
Безопасность	-0,436***	-0,505***

При получении неоднозначной информации о предстоящем наводнении угрозу для субъективного благополучия обнаруживают люди, у которых информация вызывает разочарование, страх, растерянность, озабоченность, опустошенность и ужас. При получении более развернутой и однозначной информации снижение субъективного благополучия связано с возрастанием интенсивности эмоций испуга, растерянности, стресса, горя, отчаяния, замешательства и страха. И в том и в другом случае наибольшее снижение уровня субъективного благополучия происходит под воздействием эмоций негативного прогноза. Единственное переживание, которое в обеих ситуациях способствует поддержанию высокого уровня субъективного благополучия, – это чувство безопасности.

Анализ всех четырех ситуаций обнаруживает лишь два переживания, устойчиво связанных с оценками субъективного благополучия человека: 1) чувство безопасности, с увеличением интенсивности которого уровень субъективного благополучия возрастает; 2) состояние растерянности, сопряженное с уменьшением уровня благополучия.

Состояние безопасности подразумевает представленную в сознании человека защищенность его жизненно важных целей и ценностей от реально или потенциально существующих угроз, неблагоприятного воздействия внешних и внутренних факторов. Столкновение с опасностью в экстремальной ситуации ведет к ухудшению субъективно переживаемого благополучия личности, что побуждает человека к перестраиванию его привычных способов реагирования и поведения, поиск новых способов действий, направленных на более эффективную адаптацию к ситуации.

Состояние растерянности, как отмечает Е.П. Ильин, в этом случае может являться следствием переживания опасности, которое, однако, характеризуется нарушением восприятия ситуации, ее анализа и оценки, потерей логических связей между осуществляемыми и планируемыми действиями. Результатом этого могут стать трудности в процессе принятия решений, нецелесообразность действий или отказ от них.

Таким образом, поддержание высокого уровня субъективного благополучия в пролонгированной экстремальной ситуации способствует купированию процесса неконтролируемого возрастания негативных эмоциональных реакций, способных разрушить конструктивное поведение в сложной ситуации и усложняющих процесс адаптации к ней.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

1. Ретроспективная оценка субъективного благополучия в экстремальной ситуации значимо превышает его оценку в обычной жизни людей, что может объясняться с позиций гомеостатической концепции субъективного благополучия как способ поддержания жизнеспособности людей в экстремальной ситуации, а также создание готовности к мобилизации в условиях ее повторения.

2. Получение человеком информации об угрозе повторения экстремальной ситуации сопровождается низкими оценками потенциального

риска для личного благополучия. Это может являться результатом относительно благополучного завершения экстремальной ситуации и позитивным опытом, вынесенным из нее населением города. Подобные реакции в совокупности с высокими ретроспективными оценками субъективного благополучия во время наводнения отражают адаптацию человека к экстремальной ситуации, проявляющуюся в сохранении устойчивого внутреннего равновесия в условиях изменения внешней среды. Повышение оценок субъективного благополучия при воспоминании об экстремальной ситуации создает своеобразный буфер, помогающий населению поддерживать убежденность в своих силах преодолеть трудную жизненную ситуацию, снижая субъективную оценку уровня возможной угрозы для личного благополучия.

3. Ретроспективные оценки субъективного благополучия в экстремальной ситуации сопряжены с незначительным числом эмоциональных реакций в отличие от обычной жизни людей, в которой субъективное благополучие связывается в комплекс с большим числом аффективных реакций (в основном негативных, влияющих на снижение субъективного благополучия). Такое сокращение числа реакций может обеспечивать большую устойчивость субъективного благополучия в экстремальной ситуации, делая когнитивные оценки более независимыми от аффективных реакций людей. Таким образом, аффективный эмоциональный компонент обеспечивает гибкость реагирования, а когнитивный (оценки личного благополучия) – его устойчивость.

Осуществление исследований, связанных с экстремальными ситуациями, всегда сопряжено с рядом трудностей, накладывающих определенные ограничения на исследование. Так, ретроспективные оценки субъективного благополучия могут искажаться в ходе реконструкции жизненных сценариев и отличаться от оценок в момент вовлечения людей в экстремальную ситуацию. Кроме того, влияние может оказывать факт относительно благополучного завершения чрезвычайной ситуации для большинства вовлеченных в исследование людей. Указанные ограничения создают необходимость продолжения исследований в области изучения субъективного благополучия людей в условиях длительной экстремальной ситуации.

Литература

1. Суханов А.А. Анализ понимания адаптации человека в отечественных психологических исследованиях // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 201–205.
2. Психологическая адаптация и психологическое здоровье человека в осложненных условиях жизненной среды / Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Москва; Пенза: Академия естествознания, 2011. 321 с.
3. Алехин А.Н. и др. Закономерные фазы динамики психической адаптации к непривычным условиям жизнедеятельности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 6 (124). С. 211–215.
4. Разорина Л.М. Адаптация или социальная ориентировка и совладание? // Адаптация личности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М.В. Григорьева. Саратов : Научная книга, 2011. Вып. 4. С. 26–35.

5. Онищенко Н.В. Чрезвычайная ситуация как экзистенциальная угроза: психологический аспект // Вектор науки ТГУ. Сер. Педагогика, психология. 2013. № 3. С. 206–209.
6. Штроо В.А. Личность в экстремальной ситуации: организационный контекст // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности / под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток : Морской государственный университет, 2014. С. 271–279.
7. Яремчук С.В., Ситяева С.М., Махова И.Ю. Эмоциональные реакции населения, подвергшегося воздействию паводка, в ситуации угрозы повторения данного события // Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности : сборник научных статей V Международной научно-практической конференции / под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток : Морской государственный университет, 2015. С. 433–442.
8. Яремчук С.В. Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы личности // Психологический журнал. 2013. № 5. С. 85–95.
9. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Поздеева Н.В. Человек и мир его духовных потребностей. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. 236 с.
10. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия: (к разработке интегративной концепции // Мир психологии. 2012. № 2. С. 143–148.
11. Бочарова Е.Е., Шамионов Р.М. Субъективное благополучие как существенный фактор социально-психологической адаптированности личности // Адаптация личности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М.В. Григорьева. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып 3. С. 36–44.
12. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004. 15 с.
13. Blore J.D. Subjective Wellbeing: An Assessment of Competing Theories. Deakin University, 2008. 90 p.
14. Personal Wellbeing Index: 4th Edition // International Wellbeing Group. Melbourne : Australian Centre on Quality of Life, Deakin University, 2006. 36 p.
15. Cummins R.A. et al. Australian Unity Wellbeing Index: Survey 3, Report 3.1 – Wellbeing in Australia and the aftermath of September 11 / R.A. Cummins, R. Eckersley, J. Pallant, M. Daverm. Melbourne: Australian Centre of Quality of Life, School of Psychology, Deakin University, 2002.
16. Cummins R.A. et al. Australian Unity Wellbeing Index: Report 5.0 – The Wellbeing of Australians – 2. The Impact of the Bali Bombing / R.A. Cummins, R. Eckersley, S.K. Lo, E. Okerstrom, B. Hunter, M. Daverm. Melbourne : Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University, 2003.
17. Cummins R.A. et al. Australian Unity Wellbeing Index: Report 6.0 – The Wellbeing of Australians – Impact of the Impending Iraq War / R.A. Cummins, R. Eckersley, S.K. Lo, E. Okerstrom, M. Daverm, B. Hunter. Melbourne : Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University, 2003.
18. Cummins R.A. et al. Australian Unity Wellbeing Index: Report 20.1 – The Wellbeing of Australians – The Effects of Fires in Victoria and Floods in Queensland / R.A. Cummins, J. Woerner, M. Chester. Melbourne : Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University, 2009.
19. Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 93–102.
20. Нуркова В.В., Василевская К.Н. Функции автобиографической памяти личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 1–3 (43). С. 81–86.

Поступила в редакцию 09.02.2016 г.; повторно 10.04.2016 г.; принята 25.04.2016 г.

Сведения об авторах:

ЯРЕМЧУК Светлана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия).

E-mail: svj@rambler.ru

СИТЯЕВА Снежана Михайловна, кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия).

E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

МАХОВА Ирина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия).

E-mail: miu60@mail.ru

ADAPTATION TO EMERGENCY SITUATION: EMOTIONS AND SUBJECTIVE WELL-BEING

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 77–92. DOI: 10.17223/17267080/60/6

Yaremtchuk Svetlana V., Sityaeva Snezhana M, Makhova Irina Ju. Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation).

E-mail: svj@rambler.ru; snejana-reg27@yandex.ru; miu60@mail.ru

Keywords: subjective well-being; emotions; emergency situation; flood; reactions; adaptation.

Analysis of scientific publications showed that the initial phase of adaptation to emergency situation was the destabilization of the system “needs and the ways to satisfy them”. The system is reflected in emotional reactions and subjective well-being.

This paper focuses on the subjective well-being and emotional reactions of people who experienced flood in the Far East of Russia in 2013. There were 223 participants in the study, aged between 17 and 56 years old.

The data were collected in four different conditions: the first group of participants evaluated the level of their own well-being and emotional reactions during last week; the second group gave a retrospective evaluation of the reactions in the emergency situation. The third and the fourth groups evaluated their reactions to the information about the potential flood risk in the nearest future. The third group was offered brief ambiguous information about the potential flood risk in the nearest future. The fourth group was provided with detailed information about the potential flood risk. The differences between the groups were evaluated through the use of Mann-Whitney U test. Spearman's rank correlation analysis was used to find the relation between subjective well-being and emotional reactions.

The study showed that the level of retrospective evaluation of subjective well-being during an emergency situation was significantly higher than the level of well-being of people who evaluated it within last week. The potential flood risk in the nearest future was not considered by people as a factor that significantly affected their well-being. The results were interpreted by Subjective Wellbeing Homeostasis Theory.

Results of correlation analysis showed a large number of correlations between subjective well-being and emotional reactions in everyday life. The result indicated that subjective well-being demonstrated positive associations with joy, interest, curiosity, and sense of security. Subjective well-being in everyday life is negatively associated with fear, frustration, disappointment, panic, fear, grief, despair, depression, disgust, and shame. The number of emotions related to subjective well-being in an extreme situation was reduced. The retrospective evaluations of the well-being in emergency situations was positively associated only with sense of security and negatively associated with state of confusion.

The study allows us to conclude that maintaining of high-level subjective well-being restrains uncontrolled growth of negative emotional reactions that can destroy adaptive behavior in difficult situations.

References

1. Sukhanov, A.A. (2011) Understanding the Problem of Man's Adaptation as Viewed in our Country's Psychological Resources: Review. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 2(26). pp. 201-205. (In Russian).
2. Saraeva, N. (ed.) (2011) *Psikhologicheskaya adaptatsiya i psikhologicheskoe zdorov'e cheloveka v oslozhnennykh usloviyakh zhiznennoy sredy* [Psychological adaptation and psychological health of the person in the complicated conditions of the living environment]. Moscow; Penza: Akademiya estestvoznaniya.
3. Alekhin, A.N., Mikhaïlenko, V.S., Petrov, V.A. & Pultcina, K.I. (2015) Regular phases of dynamics of psychological adaptation to the extreme environmental conditions. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 6(124). pp. 211-215. (In Russian).
4. Razorina, L.M. (2011) Adaptatsiya ili sotsial'naya orientirovka i sovladanie? [Adaptation or social orientation and coping?]. In: Grigorieva, M.V. (ed.) *Adaptatsiya lichnosti v sovremennom mire* [Adaptation of the individual in the modern world]. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 26-35.
5. Onishchenko, N.V. (2013) Emergencies like an existential threat: Psychological aspects. *Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 3(14). pp. 206-209. (In Russian).
6. Shtroo, V.A. (2014) Lichnost' v ekstremal'noy situatsii: organizatsionnyy kontekst [The person in an emergency situation: Organizational context]. In: Kadyrov, R.V. (ed.) *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* [Personality in extreme conditions and crises of life]. Vladivostok: Maritime State University. pp. 271-279.
7. Yaremchuk, S.V., Sityaeva, S.M. & Makhova, I.Yu. (2015) Emotsional'nye reaktzii naseleeniya, podvergshegosya vozdeystviyu pavodka, v situatsii ugrozy povtoreniya dannogo sobytiya []. In: Kadyrov, R.V. (ed.) *Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* [Psychological safety of the person in extreme conditions of life and crisis situations]. Vladivostok: Maritime State University. pp. 433-442.
8. Yaremchuk, S.V. (2013) Sub"ektivnoe blagopoluchie kak komponent tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti [The subjective well-being as a component of axiological semantic sphere of the person]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 5. pp. 85-95.
9. Arefiev, M.A., Davydenkova, A.G. & Pozdeeva, N.V. (2007) *Chelovek i mir ego dukhovnykh potrebnostey* [The person and their world of spiritual needs]. St. Petersburg: LSU named after A.S. Pushkin.
10. Shamionov, P.M. (2012) Psikhologiya sub"ektivnogo blagopoluchiya: (k razrabotke integrativnoy kontseptsii [the psychology of subjective well-being: (to the development of integration concept)]. *Mir psikhologii*. 2. pp. 143-148.
11. Bocharova, E.E. & Shamionov, R.M. (2011) Sub"ektivnoe blagopoluchie kak sushchestvennyy faktor sotsial'no-psikhologicheskoy adaptirovannosti lichnosti [Subjective well-being as an essential factor of social and psychological adaptation of personality]. Grigorieva, M.V. (ed.) *Adaptatsiya lichnosti v sovremennom mire* [Adaptation of the individual in the modern world]. Saratov: Nauka. pp. 36-44.
12. Shamionov, R.M. (2004) *Psikhologiya sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti* [Psychology of subjective well-being of the individual]. Saratov: [s.n.].
13. Blore, J.D. (2008) *Subjective Wellbeing: An Assessment of Competing Theories*. Deakin University.
14. Australia. (2006) *Personal Wellbeing Index*. 4th ed. International Wellbeing Group. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, Deakin University.
15. Cummins, R.A., Eckersley, R., Pallant, J. & Daverm, M. (2002) *Australian Unity Wellbeing Index: Survey 3, Report 3.1 – Wellbeing in Australia and the aftermath of September 11*. Melbourne: Australian Centre of Quality of Life, School of Psychology, Deakin University.

16. Cummins, R.A., Eckersley, R., Lo, S.K., Okerstrom, E., Hunter, B. & Daverm, M. (2003a) *Australian Unity Wellbeing Index: Report 5.0 – The Wellbeing of Australians – 2. The Impact of the Bali Bombing*. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University.
17. Cummins, R.A., Eckersley, R., Lo, S.K., Okerstrom, E. & Daverm, M. (2003b) *Australian Unity Wellbeing Index: Report 6.0 – The Wellbeing of Australians – Impact of the Impending Iraq War*. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University.
18. Cummins, R.A., Woerner, J. & Chester, M. (2009) *Australian Unity Wellbeing Index: Report 20.1 – The Wellbeing of Australians – The Effects of Fires in Victoria and Floods in Queensland*. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University.
19. Nurkova, V.V. & Vasilevskaya, K.N. (2003) Avtobiograficheskaya pamyat' v trudnoy zhiznennoy situatsii: novye fenomeny [Autobiographical memory in difficult situations: New phenomena]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 93-102.
20. Nurkova, V.V. & Vasilevskaya, K.N. (2016) Functions of the autobiographical memory. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – j International Research Journal*. 1–3(43). pp. 81-86. (In Russian). DOI: 10.18454/IRJ.2016.43.006

*Received 09.02.2016;
Revised 10.04.2016;
Accepted 25.04.2016*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.17223/17267080/60/7

Т.Г. Бохан¹, М.В. Шабаловская^{1,2}, И.Ю. Малкова¹, В.Е. Даничкина¹

¹ *Томский государственный университет (Томск, Россия)*

² *Сибирский государственный медицинский университет (Томск, Россия)*

Психические состояния, сопровождающие становление научно-исследовательской деятельности молодых ученых

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(Проект «Психологические барьеры в научно-исследовательской деятельности
и практической реализации ее результатов у молодых ученых» 15-16-70001).

Представлен анализ доминирующих эмоций и мыслей, связанных с научно-исследовательской работой начинающих ученых. Доминирующие эмоциональные состояния относятся к группам «эмоции ожидания и прогноза» (тревога, волнение, отчаяние), «эмоции удовлетворения» (удовлетворение, радость). Феноменологический анализ позволил выявить основное смысловое содержание тех мыслей, которые являются для данной группы начинающих ученых наиболее значимыми и часто возникающими в их ментальном опыте выполнения научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: *эмоциональные переживания; доминирующие мысли; научно-исследовательская деятельность; молодые ученые.*

Основным видом деятельности начинающих ученых (магистров, аспирантов) является научно-исследовательская деятельность, в процессе которой происходит овладение навыками научного познания. Однако молодые люди, занимающиеся научным творчеством, сталкиваются с внешними и внутренними препятствиями на этапах научно-исследовательского поиска, невозможность преодоления которых приводит к снижению мотивационной и творческой активности начинающих ученых, лишению смысла их интеллектуальных усилий в научном поиске [1–5]. К начинающему исследователю предъявляются высокие требования в процессе научной работы: овладение большим массивом информации, самостоятельность в научном поиске, ограниченные сроки выполнения исследования и пр. Как отмечает М.Ю. Серга [3], в процессе работы над научным исследованием у аспиранта возникает субъективное состояние напряженности, неудовлетворенности, вызванное объективными препятствиями. Трудности совладания с возникающими состояниями напряженности в процессе выполне-

ния этих требований могут фиксировать состояние тревожности, постоянного беспокойства, латентного стресса, что приводит к нарушениям психического здоровья молодых ученых и снижает эффективность их научно-исследовательской деятельности [6, 7]. Данные психологические проявления можно отнести к категории психологического барьера, которая разрабатывается в психологии (Л.А. Коростылева, А.И. Пригожин, Э.Э. Сыманюк, В.Д. Шадриков, Р.Х. Шакуров и др.). Под психологическими барьерами понимается субъективно окрашенное переживание трудностей, обусловленное объективными ограничениями проявлений жизнедеятельности человека и препятствующее удовлетворению его потребностей [8]. Выделяемый исследователями эмоциональный компонент психологических барьеров состоит в усилении отрицательных переживаний и установок – стыда, чувства вины, страха, тревоги, низкой самооценки [9, 10]. Ограничение и снижение активности (познавательной, поисковой, социальной и т.п.) в результате этих переживаний может рассматриваться как внутреннее препятствие, которое трактуется как психическое состояние, проявляющееся в пассивности субъекта и мешающее выполнению им тех или иных действий.

Однако эмоции могут играть в жизни человека не только отрицательную роль, но и положительную. В рамках «активационных» теорий эмоции обеспечивают оптимальный уровень возбуждения центральной нервной системы и ее отдельных подструктур [11. С. 117]. Активация нервной системы, и прежде всего ее вегетативного отдела, приводит к изменениям во внутренних органах и организме в целом, мобилизуя энергоресурсы. Актуализация этого мобилизационного потенциала в преодолении трудностей, возникающих в процессе деятельности, является важным условием как для сохранения психического здоровья человека, так и для успешного становления профессиональной деятельности [12–15]. В теории преодоления Р.Х. Шакурова эмоциональные состояния человека, его основные переживания связаны в первую очередь с успехами и неудачами в реализации собственных устремлений, «...с преодолением вторичных (операционных, связанных с устремлениями и действиями субъекта) барьеров в процессе деятельности» [10. С. 12]. При этом автор отмечает, что «деятельность, которой сопутствуют успехи и радости, становится привлекательной сама по себе – как и многие элементы ситуации успеха» [Там же]. Эмоции, таким образом, можно рассматривать, как реакции человека на динамику барьеров. Мы предполагаем, что определение эмоционального и когнитивного компонентов доминирующих переживаний молодых ученых позволит получить представление о психологических барьерах, возникающих на разных фазах научно-исследовательской деятельности у молодых ученых, и ресурсах совладания с ними.

Целью исследования явилось изучение эмоционального и когнитивного компонентов доминирующих переживаний, отражающих психологические барьеры, сопровождающие научно-исследовательскую деятельность молодых ученых.

Методы и выборка исследования: шкала ситуативной тревоги Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина) [16. С. 121]; адаптированный под задачи исследования метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд), направленный на выявление доминирующих мыслей и эмоций у начинающих ученых в процессе выполнения научно-исследовательской работы. При использовании шкалы ситуативной тревоги Ч.Д. Спилбергера для решения задач данного исследования респондентам предлагалось ответить, как они себя чувствуют, когда занимаются научно-исследовательской работой, проставляя баллы по степени выраженности состояния от 1 до 4 (1 – никогда; 2 – почти никогда; 3 – часто; 4 – почти всегда) в 20 утверждениях, предложенных в методике. При интерпретации показателей использовались следующие ориентировочные оценки тревожности: до 30 баллов – низкая, 31–44 балла – умеренная; 45–80 баллов – высокая. С использованием метода семантического дифференциала, также адаптированного под задачи исследования, респондентам предлагалось привести не менее пяти основных мыслей и не менее пяти основных эмоций, возникающих в связи с научной работой, и оценить каждое переживание по семибалльной биполярной шкале с полюсами от «очень неприятные переживания» (–3) до «очень приятные переживания» (+3). На первом этапе обработки полученных данных был осуществлен контент-анализ, позволивший выделить основные смысловые категории, объединяющие эмоции и мысли респондентов.

Проведена статистическая обработка в программе SPSS Statistics 17.0 с помощью методов описательной статистики, анализа частот, метода сравнения (критерий Манна–Уитни). В исследовании принимали участие 129 начинающих ученых (аспирантов и магистров, привлеченных к научно-исследовательской деятельности) вузов Томска, в возрасте от 21 года до 35 лет, мужского пола – 53 человека, женского – 76 человек.

Результаты исследования

Согласно полученным результатам описательной статистики показателей ситуативной тревожности по методике Спилбергера можно отметить, что у большинства респондентов наблюдается умеренная выраженность ситуативной тревожности, связанная с выполнением научно-исследовательской работы (среднее значение =42,1).

Т а б л и ц а 1
Результаты частотного анализа ситуативной тревожности
у молодых ученых (n = 129)

Уровень ситуативной тревожности	Частота	Процент
Низкий	16	12,4
Средний	65	50,3
Высокий	48	37,3

Исходя из табл. 1, можно отметить наличие у 50,3 % респондентов среднего (оптимального) уровня тревожности. 12,4 % респондентов не испытывают тревогу в процессе работы над собственным исследованием. Высокий уровень ситуативной тревожности в процессе исследовательской деятельности наблюдается у 37,3 % респондентов, что характеризуется субъективным дискомфортом, напряженностью, беспокойством и, возможно, вегетативным возбуждением, сопровождающим процесс исследовательской работы.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа ситуативной тревожности в мужской и женской выборках молодых ученых (n = 129)

Пол	N	Средний ранг	U Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
м	53	54,92	1 480	,011*
ж	76	72,03		

* Результаты достоверны при $p < 0,05$.

При сравнении значения уровня ситуативной тревожности в группах мужчин (n = 53) и женщин (n = 76) выявлены достоверно значимые различия в показателях ($p = 0,011$) (табл. 2). Состояние субъективного напряжения, беспокойства, связанного с научной работой, испытывают чаще начинающие исследователи женской выборки.

Результаты выявленных эмоциональных переживаний, связанных с научно-исследовательской работой у молодых ученых, представлены в табл. 3. Для их анализа была использована классификация эмоций Е.П. Ильина [11], не «вписывающиеся» в данную классификацию эмоции были объединены в соответствующие смысловые группы и дополнили данную классификацию. На данном этапе исследования методика была использована для изучения эмоциональных состояний у 81 респондента.

Таблица 3

Результаты частотного анализа эмоциональных переживаний у молодых ученых (n = 81)

Группа эмоций	Эмоции	Частота	Процент среди группы	Процент среди всех эмоций
Эмоции ожидания и прогноза	Тревога	21	30,43	10
	Волнение	14	20,29	6,66
	Отчаяние	12	17,4	5,71
	Страх	7	10,14	3,33
	Уверенность	7	10,14	3,33
	Надежда	6	8,7	2,85
	Решимость	2	2,9	0,95
Всего		69	100	32,8
Эмоции удовлетворения	Удовлетворение	27	48,21	12,8
	Радость	25	44,65	11,9
	Гордость	4	7,14	1,9
Всего		56	100	26,6

Группа эмоций	Эмоции	Часто-та	Процент среди груп-пы	Процент среди всех эмоций
Интеллектуальные эмоции	Интерес	19	48,71	9,05
	Сосредоточенность	8	20,5	3,81
	Удивление	4	10,25	1,9
	Рвение	4	10,25	1,9
	Свобода	2	5,12	0,95
	Вдохновение	1	2,63	0,48
	Инсайт	1	2,63	0,48
	Всего	39	100	18,6
Фрустрационные эмоции	Разочарование	11	28,95	5,24
	Печаль	8	21,05	3,81
	Гнев	6	15,79	2,85
	Досада	3	7,9	1,43
	Тоска и ностальгия	3	7,9	1,43
	Неудовлетворенность	2	5,26	0,95
	Обида	2	5,26	0,95
	Горе	2	5,26	0,95
	Эмоциональная саморегуляция	1	2,63	0,48
	Всего	38	100	18,1
Коммуникативные эмоции	Смятение	2	40	0,95
	Веселье	1	20	0,48
	Угрызения совести	1	20	0,48
	Терпимость	1	20	0,48
	Всего	5	100	2,4
Нравственные эмоции	Ответственность	1	50	0,48
	Долг	1	50	0,48
	Всего	2	100	1
Трансцендентальные эмоции	Трансцендентальные	1	100	0,48
	Всего	1	100	0,5

В результате проведенного контент-анализа эмоциональных переживаний выявлено 210 лексических единиц, характеризующих эмоции, которые можно определить в классификационные группы. Наиболее встречаемые эмоции относятся к группе «эмоции ожидания и прогноза» (32,8% всех эмоций). К этой группе относятся 69 эмоций, повторяющиеся и близкие по значению эмоции сгруппированы по смыслу: *тревога* (например: «неизвестность», «переживание», «озабоченность», «тревога», «беспокойство», «паника», «опасения»); *волнение* («переживания о сроках», «меня волнуют возможные неудачи», «сомнение в актуальности», «волнение», «смятение», «недоумение», «осторожность»); *отчаяние и апатия* («уныние», «отчаяние», «изнеможение», «лень», «апатия из-за ступора / нехватки времени», «иногда бессилие», «неизбежность», «хочется все бросить», «желание домой уйти», «пустота», «безнадежность», «расте-

рянность»); *страх* («не додумать», «не успеть», «не сделать», «боюсь не успеть к сроку»); *уверенность / неуверенность* («я справлюсь», «неуверенность в себе», «неуверенность в работе», «чувствую себя нерешительно»); *надежда* («благополучие в будущем», «развитие», «успех», «предвкушение»); *решимость* («все равно я дойду до конца»).

К группе «эмоции удовлетворения» (26,6% всех эмоций) относятся 56 лексических единиц, характеризующих эмоциональные переживания. Среди них: *удовлетворение* («удовлетворение», «удовлетворение – я расту», «чувствую важность дела – ответственность», «удовлетворение за каждый сделанный шаг», «удовольствие», «я спокоен», «мне приятно», «приятно писать текст так, словно рассказывать кому-то», «приятно представлять, какую практическую пользу можно будет извлечь из моей работы», «я доволен», «я чувствую себя свободно», «ура, параграф написан», «блаженство», «душевность», «умиротворение при достижении и выполнении задуманного», «класс, сколько пользы можно принести»); *радость* («осознание востребованности», «смех», «улыбка», «восторг», «восторг от новых идей», «возбуждение, все успел»); *гордость* («за свои возможности как исследователя»). Необходимо отметить, что эмоции категорий «удовлетворения» и «радости» преобладают среди всех выделенных эмоций по частоте встречаемости.

Третье место по частоте встречаемости занимает группа «интеллектуальные эмоции» (18,6% всех эмоций). К данной группе относятся 39 лексических единиц: *интерес* («возможность самореализации», «предвкушение», «прозрение», «желание дальше заниматься наукой»); *сосредоточенность* («серьезность», «упоение работой», «сосредоточие», «сдержанность», «ответственность и долг», «задумчивость»); *удивление* («круто, это было легче, чем казалось»); *рвение* («воодушевление», «желание действовать», «класс... сейчас еще допишу и к выводу», «азарт», «адреналин»); *свобода* («чувствую себя самостоятельно»); *вдохновение, удовлетворение от осознания* («инсайт»). Наиболее часто встречаемые эмоции в данной группе относятся к категории «интерес».

«Фрустрационные эмоции» встречаются в 18,1% всех эмоциональных переживаний, к ним относятся 38 лексических единиц, характеризующих переживания. Наиболее часто встречаемые эмоциональные переживания в данной группе можно отнести к категории *разочарование* («сожаление», «разочарование, если что-то не удастся сразу», «нет желания заниматься монотонным трудом», «невостребованность», «расстройство от коммерциализации науки», «огорчения за неудачи», «скука», «зачем все это нужно», «опять не успел»). Также к этой группе относятся: *печаль; гнев* («гнев», «ужас», «негатив», «раздражение, так как надо следовать срокам»); *досада* («чувство возможной неоцененности», «неотвратимость», «черт! не так»); *тоска и ностальгия; неудовлетворенность* («неудовлетворенность работой предшественников»); *обида* («и кому, кроме меня, это надо»); *горе* («боль», «будет тяжело»); *эмоциональная саморегуляция* («сдержанность»).

В группу «коммуникативные эмоции» (2,4% всех эмоций) вошли: *смятение* («что они от меня хотят»); *веселье* («эйфория»); *вина как отражение совести* («угрызения совести»); *терпимость*. В группу «нравственные эмоции» (1,5% всех эмоций) вошли два переживания – *ответственность и долг*, *«может, это и правда нужно людям»*.

Таким образом, часто встречаемые эмоциональные переживания в процессе научно-исследовательской деятельности у молодых ученых относятся к группам «Эмоции ожидания и прогноза» (32,8%), «Эмоции удовлетворения» (26,6%), «Интеллектуальные эмоции» (18,6%), «Фрустрационные эмоции» (18,1%). Внутри каждой группы наиболее часто встречаются следующие эмоции: тревога, волнение, отчаяние, удовлетворение, радость, интерес, разочарование. Рассматривая отдельно выраженность каждой эмоции независимо от ее включения в определенную группу, необходимо отметить, что среди всех эмоциональных переживаний доминируют удовлетворение (12,8% всех эмоций), радость (11,9%) и тревога (10%).

Феноменологический анализ смыслового содержания наиболее часто возникающих мыслей респондентов осуществлялся с помощью метода контент-анализа высказываний респондентов. В результате было отмечено 360 семантических единиц, которые по смысловому содержанию объединились в основные категории, получившие следующие условные названия: «Деятельность» (24,72% высказываний), «Оценка психического состояния и отношения к научной работе» (18,61% высказываний), «Сомнения и трудности» (15,55% высказываний), «Время» (8,33% высказываний), «Личный смысл научной работы» (5% высказываний), «Социальные аспекты в научно-исследовательской деятельности» (4,44% высказываний), «Социальный смысл научной работы» (3,05% высказываний), «Финансы» (1,1% высказываний).

Категория «Деятельность» представлена следующими наиболее часто встречаемыми мыслями относительно: «актуальности темы», «статистической обработки», «дальнейшего развития темы», «новизны», «логики изложения», «возникающих противоречий», «доказательств», «публикаций», «планирования и выполнения плана», «научного стиля изложения», «качества выполнения», «соответствия требованиям», «необходимого оборудования», «формулировки структурных частей введения, теории и эксперимента», «обсуждения с научным руководителем», «результативности и продуктивности эксперимента», «научной информации», «рождения новых идей в процессе работы».

Категорию «Оценка психического состояния и отношения к научной работе» представляют следующие характеристики: физическое самочувствие («спать», «отдохнуть», «плохое самочувствие»); положительные эмоции («восхищение», «гордость», «любопытство», «казарт», «удовлетворение», «интерес», «воля», «творчество», «успех», «отсутствие угрозы», «возбуждение», «уверенность», «удовольствие»); негативные эмоции («тяжело», «нагрузка», «сложно», «возмущение», «плохо», «разочарование», «нетерпение», «желание все закончить», «напряженное ожидание»,

«нежелание», «боязнь», «неуверенность», «скука», «волнение от возможных неудач», «отсутствие свободы», «тревога», «сомнение»).

В категории «Сомнения и трудности» в качестве трудностей представлены «недостаточная разработанность изучаемой проблемы в науке», «недостаток собственных знаний», «трудности формулировки темы», «непонимание перспектив развития», «непонимание актуальности», «отсутствие новизны», «необходимость выйти за рамки темы для решения проблемы», «трудности изложения собственных мыслей на научном языке», «трудности восприятия научного стиля изложения текстов», «непонимание проблемы», «неопределенность», «трудности, связанные с законодательством и организационно-материальным обеспечением», «отсутствие способности к глубокому анализу», «много пустых дел», «бумажная волокита», «большая отчетность по НИР перед кафедрой», «неудовлетворенность, связанная с тем, что не получается», «не успеваю», «плохая работа», «топчусь на месте», «бессмысленная работа», «однообразная работа», «не у кого спросить совета», «нужны рекомендации и советы», «отсутствие понимания при научном сотрудничестве». Среди характеристик сомнения выделяются следующие: «сомнения в имеющихся возрастных интеллектуальных возможностях», «сомнения в правильности собственных размышлений», «сомнения в возможности написать достойную качественную работу», «сомнение в социальной востребованности и актуальности разработки данной темы», «сомнение в оригинальности исследования», «сомнение в верности выбора научной специальности», «сомнение в наличии достаточных знаний для защиты диссертации», «сомнение в верности результатов», «сомнение в правильности выполнения исследования».

Категория «Время» выражена в таких лексических единицах, как «успеть», «свободное время отнимается», «мало времени для сбора информации», «много времени на работу», «нехватка времени», «наличие времени», «взять время». Выделена категория «Личный смысл», которая указывает, что у респондентов возникает вопрос о личном смысле научной работы. Отмечается как отсутствие, невидение и непонимание личного смысла у одних, так и наличие личного смысла у других, который видится ими как «жизненная необходимость», «перспектива», «поможет в жизни», «шанс поработать над собой», «уникальный опыт», «благо для личного будущего». Выделена смысловая категория «Социальные аспекты», которая указывает на необходимость советов, критики и оценки со стороны, переживание социального давления и фрустрации. Категория «Социальный смысл» указывает, что перед респондентами стоит вопрос о социальном смысле. Социальный смысл, по мнению некоторых респондентов, заключается в том, что их научно-исследовательская деятельность «поможет людям», «принесет практическую пользу», «имеет значение для науки», «социально значима». Переживание отсутствия социального смысла их научной работы проявляется в том, что их НИР «никому не нужна», «тема никому не интересна». Категория «Финансы» свидетельствует о потребностях в финансовых возможностях для оплаты аспирантуры, необходимости

в реактивах для экспериментов, реализации исследовательских проектов и личной финансовой поддержки.

Обсуждение результатов

У большинства молодых ученых данной группы респондентов отмечается умеренная выраженность ситуативной тревожности. Согласно литературным данным (Ч.Д. Спилбергер) наличие некоторого уровня тревожности является необходимым для оптимального приспособления человека к действительности. Низкий уровень тревожности при выполнении научно-исследовательской работы у небольшого количества аспирантов может указывать на некоторую пассивность, снижение мотивации к научной деятельности. В то же время достаточно большой процент (37%) респондентов имеет высокий уровень тревожности, что может свидетельствовать о возникновении психологических барьеров, связанных с опасениями по поводу неопределенности и неоднозначности возможных последствий их научной деятельности. Более тревожными оказались девушки. Девушки с высоким уровнем ситуативной тревожности (выше 50 баллов) чаще чувствуют неуверенность в своих интеллектуальных способностях («Я недостаточно много знаю»), страх вовремя не защититься испытывают беспокойство по поводу нехватки времени («Я топчусь на одном месте, пока другие работают», «Я откладываю работу на потом», «У меня не хватает времени»), напряжение по поводу значимости темы исследования и ее дальнейшего применения («Будет ли тема НИР востребована», «Кому это надо», «Достойна ли моя работа»). Однако есть и положительная сторона высокого уровня тревожности, когда это состояние активизирует научный потенциал и личностную активность в исследовательской деятельности («Я стремлюсь к завершению», «Я приняла решение довести дело до конца», «Я хочу как можно скорее защитить диссертацию»). В случае с выраженной ситуативной тревогой важно учитывать конструктивный и деструктивный варианты развития ситуации. Так, при конструктивном варианте совладания с тревогой «начинающий исследователь» более серьезно и ответственно подходит к решению возникающих проблем. При деструктивном варианте возможно появление напряжения, озабоченности, нервозности, чувства страха перед грозящей неудачей, принятием решения. В связи с этим возникает необходимость выявления особенностей стратегий совладания и ресурсов совладания с целью прогноза возможных вариантов преодоления психологических барьеров и определения задач и методов педагогической и психологической помощи.

Наиболее часто встречаемыми эмоциями оказались в данной группе респондентов те, которые относятся к группе «эмоции ожидания и прогноза». Это, прежде всего, тревога, волнение и отчаяние. Е.П. Ильин отмечает, что «волнение в таком недифференцированном по знаку переживаний виде понимается как повышенный уровень эмоционального возбуждения» [11. С. 140]. Эмоциональное возбуждение в данном случае может быть

связано с настроением начинающего исследователя на предстоящее значимое событие (например, приближающийся срок сдачи отчета об очередном этапе научной работы; экзамены; защита диссертации), с теми видами научно-исследовательской работы, которые были представлены в категории «Деятельность», отражающей наиболее часто встречающиеся мысли начинающих ученых. При этом молодые ученые могут переживать эмоциональный дискомфорт, связанный с ожиданием неблагоприятного исхода, с предчувствием грядущей неудачи, сомневаться в актуальности своей научной проблемы, в полученных результатах, могут чувствовать себя нерешительно, неуверенно, что отражено в категории «Фрустрационные эмоции». Такие переживания могут быть связаны с ценностно-информационными барьерами, которые актуализируются на ориентировочной фазе деятельности [10]. Большинство респондентов обучаются на первом курсе аспирантуры, именно на этом этапе происходит ориентация начинающего исследователя в большом потоке информации, определение методологии научной работы, поиск адекватных методов исследования, формулировка темы исследования, анализ трудностей и оценка вероятности успеха в их преодолении, целеобразование и решение о продолжении деятельности, возникают первые трудности и сомнения, которые могут перерасти в психологические барьеры. Не случайно в доминирующих мыслях респондентов выделяются категории, связанные с переживанием трудностей и сомнений, организацией собственного времени. Анализ их содержания позволяет получить важную информацию для определения характера психолого-педагогических условий для сопровождения становления научно-исследовательской деятельности начинающих ученых.

Как отмечает Р.Х. Шакуров, на ориентировочной фазе деятельности «человек соотносит внешние барьеры со своими возможностями (в том числе с ситуацией) и оценивает вероятность успеха» [10. С. 11]. На этой фазе для некоторых начинающих ученых актуализируется потребность в понимании смысла научно-исследовательской работы. Одни отмечают его отсутствие как для себя, так и для общества, другие видят в научно-исследовательской работе возможность удовлетворить свои личные жизненные потребности, связанные с «личным благом», «перспективой», «саморазвитием», «помощью в жизни». Также есть отдельные респонденты, которые придают своей работе социальный смысл – ради пользы людям, развития науки. Непонимание смысла научно-исследовательской работы может приводить к разочарованию, связанному с несбывшимися ожиданиями, проявляющемуся в неудовлетворенности и неудовольствии.

Значимость психических состояний для качества научно-исследовательской деятельности у молодых ученых подтверждается тем, что данная категория занимает второе место по частоте встречаемости лексических единиц, отражающих психические (физические, эмоциональные) состояния. В качестве мотивирующих факторов и ресурсов на ориентировочной фазе научной деятельности могут выступать эмоции «удовлетворение» и «радость», которые являются преобладающими среди всех выяв-

ленных эмоциональных переживаний. Переживание определенной важности научной работы, ее практической значимости, удовлетворение от самореализации, гордость от осознания своей востребованности, принадлежности к научному сообществу, переживание восторга от новых идей – все это дает молодым ученым ресурсы для преодоления барьеров на пути к достижению научно-практических целей. Оценка вероятности успеха – кардинальный момент в движении деятельности. Только «надежда на успех трансформирует устремление в мотив, побуждающий субъекта к постановке и решению ориентировочной задачи» [10. С. 11]. В рамках психологической теории преодоления Р.Х. Шакуровым отмечено [15], что эмоции группы «радость» играют главную роль в смыслообразовании и отражают процесс успешного преодоления ценностных и операционных барьеров. В то же время негативные физические состояния и отрицательные эмоции при невозможности их конструктивной регуляции и трансформации могут выступать, с одной стороны, как психологические барьеры, с другой – быть сигналами, свидетельствующими о трудностях совладания с психологическими барьерами. Положительным ресурсом для совладания с ценностно-информационными барьерами на ориентировочной фазе у начинающих ученых, аспирантов первого курса и магистров, вовлеченных в научно-исследовательскую работу, может являться интерес, который доминирует среди эмоций, относимых к категории «интеллектуальные эмоции», занимающей третье место по частоте встречаемости. Именно интерес в процессе деятельности выполняет мотивирующую функцию, поддерживает соответствующий уровень внутренней мотивации к научно-исследовательской деятельности. «Долговременный интерес – это интеллектуальное чувство, положительная эмоциональная установка на познание какого-то объекта» [11. С. 195]. Менее значимыми в научно-исследовательской деятельности для начинающих ученых оказались коммуникативные и нравственные эмоции.

Выводы

1. Для каждого второго из данной выборки молодых ученых характерна умеренная выраженность тревожности, которая может свидетельствовать, с одной стороны, о некоторой напряженности, связанной с выполнением тех задач, которые предполагает научно-исследовательская деятельность, с другой – с возможностью совладать с возникающими трудностями, сохраняя свое эмоциональное здоровье. При этом достаточно большое (37%) количество начинающих ученых испытывают субъективный дискомфорт, чрезмерную напряженность, беспокойство, сопровождающие процесс научно-исследовательской работы, которая оценивается ими как сложная и значимая деятельность. Значимо выше возникает тревожность в научно-исследовательской работе у девушек.

2. Выявлены четыре основные смысловые категории наиболее часто переживаемых эмоций у начинающих ученых: «Эмоции ожидания и прогноза», «Эмоции удовлетворения», «Интеллектуальные эмоции», «Фрустрацион-

ные эмоции». Среди эмоций ожидания и прогноза чаще встречаются тревога и волнение; среди эмоций удовлетворения – удовлетворение, радость; среди интеллектуальных эмоций – интерес, сосредоточенность; среди фрустрационных эмоций – разочарование, печаль, гнев. Коммуникативные и нравственные эмоции в меньшей мере являются актуальными в процессе научно-исследовательской деятельности у начинающих ученых. В качестве мотивирующих факторов, показателей и ресурсов преодоления психологических барьеров на ориентировочной фазе научной деятельности могут выступать удовлетворение, радость и интерес, которые являются преобладающими среди всех выявленных эмоциональных переживаний.

3. Определены смысловые категории значимых мыслей, связанных с психическими состояниями начинающих ученых. Наиболее часто они связаны с выполнением научно-исследовательской деятельности, оценкой своего психического состояния и отношения к научной работе, сомнениями и трудностями, проблемой организации времени, пониманием смысла научно-исследовательской работы.

4. В качестве психологических барьеров могут выступать отсутствие и неадекватность понимания смысла научно-исследовательской работы, фиксация фрустрационных эмоций и в целом негативных психических состояний, связанных с трудностями и сомнениями.

Литература

1. Филиппова Н.К. Проблемы профессионального становления молодых ученых (на примере аспирантуры ИРГТУ) // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14. С. 177–180.
2. Лопаткин В.М., Калачев Г.А., Бокова О.А., Куликова Л.Г. Инновационный потенциал научно-исследовательской деятельности студентов и аспирантов // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3 (22). С. 200–202.
3. Серга М.Ю. Подготовка научных кадров в России: объективные и субъективные проблемы аспирантов // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 559–562.
4. Циринг Д.А., Яковлева Ю.В., Крылова М.О. Влияние самостоятельности на успешность научно-педагогической деятельности (субъектно-деятельностный подход) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7032> (дата обращения: 01.03.2016).
5. Огородова Т.В., Медведева Ю.С. Мотивационные структуры субъектов научной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 26 (317). С. 77–80.
6. Бохан Н.А. Аддитивные проблемы студенческой молодежи в условиях экономического кризиса // Российский психиатрический журнал. 2010. № 5(1). С. 5–10.
7. Бохан Н.А., Воеводин И.В., Асланбекова Н.В. Динамика аддитивных расстройств у студентов и возможности ее отражения в программах по психопрофилактике // Журнал неврологии и психиатрии. 2014. № 5, т. 114, вып. 2. С. 29–33.
8. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности: практико-ориентированная монография / под ред. Э.Ф. Зеера. М. : Московский психолого-социальный институт, 2005. 252 с.
9. Сыманюк Э.Э., Девятовская И.В. Непрерывное образование как ресурс преодоления психологических барьеров в процессе профессионального развития личности // Образование и наука. 2015. № 1 (120). С. 80–92.

10. Шакуров Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 3–18.
11. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб., 2001. 752 с.
12. Кабрин В.И. Коммуникативный стресс и личностный рост // Психологический университет образования человека ноэтического. Томск, 1995. С. 71–74.
13. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
14. Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости : дис. ... д-ра психол. наук. Томск : Томский государственный университет, 2008. 50 с.
15. Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 18–33.
16. Практикум по психологии состояний : учеб. пособие / под ред. О.А. Прохорова. СПб. : Речь, 2004. 480 с.

Поступила в редакцию 24.03.2016 г.; принята 25.04.2016 г.

Сведения об авторах:

БОХАН Татьяна Геннадьевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: btg960@sibmail.com

ШАБАЛОВСКАЯ Марина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и дифференциальной психологии ГБОУ ВПО «Сибирский государственный медицинский университет» Минздрава России (Томск, Россия), доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: m_sha79@mail.ru

МАЛКОВА Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, и.о. декана факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: malkovoi@yandex.ua

ДАНИЧКИНА Валерия Евгеньевна, студентка факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: danichkina.lera@mail.ru

MENTAL STATES ACCOMPANYING FORMATION OF RESEARCH ACTIVITY OF YOUNG SCIENTISTS

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 93–107. DOI: 10.17223/17267080/60/7

Bokhan Tatyana G. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: btg960@sibmail.com

Shabalovskaya Marina V. Siberian State Medical University (Tomsk, Russia), National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m_sha79@mail.ru

Malkova Irina Y. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malkovoi@yandex.ua

Danichkina Valeria E. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: danichkina.lera@mail.ru

Keywords: emotional experiences; dominant thoughts; research activity; young scientists.

The research objective was to study emotional and cognitive components of dominant experiences reflecting the psychological barriers accompanying research activity of young scientists. 129 postgraduate students and masters of higher education institutions of Tomsk, aged from 21 to 35 years, 53 male, 76 female persons participated in the study. Research methods were the following: the State-Trait Anxiety Inventory by C.D. Spielberger (adjusted by Yu.L. Khanin); the method of semantic differential adjusted to research problems; among

processing methods were content analysis and mathematical statistics. As a result moderate severity of state anxiety in the process of research activity was found among the half of respondents. However, 37% of the young scientists estimate the process of research work as a difficult and significant activity which causes subjective discomfort, excessive intensity and anxiety. A significantly higher level of anxiety in the process of research work is shown in female sample. The main semantic categories of the most frequently experienced emotions of the young scientists were identified. These are "Emotions of expectation and prognosis" (anxiety, agitation, despair), "Emotions of satisfaction" (satisfaction, pleasure), "Intellectual emotions" (interest, concentration), "Emotions of frustration" (disappointment, sadness). Semantic categories of significant thoughts are most frequently associated with performance of research activity, estimation of their own mental state and the attitude toward scientific work, doubts and difficulties, problem of time management, understanding the sense of research work. Absence and inadequacy of understanding the sense of research work among young scientists, fixing the emotions of frustration and, in general, negative mental states associated with difficulties and doubts can act as psychological barriers. Satisfaction, pleasure and interest which are predominant among all revealed emotional experiences can act as motivating factors and resources of overcoming the psychological barriers at the orientation stage of research activity.

References

1. Filippova, N.K. (2009) Problemy professional'nogo stanovleniya molodykh uchenykh (na primere aspirantury IRGTU) [Problems of professional development of young scientists (a case study of IrSTU post-graduates)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 177-180.
2. Lopatkin, V.M., Kalachev, G.A., Bokova, O.A. & Kulikova, L.G. (2010) Innovatsionnyy potencial nauchno-issledovatel'skoy deyatelnosti studentov i aspirantov [The innovative potential of the research work of students and post-graduates]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3(22). pp. 200-202.
3. Serga, M.Yu. (2011) Podgotovka nauchnykh kadrov v Rossii: ob'ektivnye i sub'ektivnye problemy aspirantov [Training researchers in Russia: The objective and subjective problems of post-graduates]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 8. pp. 559-562.
4. Tsiring, D.A., Yakovleva, Yu.V. & Krylova, M.O. (2012) Influence of self-sufficiency on success of scientific and teaching activity (subject-activity approach). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7032>. (Accessed: 1st March 2016). (In Russian).
5. Ogorodova, T.V. & Medvedeva, Yu.S. (2013) Motivatsionnye struktury sub'ektivnykh nauchnoy deyatelnosti [Motivational structures of subjects of scientific research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 26(317). pp. 77-80.
6. Bokhan, N.A. (2010) Addiktivnye problemy studencheskoy molodezhi v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa [Addictive problems of students under economical crisis]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal – Russian Journal of Psychiatry*. 5(1). pp. 5-10.
7. Bokhan, N.A., Voevodin, I.V. & Aslanbekova, N.V. (2014) The dynamics of addictions in students and possibilities of reflecting it in psychorehabilitative programs. *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii – The Korsakov's Journal of Neurology and Psychiatry*. 5(114/2). pp. 29-33. (In Russian).
8. Symanyuk, E.E. (2005) *Psikhologicheskie bar'ery professional'nogo razvitiya lichnosti: praktiko-orientirovannaya monografiya* [Psychological barriers in professional development of the individual: a practice-oriented monograph]. Moscow: Moscow Psycho-Social Institute.
9. Symanyuk, E.E. & Devyatovskaya, I.V. (2015) Life-long education as a resource to overcome the psychological barriers in the process of professional development of the indi-

- vidual. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 1(120). pp. 80-92. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.17853/1994-5639-2015-1-80-92>
10. Shakurov, R.Kh. (2001) Bar'er kak kategoriya i ego rol' v deyatel'nosti [The barrier as a category and its role in the activities]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 3-18.
 11. Ilin, E.P. (2001) *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. St. Petersburg: Piter.
 12. Kabrin, V.I. (1995) Kommunikativnyy stress i lichnostnyy rost [Communicative stress and personal growth]. In: Kabrin, V.I. (ed.) *Psikhologicheskiy universum obrazovaniya cheloveka noeticheskogo* [The psychological universum of education of the noetic person]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 71-74.
 13. Bodrov, V.A. (2006) *Psikhologicheskiy stress: razvitie i preodolenie* [Psychological stress: development and overcoming]. Moscow: PER SE.
 14. Bokhan, T.G. (2008) *Kul'turno-istoricheskiy podkhod k stressu i stressoustoychivosti* [The cultural-historical approach to stress and stress resistance]. Psychology Doc. Diss. Tomsk: Tomsk State University.
 15. Shakurov, R.Kh. (2003) *Psikhologiya smyslov: teoriya preodoleniya* [Psychology of senses: The theory of overcoming]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 18-33.
 16. Prokhorov, O.A. (2004) *Praktikum po psikhologii sostoyaniy* [Workshop on the psychology of states]. St. Petersburg: Rech'.

Received 24.03.2016;

Accepted 25.04.2016

Г.Г. Буторин¹, Л.А. Бенько²

¹Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск, Россия)

²Южно-Уральский государственный медицинский университет (Челябинск, Россия)

Синдромы невротии и психического инфантилизма в структуре психических расстройств детского возраста

Представлен анализ результатов клиничко-динамических и катанестических исследований с использованием эволюционно-онтогенетического подхода. Отмечается, что концепция негативных и позитивных расстройств способна по-новому раскрыть понимание синдромов, преимущественных для детского и подросткового возраста, по отношению к распространённому пониманию невротии и психического инфантилизма. В процессе онтогенеза симптомы невротии могут замещаться другими психопатологическими проявлениями в зависимости от уровня нервно-психического реагирования. Полученные данные о нестандартности и сложности психопатологической симптоматики ставят вопрос о необходимости пересмотра клинической оценки всей структуры невротического симптомокомплекса.

Ключевые слова: невротия; психический инфантилизм; дизонтогенез; синдромы, преимущественные для детского возраста.

Введение. Детство – термин, обозначающий начальные периоды онтогенеза. Согласно общепринятой периодизации само детство включает возрастные этапы: период младенчества от 0 до 12–14 мес, раннего возраста от 1 года до 3 лет, дошкольного возраста от 3 до 6–7 лет, младшего школьного возраста от 6–7 до 11–12 лет. В этом контексте к детству в индивидуальном развитии ребёнка практически относится период от рождения до предподросткового, или раннего подросткового, возраста. Детство – понятие очень сложное и может иметь не только философское или методологическое звучание, но и конкретный смысл, вкладываемый в демографическую статистику и даже законы. Педиатры широко используют в своей деятельности понятие о хронологическом возрасте, сформировав определённый условный «стандарт», который является элементом профилактического наблюдения, или «диспансеризации» [1].

Анализ литературы показывает, что учение о психических болезнях детского и подросткового возраста начало развиваться лишь в 30-х гг. XX в. с описания развёрнутых психических заболеваний – психозов [2] и на протяжении многих десятилетий ограничивалось главным образом детской шизофренией. Позднее детская психиатрия и клиническая психология стали пополняться сведениями о непсихотических формах психических расстройств – клинике так называемых пограничных состояний.

Проблема психического инфантилизма стала привлекать к себе внимание специалистов лишь во второй половине XIX в. Как это часто бывало в истории психологии, первыми на эту проблему обратили внимание психиатры. Термин «инфантилизм» предложил французский учёный Е.Ш. Ласег в 1864 г. для определения задержки развития ребёнка на более ранней ступени вследствие интоксикации и инфекции. Он назвал их «остающимися детьми на всю жизнь». Позднее П. Лорен выделил три признака этого расстройства: тщедушность, грацильность и миниатюрность тела с чертами детской наивности и беспомощности [3].

Обсуждение актуального состояния проблемы. Невропатия и психический инфантилизм в современной детской психиатрии и клинической психологии рассматриваются как преимущественные синдромы нервно-психических расстройств, встречающиеся в детском возрасте в относительно самостоятельном виде.

В отечественной детской психиатрии самые ранние классические работы, посвященные изучению инфантилизма, принадлежат Г.Е. Сухаревой [4]. Она впервые дала описание клинических вариантов психического инфантилизма, выделив органический, дисгармонический и гармонический варианты, проследила динамику черт психического инфантилизма до окончания пубертатного периода и дала практические рекомендации по медико-педагогической коррекции этих детей и подростков. Предложенная ею классификация впервые представила стройную систему, в которой отражены все основные проявления психического инфантилизма.

В справочном пособии «Клиническая психиатрия» Н.Е. Бачериков с соавт. [5] «психический инфантилизм» относят к нарушению интеллекта, при котором не наблюдается грубых мнестических расстройств, но суждения, умозаключения и всё поведение в целом незрелы. В то же время как клинические формы нарушений интеллекта авторы рассматривают две формы патологических состояний – олигофрению и деменцию. При этом считается, что понятие «интеллект» не имеет однозначного определения. В учебной литературе интеллект трактуется как уровень умственного развития, уровень мыслительных операций в совокупности с мотивационной и эмоциональной сферами, как способность осознанного и целенаправленного усвоения и творческого использования опыта в новых условиях.

В современной детской психиатрии и клинической психологии психический инфантилизм рассматривается в сборной группе аномалий развития нервной системы (психического дизонтогенеза), начинающихся в раннем детском возрасте.

В настоящее время термином «психический инфантилизм» обозначается психическая незрелость личности с преимущественным отставанием в развитии эмоционально-волевой сферы и с сохранением детских качеств личности. Но в раннем возрасте признаки эмоционально-волевой незрелости и снижения уровня поведенческих мотиваций выявляются с трудом, поэтому о психическом инфантилизме, по существу, можно судить начиная лишь со школьного возраста [6]. Наиболее существенными при-

знаками психического инфантилизма являются эмоционально-волевая незрелость, несамостоятельность, повышенная внушаемость. В качестве предпосылок психического инфантилизма в первые годы жизни рассматриваются слабый уровень мотиваций, симбиотическая привязанность к матери, низкий исследовательский интерес. О снижении темпа созревания эмоциогенных структур мозга свидетельствуют длительная склонность к генерализации, общая двигательная мимическая и вокальная реакция на раздражители и т.д.

Психический инфантилизм, как считает В.Я. Гиндикин [7], заключается в психической незрелости конституционального, органического, эндокринного, социокультурального или процессуального генеза. В личностных особенностях при достаточно развитом интеллекте присутствуют черты эмоциональной лабильности, обидчивости, неустойчивости внимания при сниженных способностях к адаптации. В поведении при психическом инфантилизме при пубертатном кризе могут наблюдаться психопатоподобные формы. Психический инфантилизм проявляется в двух вариантах: в одном из них он обнаруживается с раннего детства и выступает как этап возрастной динамики с чертами детскости; в другом – выявляется в период пубертата («кризисный вариант»). В этом случае в структуре преобладает выраженное заострение черт «подросткового комплекса» с нарушением поведения и социальной дезадаптацией. Инфантильная личность нередко представляет собой преморбид психосоматических заболеваний.

Согласно Г.В. Скобло [8] термином «инфантилизм» обозначается психическая незрелость различных сфер деятельности ребенка при выраженном преобладании эмоционально-волевой незрелости. По мнению автора, инфантилизм достаточно распространен и в нерезко выраженных формах встречается у 10% детей и подростков.

Широко распространенная в практике специальных и клинических психологов классификация вариантов психического дизонтогенеза В.В. Лебединского [9] включает шесть вариантов, которые дифференцируются исходя из основного качества нарушения развития. В группе нарушений развития, вызванных психической ретардацией, психический инфантилизм отнесен к варианту задержанного развития. При этом В.В. Лебединский замечает, что «речь идет не о стойком и, по существу, необратимом психическом недоразвитии, а о замедлении его темпа, которое чаще обнаруживается при поступлении в школу и выражается в недостаточности общего запаса знаний, ограниченности представлений, незрелости мышления, малой интеллектуальной целенаправленности, преобладании игровых интересов, быстрой пересыщаемости в интеллектуальной деятельности» [9. С. 54].

По мнению автора, в этиологии задержки психического развития играют роль конституциональные факторы, хронические соматические заболевания, длительные неблагоприятные условия воспитания и главным образом органическая недостаточность нервной системы чаще резидуально-го, реже – генетического характера.

Исходя из этологического принципа, К.С. Лебединская [10] различает четыре основных варианта задержки психического развития:

- конституционального происхождения;
- соматогенного происхождения;
- психогенного происхождения;
- церебрально-органического генеза.

Обращает на себя внимание, что классификации различных вариантов и психического инфантилизма, и невропатии строятся в основном по клинко-этиопатогенетическому принципу. Прежде всего, выделяются следующие ведущие клинические синдромы.

Простой неосложнённый инфантилизм [11] – без дополнительных осложняющих психопатологических синдромов (гармонический инфантилизм по Г.Е. Сухаревой [4], синдром психофизического инфантилизма по Г.К. Ушакову [2, 6, 8]).

Синдромы осложненного психофизического инфантилизма – сочетание психического инфантилизма с другими психопатологическими симптомами и синдромами:

- дисгармонический инфантилизм [2, 6, 8, 11, 12];
- органический инфантилизм [4, 6, 11];
- соматогенный (диспропорциональный, по В.В. Ковалёву) инфантилизм [8–10];
- невропатический инфантилизм [10, 11, 13];
- эндокринный инфантилизм [4, 8, 11];
- психогенный инфантилизм [4, 11, 14].

Если говорить о возможности сочетания невропатии и психического инфантилизма, то приходится констатировать, что этот вопрос и в детской психиатрии, и в клинической психологии изучен мало. При всем обилии материала предметно можно сослаться лишь на единичные публикации [6, 8, 10, 11, 13]. Однако в описаниях признаков невропатии, а содержательная сторона этого синдрома проанализирована несравнимо более полно, можно отметить характерные черты инфантильности: грацильность, миниатюрность тела, черты детской наивности, эмоциональную неустойчивость, легкую ранимость, впечатлительность, склонность к истерическим реакциям [4, 15, 16, 17]. Это наводит на мысль о существовании таких форм невропатии, в которых признаки психического инфантилизма играют несомненную, если не определяющую роль.

В отечественной психопатологии детского возраста первое четкое клиническое описание психического инфантилизма и его вариантов дала Г.Е. Сухарева [4] в рамках психопатий.

Другой известный детский психиатр, Г.К. Ушаков [2], синдром психического инфантилизма относил к группе основных синдромов невротических расстройств. Он дал ему следующую характеристику: детскость, ограниченность, узость интересов, недостаточная самостоятельность в действиях и поступках. Кроме этого, наблюдается неуклюжесть, медли-

тельность, быстрая утомляемость при целенаправленной деятельности. Среди личностных особенностей часто отмечаются черты незрелости, робости, нерешительности и тревожности.

В.В. Ковалёв, Е.И. Кириченко рассматривали его в дизонтогенетических формах пограничной интеллектуальной недостаточности. Так, В.В. Ковалёв, относя синдром невропатии и психического инфантилизма к «преимущественным» синдромам детского возраста, рассматривает их как важнейший механизм *раннего дизонтогенеза*. В то же время одним из компонентов постнатального дизонтогенеза он считает психический дизонтогенез, т.е. нарушение психического развития в детском и подростковом возрасте в результате расстройства созревания структур и функций головного мозга.

Клинические проявления парциальной ретардации, возникшие в постнатальном онтогенезе, отличаются многообразием. К ним относятся психофизический и психический инфантилизм: органический, церебральный, невропатический, диспропорциональный, а также задержки развития отдельных нервно-психических функций (речи, психомоторики, школьных навыков и др.).

Представленная типология психического дизонтогенеза свидетельствует о том, что В.В. Ковалёв к общим механизмам парциальной ретардации относит не только синдромы невропатии, но и другую психопатологическую симптоматику, определяющую нарушения психического развития, в том числе и психический инфантилизм. Вместе с тем, рассматривая роль соотношения негативных и позитивных синдромов в распознавании психической болезни, автор замечает, что с позиций онтогенеза в период незавершенного психического развития и становления личности в детском возрасте наряду с негативными и позитивными расстройствами следует выделять негативно-дизонтогенетические и продуктивно-дизонтогенетические симптомы и синдромы, имеющие особое значение для психопатологии детского и подросткового возраста. Кроме того, к негативно-дизонтогенетическим синдромам он также причисляет два синдрома парциальной ретардации – *невропатию* и *психический инфантилизм*.

В этом контексте заслуживает внимания изучение катамнеза детей с проявлениями астено-гипостенического характера невротического симптомокомплекса, которое показывает, что в неблагоприятных условиях воспитания и обучения при невропатическом инфантилизме обнаруживается выраженная тенденция к закреплению астенических черт либо в рамках тормозимого варианта патохарактерологического формирования личности, либо в плане становления астенической психопатии.

Говоря о синдроме невропатии, можно полагать, что в её происхождении существенную роль играет комплекс факторов, взаимодействие которых носит сложный и многосторонний характер.

Клинический опыт многих исследований подтвердил существующее мнение о том, что общей закономерностью динамики невропатии является этапность, во многом совпадающая с возрастными периодами. Динамика

невропатической симптоматики имеет в прогнозе как благоприятное течение (с редуцированием невропатических расстройств), так и неблагоприятное (с переходом в другие возрастные нарушения с тенденцией к постепенному усложнению симптоматики).

Считается, что невропатия характерна только для младенческого и раннего детского возраста (до трех лет), и её прогноз достаточно благоприятен. В большинстве случаев по мере развития ребенка её признаки постепенно сглаживаются и/или полностью исчезают. Однако конкретные данные о возрастных сроках такой динамики отсутствуют. Ряд авторов указывает на то, что невропатическая симптоматика может наблюдаться вплоть до пубертатного возраста. В то же время высказывается мнение, что *в процессе онтогенетического совершенствования психических функций симптомы невропатии замещаются другими психопатологическими проявлениями в зависимости от уровня нервно-психического реагирования.*

Полученные данные о нестандартности и сложности психопатологической симптоматики ставят вопрос о необходимости пересмотра клинической оценки всей структуры этого своеобразного невропатического симптомокомплекса. При этом необходимо принять во внимание положение о том, что понятия негативных и позитивных психопатологических расстройств, сформулированные на основе изучения процессуальных психических заболеваний, могут быть применимы и к непроцессуальным.

Проведенные в этом направлении клинико-динамические и катанестические исследования с использованием эволюционно-онтогенетического подхода показали, что концепция негативных и позитивных расстройств способна по-новому раскрыть понимание синдромов, *преимущественных для детского и подросткового возраста.*

Преимущественными для детей и подростков синдромами психических заболеваний, согласно Г.Е. Сухаревой [4] и В.В. Ковалёву [11], являются те, которые отражают не столько нозологическую природу заболеваний, сколько тип нервно-психического реагирования, характерного для данного возраста.

Согласно теории В.В. Ковалёва основу преимущественных психопатологических синдромов детского и подросткового возраста составляют негативные и продуктивные дизонтогенетические симптомы и их комбинации. К числу таких преимущественных психопатологических симптомов относят синдромы умственной отсталости, психического инфантилизма и некоторые другие психопатологические синдромы. При этом Н.Е. Бачериков указывает, что в современной психиатрии психопатологические синдромы – это клиническое выражение различных видов психической патологии, которая включает психические заболевания психотического и непсихотического уровня (пограничные состояния), кратковременные психопатологические реакции и стойкие психопатологические состояния [5].

С его точки зрения, негативно-дизонтогенетические симптомы у детей малоспецифичны и могут быть стойкими и временными, преходящими. Возможность обратимости нервно-психических расстройств в детском,

подростковом возрасте подчёркивает и Г.Е. Сухарева [4]. В основе негативно-дизонтогенетических симптомов лежат задержка или искажение развития нервно-психических функций, они включают различные проявления диспропорционального развития темперамента, влечений, инстинктивных потребностей и эмоционально-волевых свойств формирующейся личности ребёнка и подростка. К ним относят симптомы, входящие в структуру невропатических состояний, проявления дизонтогенеза психики, предшествующего части случаев шизофрении детского возраста, а также нарушения темперамента и характера при психопатиях. Продуктивные дизонтогенетические симптомы имеют в своей основе «дисфункции созревания» или «относительной возрастной незрелости» физиологической системы. У детей младшего возраста продуктивно-дизонтогенетические симптомы занимают большее место в клинической картине психических заболеваний по сравнению с продуктивными симптомами обычного типа, которые, как правило, имеют рудиментарный, стёртый и эпизодический характер.

Учитывая это положение, можно предполагать наличие определённой возрастной последовательности возникновения таких синдромов при психических заболеваниях в детском и подростковом возрасте. Эта последовательность является клиническим выражением периодизации возрастного развития, сопряжённого с уровнями патологического реагирования. Наиболее рано возникающими преимущественными синдромами психической патологии детского возраста является *синдром невропатии*, который соответствует соматовегетативному уровню реагирования. Ближе к нему по времени формирования располагается и *синдром психического инфантилизма* [2, 11].

Общеизвестно, что распознавание психической болезни, установление её этиопатогенетических механизмов опирается на единство и взаимосвязь негативных и позитивных синдромов. При этом если позитивные синдромы, связанные с добавочными патопластическими факторами и отражающие результат деятельности неповрежденных слоев нервной системы, свидетельствуют о глубине и генерализации психических расстройств, то негативные обусловлены этиопатогенетическими механизмами заболевания, т.е. вызваны самим патологическим процессом. Для нозологического диагноза они имеют большее значение.

Г.В. Морозов [18] считает, что негативные расстройства описываются и распознаются хуже позитивных. Они учитываются только в самом общем виде, без подробного их анализа, а установление психического заболевания основывается преимущественно на выявлении и оценке продуктивных расстройств.

В то же время согласно А.В. Снежневскому особенность негативных расстройств обуславливает возникновение соответственного круга позитивных симптомов. А по мнению А.С. Тиганова, в последние годы достижения в изучении общей психопатологии показали, что «существовавшее в прошлом четкое разграничение между позитивными и негативными рас-

стройствами сейчас считается относительным и их реципрокность¹ отмечается далеко не всегда» [19].

Особую трудность, по мнению исследователей, представляет выявление и изучение негативных синдромов при психических расстройствах детского возраста, так как это изучение тесно связано с учением о личности.

Нередко негативные синдромы отождествляют с понятием «психический дефект», мотивируя это наличием в структуре синдрома снижения качества процессов памяти, речемыслительной и эмоционально-волевой активности, а также регресса свойств личности. Однако крупные ученые и клиницисты, опираясь на динамический подход при изучении психических заболеваний, пришли к выводу о возможности полной или частичной обратимости негативных синдромов. Такая возможность особенно присуща детскому возрасту с его высокой пластичностью нервной системы и компенсаторным потенциалом. Более того, незавершенность и рудиментарность психопатологических синдромов и функциональная незрелость нервной системы в детстве делают само понятие «синдром» условным, отражающим определенное сочетание психических нарушений, преимущественных для каждого онтогенетического периода.

С точки зрения многих клиницистов, изучение психических заболеваний с позиций онтогенеза–дизонтогенеза в период незавершенного психического развития и становления личности позволяет наряду с негативными и позитивными расстройствами выделить негативно-дизонтогенетические и продуктивно-дизонтогенетические симптомы и синдромы, имеющие особое значение для психопатологических проявлений детского и подросткового возраста, нередко сохраняющиеся у больных и в зрелом возрасте. Более того, в современной клинической психологии магистральной точкой зрения является понимание того, что онтогенез не заканчивается на этапе биологического созревания, а продолжается всю жизнь. В связи с этим все большее распространение получает понятие «позднего онтогенеза». Указанные синдромы в связи с выраженным возрастным изоморфизмом менее специфичны в нозологическом плане, однако они указывают на онтогенетический период действия патогенного фактора. При негативно-дизонтогенетических симптомах и синдромах эти факторы носят преимущественно внутриутробный, перинатальный и ранний постнатальный характер, что более типично для непроецессуальных психических заболеваний конституционального и органического генеза.

Существует мнение, что определить нозологически патогномичные негативные симптомы в классическом их понимании практически невозможно. При диагностике в детской клинике большое значение имеет установление определенного сочетания негативных и продуктивных симптомов с негативно- и продуктивно-дизонтогенетическими. С этой точки

¹ Реципрокность (лат. *reciprocus* – возвращающийся, взаимный) в теории Ж. Пиаже – взаимность мысли, умение ребенка соотносить свою точку зрения с точкой зрения другого.

зрения систематизация выявленных психопатологических признаков при диагностике общеневротических психических расстройств и их идентификация с негативными или продуктивными симптомами может помочь не только в решении диагностической задачи, но и определить более успешную терапевтическую и реабилитационную тактику.

Заключение. Таким образом, современное представление о происхождении ведущих синдромов нервно-психических расстройств в детском возрасте – невропатии и психического инфантилизма – сводится к учету эндогенных, экзогенно-органических и психосоциальных факторов. Другими словами, к тому, что в настоящее время называется биопсихосоциальной парадигмой происхождения психических и поведенческих расстройств как основы полидисциплинарного подхода к оказанию помощи больным.

Сравнительный анализ этиопатогенетических и клинико-эволютивных особенностей этих двух разновидностей аномалий развития нервной системы свидетельствует о близости их основных специфических признаков, к которым относятся единство этиологических факторов, сходство механизмов развития, идентичность некоторых структурных клинических характеристик, определенные тождества синдромологической систематизации. Однако несмотря на свойственную им общность клинико-психопатологической и клинико-динамической основы, синдромы невропатии и психофизического инфантилизма – две разные формы, каждая из которых по-своему определяет специфику психического дизонтогенеза. Эти два понятия, две формы аномального развития нервной системы не подменяют друг друга, они сопутствуют друг другу, образуя так называемые «смешанные формы» [20] психических расстройств в детском и подростковом возрасте. С этой точки зрения создается целесообразность отнесения невропатии и психического инфантилизма в раздел F8 «Нарушения психологического развития» МКБ-10 в качестве самостоятельных рубрик с их соответствующими диагностическими указаниями. Однако в настоящей версии Международной классификации болезней (10-й пересмотр) эти болезненные формы могут рассматриваться лишь как «Другие общие расстройства развития» (F84.8).

Исходя из вышесказанного, следует признать, что проблема невропатии и психического инфантилизма продолжает оставаться для детской психиатрии и клинической психологии достаточно актуальной. А значит, любое исследование в этой области имеет не только теоретическое, но и практическое значение прежде всего потому, что правильное распознавание и своевременное лечение нарушений психологического развития в детстве – это необходимое условие профилактики психических расстройств в дальнейшем онтогенетическом развитии.

Литература

1. Мазурин А.В., Воронцов И.М. Пропедевтика детских болезней. 2-е изд., доп., расшир. и перераб. СПб. : Фолиант, 2000. 928 с.

2. Ушаков Г.К. Детская психиатрия. М. : Медицина, 1973. 392 с.
3. Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия : учебник. М. : Медицина, 1995. 608 с.
4. Сухарева Г.Е. Лекции по психиатрии детского возраста. М. : Медицина, 1974. 320 с.
5. Бачериков Н.Е. и др. Клиническая психиатрия. Киев : Здоров'я, 1989. 512 с.
6. Козловская Г.В., Горюнова А.В. Особые формы дизонтогенеза в группах высокого риска по психической патологии // Руководство по психиатрии : в 2 т. Т. 2 / А.С. Тиганов, А.В. Снежневский, Д.Д. Орловская и др. ; под ред. А.С. Тиганова. М. : Медицина, 1999. С. 715–721.
7. Гиндикин В.Я. Лексикон малой психиатрии. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 576 с.
8. Скобло Г.В. Инфантилизм // Справочник по психологии и психиатрии детского возраста / под ред. С.Ю. Циркина. СПб. : Питер, 1999. С. 301–302.
9. Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 168 с.
10. Лебединская К.С. Основные вопросы клиники и систематики задержки психического развития // Актуальные проблемы задержки психического развития детей / под ред. К.С. Лебединской. М. : Педагогика, 1982. С. 5–21.
11. Ковалев В.В. Семиотика и диагностика психических заболеваний у детей и подростков. М. : Медицина, 1985. 288 с.
12. Власова Т.А. Учителю о детях с отклонениями в развитии. М. : Просвещение, 1973. 189 с.
13. Буянов М.И. О динамике пограничных психоневрологических расстройств // Неврозы у детей и подростков : тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1986. С. 30–34.
14. Буторин Г.Г. Психология депривационного дизонтогенеза в детском возрасте. Челябинск : АТОККО, 2001. 236 с.
15. Белов В.П. URL: <http://www.medbazar.ru/malaya-meditsinskaya/nevropatiya.html> (дата обращения: 08.12.2014).
16. Гарбузов В.И. Неврозы у детей и их лечение. Л. : Медицина, 1977. 272 с.
17. Добряков И.В. Перинатальная психология и психиатрия // Детская психиатрия : учебник / под ред. Э.Г. Эйдемиллера. СПб. : Питер, 2005. С. 175–216.
18. Морозов Г.В., Иваницкий А.М. Биологическое и социальное в генезе психических болезней // Руководство по психиатрии / под ред. Г.В. Морозова : в 2 т. М.: Медицина, 1988. Т. 1. С. 74–85.
19. Руководство по психиатрии : в 2 т. Т. 1 / А.С. Тиганов [и др.] ; под ред. А.С. Тиганова. М. : Медицина, 1999. 712 с.
20. Пивень Б.Н. Экзогенно-органические расстройства. Барнаул : Изд-во АГМУ, 2013. 236 с.

Поступила в редакцию 17.03.2016 г.; принята 07.04.2016 г.

Сведения об авторах:

БУТОРИН Геннадий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии факультета психологии ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» (Челябинск, Россия).

E-mail: g1966@mail.ru

БЕНЬКО Лариса Александровна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный медицинский университет» (Челябинск, Россия).

E-mail: g1966@mail.ru

THE SYNDROMES OF NEUROPATHY AND MENTAL INFANTILISM IN THE STRUCTURE OF MENTAL DISORDERS IN CHILDHOOD

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 108–119. DOI: 10.17223/17267080/60/8

Butorin Gennady G., Chelyabinsk State Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: g1966@mail.ru

Benko Larisa A., South Ural State Medical University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: g1966@mail.ru

Keywords: neuropathy; mental infantilism; dysontogenesis; syndromes predominant in childhood.

Neuropathy and mental infantilism in modern child psychiatry are presented as predominant syndromes of neuropsychic disorders, occurring in childhood in a relatively independent way. Currently the term “mental infantilism” refers to the mental immaturity of the personality, mainly with delay in emotional-volitional sphere development and maintaining children's personal qualities. But at an early age signs of emotional immaturity and lower levels of behavioral motivations are hardly detected, therefore, we can talk about mental infantilism only since a school age.

Speaking about the syndrome of neuropathy, we can suppose that a complex of factors plays a significant role in its formation and their interaction is complex and multifaceted.

Clinical experience of many studies has confirmed the existing opinion that the common pattern of neuropathy dynamics are phases largely coinciding with age periods. The dynamics of the neuropathic symptoms in the prognosis has both favorable and unfavorable courses.

It is believed that neuropathy is specific only to infancy and early childhood (up to the age of three), and its prognosis is quite favorable. In most cases at child development its symptoms gradually smooth out or completely disappear. However, there are no specific data on the timing of such dynamics. Some authors indicate that neuropathic symptoms may occur until puberty. At the same time, it has been suggested that the ontogenetic process of improving the mental functions of the symptoms of neuropathy are replaced by other psychopathological manifestations, depending on the level of psychological response.

The presence of a certain age sequence of the occurrence of such syndromes of mental disorders in childhood and adolescence is a clinical expression of periodization of age development associated with the levels of pathological response. Primary mental pathology syndrome of childhood that emerges early is a syndrome of neuropathy, which corresponds to somato-vegetative level of response. Adjacent to it is a syndrome of psychic infantilism.

It should be admitted that the problem of neurosis and mental infantilism continues to be quite relevant for child psychiatry and clinical psychology. Any research in this area has not only theoretical but also practical importance, primarily because proper recognition and timely treatment of disorders of psychological development in childhood is a necessary condition for the prevention of mental disorders in the further ontogenetic development.

References

1. Mazurin, A.V. & Vorontsov, I.M. (2000) *Propedevtika detskikh bolezney* [Propaedeutics of children's diseases]. 2nd ed. St. Petersburg: Foliant.
2. Ushakov, G.K. (1973) *Detskaya psikiatriya* [Child psychiatry]. Moscow: Meditsina.
3. Korkina, M.V., Lakosina, N.D. & Lichko, A.E. (1995) *Psikiatriya* [Psychiatry]. Moscow: Meditsina.
4. Sukhareva, G.E. (1974) *Lektsii po psikiatrii detskogo vozrasta* [On Childhood Psychiatry]. Moscow: Meditsina.
5. Bacherikov, N.E. et al. (1989) *Klinicheskaya psikiatriya* [Clinical Psychiatry]. Kiev: Zdorov'ya.

6. Kozlovskaya, G.V. & Goryunova, A.V. (1999) Osobyie formy dizontogeneza v gruppakh vysokogo riska po psikhicheskoy patologii [Special forms of dysontogenesis in high risk groups for mental disorders]. In: Tiganov, A.S., Snezhnevskiy, A.V., Orlovskaya, D.D. et al. *Rukovodstvo po psikhiiatrii*: v 2 t. [A Handbook of Psychiatry]. Vol. 2. Moscow: Meditsina. pp. 715-721.
7. Gindikin, V.Ya. (1997) Leksikon maloy psikhiiatrii [Lexicon of Small Psychiatry]. Moscow: KRON-PRESS.
8. Skoblo, G.V. (1999) Infanzilizm [Infanzilism]. In: Tsirkin, S.Yu. (ed.) *Spravochnik po psikhologii i psikhiiatrii detskogo vozrasta* [A Handbook of Child Psychology and Psychiatry]. St. Petersburg: Piter. pp. 301-302.
9. Lebedinskiy, V.V. (1985) *Narusheniya psikhicheskogo razvitiya u detey* [Children's mental development disorders]. Moscow: Moscow State University.
10. Lebedinskaya, K.S. (1982) Osnovnye voprosy kliniki i sistematiki zaderzhki psikhicheskogo razvitiya [Basic questions of clinic and taxonomy of mental retardation]. In: Lebedinskaya, K.S. (ed.) *Aktual'nye problemy zaderzhki psikhicheskogo razvitiya detey* [Topical problems of mental development delay in children]. Moscow: Pedagogika. pp. 5-21.
11. Kovalev, V.V. (1985) *Semiotika i diagnostika psikhicheskikh zabolevaniy u detey i podrostkov* [Semiotics and diagnosis of mental diseases in children and adolescents]. Moscow: Meditsina.
12. Vlasova, T.A. (1973) *Uchitel'yu o detyakh s otkloneniyami v razviti* [To the teacher about children with developmental disabilities]. Moscow: Prosveshchenie.
13. Buyanov, M.I. (1986) [On the dynamics of border neuropsychiatric disorders]. *Nevrozy u detey i podrostkov* [Neuroses in children and adolescents]. Proc. of the All-Russian Conference. Moscow. pp. 30-34. (In Russian).
14. Butorin, G.G. (2001) *Psikhologiya deprivatsionnogo dizontogeneza v detskom vozraste* [Psychology of deprivational dysontogenesis in childhood]. Chelyabinsk: ATOKSO.
15. Belov, V.P. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.medbazar.ru/malaya-meditsinskaya/nevropatiya.html>. (Accessed: 8th December 2014).
16. Garbuzov, V.I. (1977) *Nevrozy u detey i ikh lechenie* [Children's neuroses and their treatment]. Leningrad: Meditsina
17. Dobryakov, I.V. (2005) Perinatal'naya psikhologiya i psikhiiatriya [Perinatal Psychology and Psychiatry]. In: Eydemiller, E.G. (ed.) *Detskaya psikhiiatriya* [Child Psychiatry]. St. Petersburg: Piter. pp. 175-216.
18. Morozov, G.V. & Ivanitskiy, A.M. (1988) Biologicheskoe i sotsial'noe v geneze psikhicheskikh bolezney [The biological and social in the genesis of mental illnesses]. In: Morozov, G.V. (ed.) *Rukovodstvo po psikhiiatrii* [A Handbook of Psychiatry]. Vol. 1. Moscow: Meditsina. pp. 74-85.
19. Tiganov, A.S., Snezhnevskiy, A.V., Orlovskaya, D.D. et al. *Rukovodstvo po psikhiiatrii*: v 2 t. [A Handbook of Psychiatry]. Vol. 1. Moscow: Meditsina
20. Piven, B.N. (2013) *Ekzogenno-organicheskie rasstroystva* [Exogenously-organic disorders]. Barnaul: AGMU.

Received 17.03.2016;

Accepted 07.04.2016

УДК 616-05:616.7:616.8
DOI: 10.17223/17267080/60/9

А.А. Кукшина, А.В. Котельникова, А.С. Тихонова, А.С. Гозулов

Государственное автономное учреждение здравоохранения «Московский научно-практический центр медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины Департамента здравоохранения города Москвы» (Москва, Россия)

Половозрастные особенности и психоэмоциональное состояние больных с нарушением двигательных функций

Заболевания, приводящие к поражению органов движения, полиморфны и характеризуются высокой социально-экономической значимостью и сопровождаются развитием психоэмоциональных расстройств, нуждающихся в дифференцированном коррекционном подходе. С целью изучения особенностей психоэмоционального состояния больных с учетом их половозрастных характеристик были исследованы особенности психоэмоционального состояния 336 больных с нарушением двигательных функций различной этиологии (возраст: $med = 57,0$, $range = 66,0$; среди них 41,0% мужчин, 59,0% женщин). Использовался опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R. Показано, что вне зависимости от нозологии текущее психоэмоциональное состояние соотносится с полом и возрастом больных и в целом характеризуется повышенными значениями по шкалам «соматизация» и «обсессивность-компульсивность», а также снижением показателей по шкалам «межличностной сензитивности», «враждебности», «паранойальности» и «психотизма».

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние; нарушения двигательных функций; соматизация; тревожность; депрессивность; обсессивность-компульсивность; дистресс.

Полиморфность патогенеза заболеваний, приводящих к поражению органов движения, распространяющаяся от сосудистой патологии постинсультных состояний до дегенеративно-дистрофических заболеваний опорно-двигательного аппарата, нарастающая частота встречаемости, высокая инвалидизация, огромные затраты на лечение и реабилитацию пациентов с нарушением двигательных функций свидетельствуют о социальной значимости заявленной проблемы [1].

Страдание больных в данном случае обусловлено невозможностью полноценно реализовать одну из основных потребностей живого организма – потребность в движении, а следовательно, невозможностью осознавать себя полноценным и благополучным членом социума. Болезнь нарушает трудоспособность, значительно снижает общий уровень функционирования, лишает индивида возможности справляться с привычными повседневными задачами, сопровождается чувствами бессилия и беспомощности [2]. К психологическим последствиям нарушения двигательных функ-

ций исследователи относят также потерю ощущения собственной независимости и неуязвимости, утрату человеческого достоинства, контроля над ситуацией, эмоционального равновесия, высокий риск развития депрессии и суицида, связанный с отчаянием, чувствами стыда, вины и безнадёжности [3].

В рамках психосоматического подхода к взаимодействию личности и болезни в настоящий момент накоплены многочисленные данные междисциплинарных исследований, свидетельствующие о существенной роли психоэмоционального состояния, прежде всего расстройств тревожно-депрессивного спектра, в развитии и течении соматических заболеваний [4, 5]. Результаты отечественных и зарубежных скринингов фиксируют высокую – от 5,1 до 48,3% – распространённость депрессий у пациентов соматических клиник [4, 6, 7]. Эмпирически доказано, что повышение качества антидепрессивной терапии при лечении коморбидной депрессии позволяет ослабить болевой синдром, а также улучшить прогноз и эффективность терапии соматического заболевания [2]. Однако релевантность назначений осложняется необходимостью дифференциальной диагностики тревожно-депрессивных расстройств, имеющих под собой органический субстрат в виде дисбаланса в дофаминовых и серотонинергических структурах [6], нуждающегося в психофармакотерапии, от соответствующего симптомокомплекса, психогенного по происхождению, поддающегося немедикаментозной психотерапевтической коррекции. Существенное значение имеет также более подробное изучение текущего психоэмоционального состояния больных с целью выявления иных триггерных механизмов психологического дискомфорта. Проблема заключается в том, что жалобы больных с нарушением двигательных функций касаются в первую очередь телесного недуга, зачастую соматовегетативной симптоматикой маскирующего страдания душевные.

Практика инструментальной диагностики тревоги и депрессии в клинике сводится, как правило, к использованию разнообразных шкал однополярной направленности: «Опросник депрессивности Бека» – «Beck Depression Inventory» [8], «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» – «The Hospital Anxiety and Depression scale» (HADS) [6], «Шкала Цунга для самооценки тревоги» – «Self-Rating Anxiety scale» [9], «Шкала Цунга для самооценки депрессии» – «Self-Rating Depression scale» [9], «Шкала тревоги Гамильтона» – «Hamilton Anxiety Rating Scale» [9], «Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера» [10] и т.п. Перечисленные шкалы представляют собой достаточно валидные и надёжные инструменты первичной диагностики, однако не дают возможности оценить выраженность сопряжённых психопатологических признаков, скрывающих тревожно-депрессивную симптоматику.

Гипотезой настоящего исследования послужило предположение о существовании более широкого спектра факторов, определяющих текущее психоэмоциональное состояние больных с нарушением двигательных функций.

Целью стало изучение особенностей психоэмоционального состояния больных с учетом их половозрастных характеристик.

Таким образом, объектом настоящего исследования являются больные с нарушением двигательных функций, предметом – их текущее психоэмоциональное состояние.

Основным инструментом реализации поставленной цели явился опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List – SCL-90-R), адаптация и валидизация которого произведена в лаборатории психологии и психотерапии посттравматического стресса Института психологии РАН [8]. Выбор SCL-90-R в качестве диагностического инструмента обусловлен тем, что в отличие от упомянутых выше однополярных шкал указанный опросник предоставляет возможность полифакторной диагностики текущего психоэмоционального состояния.

Для реализации заявленной цели были сформулированы следующие эмпирические задачи:

1. Оценить роль нозологических различий в текущем психоэмоциональном состоянии больных с нарушением двигательных функций.

2. Проанализировать особенности текущего психоэмоционального состояния обследованных больных по сравнению с нормативными данными.

3. Исследовать структуру текущего психоэмоционального состояния больных с учетом их пола и возраста.

Материалы и методики исследования

В исследование было включено 336 пациентов, находившихся на лечении в Клинике восстановительного лечения (филиал № 3 ГАУЗ МНПЦ МРВиСМ ДЗ г. Москвы):

– 178 больных с двигательными нарушениями в результате острого нарушения мозгового кровообращения (возраст: $med = 58,0$, $range = 65,0$), среди них 102 (57,3%) женщины, 76 (42,7%) мужчин;

– 105 больных с дегенеративно-дистрофическими заболеваниями опорно-двигательного аппарата (возраст: $med = 56,0$, $range = 60,0$), среди них 59 (56,1%) женщин, 46 (43,9%) мужчин;

– 53 больных с ревматоидными поражениями суставов (возраст: $med = 58,0$, $range = 48,0$), среди них 38 (71,7%) женщин, 15 (28,3%) мужчин.

Использованием статистических критериев равнозначности была достигнута сопоставимость групп с точки зрения возрастного ($H(2, N = 336) = 2,93$; $p = 0,23$) и гендерного состава ($p = 0,08$ – по двустороннему критерию Фишера).

Процедура и методика исследования. Текущее психоэмоциональное состояние больных с нарушением двигательных функций диагностировалось в срок до трех дней с момента поступления в стационар с помощью опросника SCL-90-R. Перед началом обследования с каждым больным проводилась индивидуальная беседа, в ходе которой разъяснялись цели и задачи предстоящей процедуры, получалось добровольное информирован-

ное согласие. Принявшим участие в исследовании больным предлагалось оценить степень своего дискомфорта или встревоженности в связи с той или иной проблемой в течение последней недели в рамках 5-балльной шкалы Лайкерта от «совсем не беспокоит» до «очень сильно беспокоит». Оценка и интерпретация результатов производились по 9 основным субшкалам, которые объединяют следующие группы симптомов:

– соматизация (somatization) – дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции; сюда относятся жалобы, фиксированные на кардиоваскулярной, гастроинтестинальной, респираторной и других системах; компонентами расстройства являются также головные боли, другие боли и дискомфорт общей мускулатуры и в дополнение – соматические эквиваленты тревожности;

– обсессивность–компульсивность (obsessive–compulsive) – в субшкалу включены вопросы, касающиеся мыслей, импульсов и действий, которые переживаются индивидом как непрерывные, непреодолимые и чуждые;

– межличностная сензитивность (interpersonal sensitivity) – самоосуждение, чувство беспокойства и заметный дискомфорт в процессе межличностного взаимодействия, а также негативные ожидания относительно любых коммуникаций с другими людьми;

– депрессивность (depression) – совокупность таких проявлений депрессии, как отсутствие интереса к жизни, недостаток мотивации, потеря жизненной энергии, чувство безнадежности, мысли о суициде и т.д.;

– тревожность (anxiety) – высокий уровень манифестируемой тревожности, соотносящийся с проявлениями нервозности, напряжения, дрожи, приступами паники, ощущения насилия, чувством опасности, опасения и страха;

– враждебность (hostility) – мысли, чувства или действия, являющиеся проявлениями негативного аффективного состояния злости (агрессия, раздражительность, гнев и негодование);

– фобическая тревожность (phobic anxiety) – стойкая реакция страха на определенных людей, места, объекты или ситуации, которая характеризуется как иррациональная и неадекватная по отношению к стимулу и ведет к избегающему поведению;

– паранойальность (paranoid ideation) – подозрительность, страх потери независимости, напыщенность, враждебность;

– психотизм (psychoticism) – избегающий, изолированный, шизоидный стиль жизни.

В качестве интегрального показателя рассматривался общий индекс тяжести текущего дистресса.

Математико-статистическая обработка данных производилась в программном пакете «Statistica 10.0» и включала проверку соответствия распределения полученных данных нормальному, анализ значимости различий в уровне выраженности исследуемого признака для несвязанных выборок по критериям Манна–Уитни и Крускала–Уоллиса, корреляционный

анализ по Спирмену. Обнаруженные связи и различия считались достоверными при достижении $p \leq 0,05$.

Результаты и их обсуждение

На *первом этапе* работы был проведен сравнительный анализ текущего психоэмоционального состояния обследованных больных в контексте различных нозологических групп. Использовался критерий Крускала–Уоллиса. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ текущего психоэмоционального состояния по данным опросника SCL–90–R у больных с нарушением двигательных функций в сопоставлении с нозологией

Симптомы	Среднее значение \pm стандартное отклонение			Н (2, N = 336)	p*
	Последствия ОНМК (n = 178)	Дегенеративно- дистрофические заболевания ОДА (n = 105)	Ревматоидные поражения суставов (n = 53)		
Соматизация	1,09 \pm 0,77	1,17 \pm 0,62	1,20 \pm 0,84	2,86	0,24
Обсессивность– компульсивность	0,91 \pm 0,70	0,79 \pm 0,58	0,80 \pm 0,59	1,29	0,52
Межличностная сензитивность	0,61 \pm 0,61	0,67 \pm 0,56	0,62 \pm 0,57	1,51	0,47
Депрессивность	0,75 \pm 0,64	0,63 \pm 0,58	0,67 \pm 0,51	3,23	0,20
Тревожность	0,57 \pm 0,62	0,52 \pm 0,56	0,57 \pm 0,55	0,48	0,78
Враждебность	0,44 \pm 0,49	0,43 \pm 0,44	0,45 \pm 0,50	0,04	0,98
Фобическая тревожность	0,47 \pm 0,63	0,28 \pm 0,38	0,26 \pm 0,38	4,21	0,12
Паранойальность	0,46 \pm 0,58	0,54 \pm 0,48	0,53 \pm 0,59	5,08	0,08
Психотизм	0,33 \pm 0,42	0,34 \pm 0,40	0,34 \pm 0,40	0,49	0,78
Общий индекс тяжести текущего дистресса	0,67 \pm 0,52	0,65 \pm 0,45	0,65 \pm 0,47	0,07	0,96

Примечание. p* – уровень статистической достоверности критерия Крускала–Уоллиса.

Таким образом, как следует из представленных в табл. 1 данных, критерий Крускала–Уоллиса статистически достоверных различий в текущем психоэмоциональном состоянии больных с двигательными нарушениями различной нозологии не зафиксировал. При этом сопоставление средних значений степени выраженности отдельных психопатологических симптомов (субшкал опросника SCL–90–R) с условно-нормативными данными [8] позволяет заключить, что текущее психоэмоциональное состояние больных с нарушением двигательных функций при поступлении в стационар восстановительного лечения характеризуется рядом особенностей. Результаты представлены в табл. 2.

Особенности текущего психоэмоционального состояния больных с нарушением двигательных функций по сравнению с нормативными данными

Симптомы	Больные с нарушением двигательных функций (n = 336)	Норма (n = 1466)*	p**
Соматизация	1,14±0,74	0,69±0,65	0,000
Обсессивность–компульсивность	0,86±0,65	0,76±0,60	0,01
Межличностная сензитивность	0,64±0,59	0,83±0,63	0,000
Депрессивность	0,70±0,61	0,68±0,59	0,29
Тревожность	0,56±0,59	0,62±0,62	0,10
Враждебность	0,44±0,48	0,71±0,65	0,000
Фобическая тревожность	0,38±0,54	0,35±0,49	0,32
Паранойяльность	0,50±0,56	0,67±0,58	0,000
Психотизм	0,34±0,41	0,42±0,48	0,004
Общий индекс тяжести текущего дистресса	0,66±0,49	0,64±0,50	0,51

* Условно-нормативные данные, полученные в результате валидации опросника SCL-90-R [8].

** Тонем выделены данные, статистически достоверно отличающиеся от условно-нормативных.

Как видно из табл. 2, текущее психоэмоциональное состояние больных с нарушением функции движения отличается от нормы превышением показателей по субшкалам «соматизация» и «обсессивность–компульсивность» опросника SCL-90-R, что позволяет рассуждать о специфическом влиянии болезни на психоэмоциональное состояние. Ограничения одной из основных жизненных функций, двигательной, вне зависимости от нозологии сопровождается дистрессом, вытекающим, прежде всего, из ощущения телесной дисфункции, потери контроля, ощущения беспомощности и бессилия.

Достоверное снижение показателей субшкал «межличностная сензитивность», «враждебность», «паранойяльность» и «психотизм» опросника SCL-90-R обследованной выборки по сравнению с нормой может быть истолковано как положительный эмоциональный настрой больных на лечение, стремление сотрудничать и доверять профессионализму врачей. Графическая иллюстрация описанного результата представлена на рис. 1.

Задачей *второго этапа* работы стало более детальное изучение структуры текущего психоэмоционального состояния обследованных больных с учетом их пола и возраста.

Анализ значимости различий в уровне выраженности психопатологических симптомов, по данным опросника SCL-90-R, у мужчин и женщин обследованной выборки производился с использованием критерия Манна–Уитни. Результаты представлены в табл. 3.

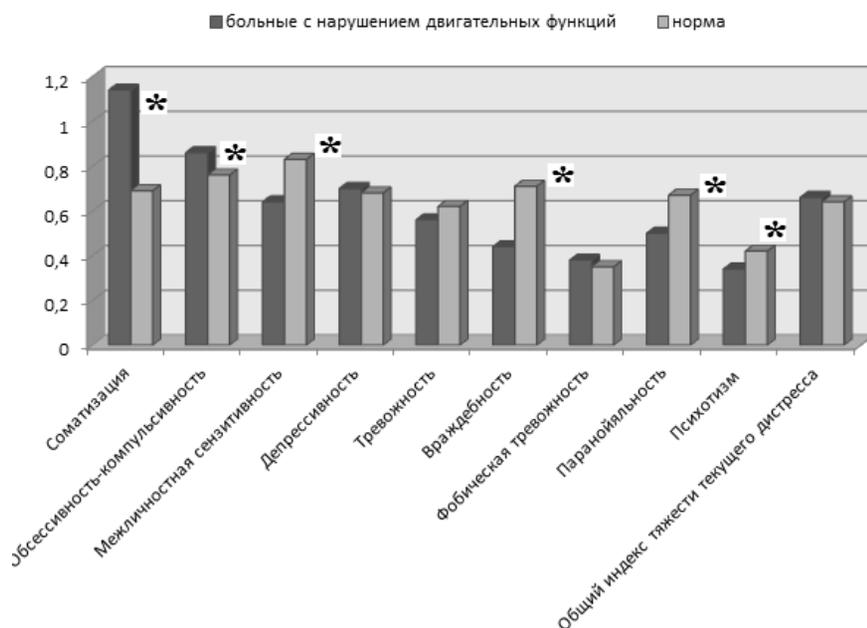

Рис. 1. Особенности текущего психоэмоционального состояния больных с нарушением двигательных функций по сравнению с нормативными данными

Таблица 3

Анализ значимости различий в текущем психоэмоциональном состоянии мужчин и женщин с нарушением двигательных функций

Субшкалы	Мужчины (n = 137)	Женщины (n = 199)	U	p*
Соматизация	0,92±0,64	1,29±0,76	9662,00	0,000
Обсессивность-компульсивность	0,79±0,57	0,91±0,68	12433,50	0,17
Межличностная чувствительность	0,59±0,52	0,67±0,66	13106,50	0,55
Депрессивность	0,60±0,55	0,77±0,64	11469,00	0,01
Тревожность	0,45±0,52	0,64±0,63	10750,00	0,000
Враждебность	0,45±0,47	0,43±0,48	12984,50	0,46
Фобическая тревожность	0,28±0,43	0,44±0,59	11862,00	0,04
Паранойальность	0,52±0,56	0,48±0,56	13052,50	0,50
Психотизм	0,31±0,37	0,35±0,44	13552,00	0,93
Общий индекс тяжести текущего дистресса	0,57±0,45	0,72±0,51	11229,00	0,01

Примечание. p* – уровень статистической достоверности критерия Манна-Уитни, тоном выделены данные, статистически достоверно различающие группы.

Как видно из табл. 3, текущее психоэмоциональное состояние мужчин и женщин с нарушением двигательных функций при поступлении в стационар восстановительного лечения отличается по ряду субшкал

опросника SCL-90-R: общий уровень текущего дистресса у женщин выше, наблюдается также достоверное повышение показателей шкал тревожного регистра («депрессивность», «тревожность», «фобическая тревожность») и шкалы «соматизация». При этом при сопоставлении полученных у женщин данных с общепопуляционными нормами обращает на себя внимание выраженность истинно депрессивных расстройств, что проявляется достоверно высокими показателями по шкале «депрессивность» ($p < 0,05$).

При исследовании роли переменной «возраст» в текущем психоэмоциональном состоянии обследованных больных использовался корреляционный анализ по Спирмену (R). Была выявлена статистически достоверная положительная связь возраста и уровня выраженности соматизации ($R = 0,13$; $p = 0,02$). То есть психоэмоциональное состояние пожилых больных с нарушением двигательных функций характеризуется высоким уровнем дистресса, соотносящегося с ощущением телесной дисфункции, соматическими эквивалентами тревожности.

Выводы

1. В процессе исследования текущего психоэмоционального состояния больных с нарушением двигательных функций нозологических различий выявлено не было.

2. Психоэмоциональное состояние обследованных больных характеризуется повышенными значениями по шкалам «соматизация» и «обсессивность-компульсивность», снижением показателей по шкалам «межличностной сензитивности», «враждебности», «паранойяльности» и «психотизма» опросника SCL-90-R.

3. Психоэмоциональное состояние больных с нарушением двигательных функций соотносится с их полом и возрастом, а именно: выраженность показателей по шкалам «депрессивность», «тревожность», «фобическая тревожность», «соматизация» выше у женщин в целом, причем женщины пожилого возраста демонстрируют достоверно более высокие показатели по шкале «депрессивность».

Литература

1. Реабилитация больных с травматической болезнью спинного мозга / под общ. ред. Г.Е. Ивановой, В.В. Крылова, М.Б. Цыкунова, Б.А. Поляева. М. : Московские учебники и картолитография, 2010. 640 с.
2. Образовательная программа по депрессивным расстройствам (редакция 2008 г.). Т. 2: Депрессия и соматические заболевания / перевод на русский язык выполнен в Московском НИИ психиатрии ; под ред. В.Н. Краснова. М., 2010. 171 с.
3. Булюбаш И.Д., Морозов И.Н., Приходько М.С. Психологическая реабилитация пациентов с последствиями спинальной травмы. Самара : Бахрах-М, 2011. 272 с.
4. Пакриев С.Г., Ковалев Ю.В. Экспресс-диагностика депрессий // Медицинская психология в России. 2011. № 3. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 03.02.2015).
5. Соколов В.А., Чернобавская М.Н. Психосоматический компонент в патогенезе первичной открытоугольной глаукомы // Глаукома. Журнал НИИ глазных болезней РАМН. 2013. № 3, ч. 2. С. 132–139.

6. Смулевич А.Б. Депрессии в общей медицине: руководство для врачей. М., 2001. 256 с.
7. Jiang W., Alexander J., Christopher E. et al. Relationship of depression to increased risk of mortality and rehospitalization in patients with congestive heart failure // Arch Intern Med. 2001. Vol. 161, № 15. P. 1849–1856.
8. Тарабрина Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В. и др. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1: Теория и методы. М. : Когито-Центр, 2007. 208 с.
9. Попов Ю.В., Пичиков А.А. Ранняя диагностика тревожно-фобических расстройств у подростков в общемедицинской практике: методические рекомендации. СПб., 2012. 23 с.
10. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л. : ЛНИИТЕК, 1976. 18 с.

Поступила в редакцию 04.02.2016 г.; повторно 07.04.2016 г.; принята 26.04.2016 г.

Сведения об авторах:

КУКУШИНА Анастасия Алексеевна, кандидат медицинских наук, руководитель лаборатории медицинской психологии и психотерапии ГАУЗ «Московский научно-практический центр медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины Департамента здравоохранения города Москвы» (ГАУЗ МНПЦ МРВиСМ ДЗ г. Москвы) (Москва, Россия).
E-mail: kukshina@list.ru

КОТЕЛЬНИКОВА Анастасия Владимировна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории медицинской психологии и психотерапии ГАУЗ МНПЦ МРВиСМ ДЗ г. Москвы (Москва, Россия).
E-mail: pav-kotelnikov@ya.ru

ТИХОНОВА Анастасия Сергеевна, медицинский психолог филиала № 3 ГАУЗ МНПЦ МРВиСМ ДЗ г. Москвы (Москва, Россия).
E-mail: seyli1992@list.ru

ГОЗУЛОВ Александр Сергеевич, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической фармакологии и антидопингового контроля ГАУЗ МНПЦ МРВиСМ ДЗ г. Москвы (Москва, Россия).
E-mail: sig29151@umail.ru

AGE AND GENDER CHARACTERISTICS AND PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF PATIENTS WITH MOTOR FUNCTION DISORDERS

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 120–129. DOI: 10.17223/17267080/60/9

Kukshina Anastasia Al., Kotel'nikova Anastasia V., Tikhonova Anastasia S., Gozulov Alexandr S., Moscow Research Center of Medical Rehabilitation and Sports Medicine (Moscow, Russian Federation).
E-mail: kukshina@list.ru; pav-kotelnikov@ya.ru; seyli1992@list.ru; sig29151@umail.ru

Keywords: psycho-emotional state; motor function disorders; somatization; anxiety.

Conditions affecting locomotory organs take various forms, they are characterized by high socioeconomic significance, and are accompanied by psycho-emotional disorders requiring differential correctional approach. In order to study various aspects of psycho-emotional state of patients taking into account their sex (41,0% males and 59,0% females) and age (med = 57,0 and range = 66,0) characteristics, 336 rehabilitation in-patients with various movement disorders were surveyed. The survey covered patients with motor function disorders resulting from acute cerebrovascular disorder (102 (57,3%) females, 76 (42,7%) males), degenerative-dystrophic conditions of the locomotor system (59 (56,1%) females, 46 (43,9%) males), and rheumatic joint diseases (38 (71,7%) females, 15 (28,3%) males). The groups were homoge-

nous by their age ($H(2, N = 336) = 2,93; p = 0,23$) and gender ($p = 0,08$ based on Fisher's exact test) composition. The intensity of psychopathological symptoms was diagnosed within three days from the admission to the in-patient clinic using the SCL-90-R questionnaire.

A comparative analysis of the current psycho-emotional state of the patients showed no statistically significant difference between nosological groups. Higher than control scores for "somatisation" and "obsessive-compulsiveness" subscales indicated that, regardless of nosology, limiting one of the fundamental life functions, the locomotor function, was accompanied by distress caused by the physical dysfunction, loss of control, and the sense of helplessness and weakness. At the same time, lower than control scores for "inter-personal sensitivity", "hostility", "paranoid trends", and "psychoticism" subscales could be explained by the positive emotional disposition of the patients towards treatment, and their willingness to collaborate and trust the professionalism of the medical staff. The significance of differences analysis of the level of severity of psychopathological symptoms in males and females showed that their current psycho-emotional state differs according to a number of subscales of the SCL-90-R questionnaire. Thus, females had higher levels of on-going distress, as well as "depressiveness", "anxiety", "phobic anxiety", and "somatisation" scale scores. Statistically significant positive relationship was also revealed between the age and the level of intensity of somatisation ($R = 0,13, p = 0,02$).

References

1. Ivanova, G.E., Krylov, V.V., Tsykunov, M.B. & Polyayev, B.A. (2010) (eds) *Reabilitatsiya bol'nykh s travmaticheskoy bolezn'yu spinnogo mozga* [Rehabilitation of patients with traumatic spinal cord diseases]. Moscow: Moskovskie uchebniki i kartolitografiya.
2. Krasnov, V.N. (ed.) (2010) *Obrazovatel'naya programma po depressivnym rasstroystvam* [The educational program for depressive disorders]. Vol. 2. Moscow: Moscow Research Institute for Psychiatry.
3. Bulyubash, I.D., Morozov, I.N. & Prikhodko, M.S. (2011) *Psikhologicheskaya reabilitatsiya patsientov s posledstviyami spinal'noy travmy* [Psychological rehabilitation of patients with the consequences of spinal cord injury]. Samara: Bakhrakh-M.
4. Pakriev, S.G. & Kovalev, Yu.V. (2011) *Ekspress-diagnostika depressiy* [The express diagnosis of depression]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 3. [Online] Available from: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru). (Accessed: 3rd February 2015).
5. Sokolov, V.A. & Chernobavskaya, M.N. (2013) Psychosomatic component in primary open-angle glaucoma pathogenesis. *Glaukoma – Glaukoma*. 3(2). pp. 132-139. (In Russian).
6. Smulevich, A.B. (2001) *Depressii v obshchey meditsine: rukovodstvo dlya vrachey* [Depression in General Medicine: A Guide for Physicians]. Moscow: MIA.
7. Jiang, W., Alexander, J., Christopher, E. et al. (2001) Relationship of depression to increased risk of mortality and rehospitalization in patients with congestive heart failure. *Arch Intern Med*. 161(15). pp. 1849-1856.
8. Tarabrina, N.V., Agarkov, V.A., Bykhovets, Yu.V. et al. (2007) *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa* [A Practical Guide to Psychology of Post-Traumatic Stress]. Moscow: Kogito-Tsentr.
9. Popov, Yu.V. & Pichikov, A.A. (2012) *Rannaya diagnostika trevozhno-fobicheskikh rasstroystv u podrostkov v obshchemeditsinskoj praktike* [Early diagnosis of anxiety and phobic disorders in adolescents in general practice]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Khanin, Yu.L. (1976) *Kratkoe rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti Ch.D. Spilbergera* [A Brief Guide to the Use of Reactive and Personal Anxiety by Ch.D. Spilberger's scale]. Leninrad: LNIITEK.

Received 04.02.2016;

Revised 07.04.2016;

Accepted 26.04.2016

**Т.Е. Левицкая¹, С.А. Богомаз¹, Н.В. Козлова¹, Ф. Лучиди²,
И.В. Атаманова¹, Н.А. Тренькаева¹, Э.А. Щеглова¹**

¹ *Томский государственный университет (Томск, Россия);*

² *Римский университет Сапиенца (Рим, Италия)*

Развитие навыков саморегуляции у спортсменов высших достижений

Представлены результаты эмпирического исследования саморегуляции у спортсменов высших достижений, характера её взаимосвязи с их личностными особенностями, а также закономерности динамики физиологических показателей в режиме биоуправления. Показана взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями и физиологическими показателями, регистрируемыми в режиме игрового биоуправления. Доказано, что тренинг игрового биоуправления в сжатые временные сроки позволяет спортсменам приобрести навыки саморегуляции, повышает их устойчивость к стрессорным факторам, способствует развитию способности регулировать собственное состояние в ходе соревновательной деятельности.

Ключевые слова: *спортивный стресс; индивидуальная выраженность стресса; психологические особенности личности спортсмена; физиологические и психофизиологические реакции; рациональная саморегуляция; игровое биоуправление.*

Интерес к спорту, особенно к медико-психологическому сопровождению спортсменов, получил в настоящее время достаточно широкое распространение. Опыт проведения последних олимпиад и мировых чемпионатов ярко демонстрирует необходимость систематического медико-психологического сопровождения спортсменов высших достижений с целью их полноценной подготовки к соревновательной деятельности. К сожалению, в спорте высших достижений сама цель деятельности направлена не столько на укрепление здоровья и развитие физической выносливости, сколько на достижение максимального результата. Согласно ряду исследований современный спорт сопряжен с высоким уровнем нагрузок. Нагрузки в спорте высших достижений определяют как критичные. Авторами исследований отмечается, что спортсмены, вовлеченные в активную спортивную деятельность, характеризуются возникновением изменений функционального состояния организма, напряжением регуляторных механизмов [1–5].

В настоящее время во всем мире активно развивается направление спортивной науки, связанное с медико-психологическим обеспечением тренировочного процесса и соревновательной деятельности в целом. Исследования зарубежных и отечественных специалистов направлены на

изучение возможностей повышения адаптационных резервов организма, оптимизации тренировочного процесса и достижения наивысших результатов в условиях спортивной деятельности [6–11].

Как известно, основными источниками эмоциональных реакций в спорте являются недостаток приспособительных возможностей спортсмена – новизна, необычность, внезапность; интенсивная или избыточная мотивация; сложность выполняемой задачи [12, 13]. В большинстве современных исследований проблема эмоционального стресса в условиях спортивных соревнований представляется двумя такими факторами, как выраженность потребности в достижении цели и субъективная оценка вероятности достижения цели. Подобная оценка связана с отражением в сознании спортсмена функциональной и специальной готовности, а также отражением на уровне предположений условий, относительно которых реализуется спортивная деятельность [14, 15]. Таким образом, эмоциональное напряжение спортсменов может быть представлено двумя важными группами факторов: интенсивность мотивации спортсмена; неопределенность ситуации осуществления спортивной деятельности [16]. Как известно, достаточно негативным фактором, характерным для соревнований, является наличие стрессогенных ситуаций, в которых спортсмен осуществляет свою деятельность. Это порождает состояние сильно выраженного эмоционального возбуждения, спортсмен мысленно переживает ход ситуаций, их позитивный или негативный результат, возможные последствия успехов или неудач для себя или команды.

Целый ряд исследований подтверждает, что эмоциональные переживания часто приводят к чрезмерному расходу нервных ресурсов, более затратному, чем реальность соревнований [1, 17–19]. Так, например, Л.В. Куликов [1] в своих работах понятие «напряжение» характеризует как ощущение «натяжения», нарушения равновесия и готовности изменить поведение при встрече с каким-либо угрожающим ситуативным фактором. По мнению автора, слово «напряжение» не нуждается в дополнении категорией «эмоциональное», поскольку любое напряжение не может быть безэмоциональным. В работах В.Л. Марищука и В.И. Евдокимова [2] в качестве базовых показателей, которые отражают характер эмоционального напряжения в деятельности, представлены сила, длительность, степень, модальность (знак), а также обоснована неоднозначность эффектов влияния эмоционального напряжения на деятельность и поведенческую активность личности. Такое влияние может быть как позитивным, способным приводить к мобилизации возможностей человека, так и негативным, снижающим активность личности во всех видах деятельности. Среди различных механизмов и причин эмоционального напряжения особым образом выделяются психологические, такие как сила мотивации [12]; соотношение между мотивом и целью деятельности [20]; диссонанс между «Я-действующим» и «Я-отраженным» [21]; фрустрация [22]; культ успеха и достижений, культ силы и конкурентности; культ рациональности и эмоциональной сдержанности [23].

Многие исследователи и практики обращаются к изучению свойств личности спортсменов, за счет которых возможно продуктивно противодействовать стрессорам в спортивной деятельности, особенно в период соревнований, которые выступают предпосылками стрессоустойчивости спортсмена, определяют результативность спортсменов в соревнованиях; главным образом наличие этого качества помогает сохранить психологическое здоровье спортсменов [1, 2]. Авторы утверждают, что поведение в состоянии напряженности можно охарактеризовать негибкостью, утратой пластичности, которая была свойственна спортсмену в период достаточно спокойного тренировочного цикла. Важно отметить, что, испытывая состояние напряженности, спортсмен снижает возможность осуществления сложных действий, и это приводит к нарушениям его интеллектуальных функций. Прежде всего, это касается сокращения объема внимания и памяти, нарушения процессов восприятия и мышления, увеличения лишних (ненаправленных) действий [3].

Понятие (термин) «регуляция» представлено обобщением большого объема полученных различными науками (кибернетика, философия и др.) теоретических и экспериментальных данных. Идеи регулятивного подхода реализуются в целом ряде психологических наук. Так, например, Н. Виннер [24] заимствовал из кибернетики категорию «обратная связь» и применил ее для психологического анализа. Однако основы регулятивного подхода связаны и с опорой на внутреннюю логику развития психологической науки (работы Н.Н. Ланге, И.М. Сеченова, И.П. Павлова, П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна, Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Прибрама, Б.Ф. Ломова и др.). Процессы регуляции в современной науке рассматриваются в различных аспектах: внутренняя структура процесса психической регуляции на осознанном, произвольном уровне [18, 25–27]; эмоциональная регуляция деятельности в экстремальных условиях [28]; регуляция в междействительностном пространстве [29]; психологические особенности системы регуляции профессиональной деятельности [30]; социально-психологические аспекты регуляции конкретных видов деятельности [31]; рефлексивные процессы регуляции [32]. Важно отметить, что в научных теориях регуляции деятельности исследователи делают акцент на двух сторонах: эмоциональной и волевой. Так, к примеру, эмоциональная сторона регуляции широко представлена в трудах В.К. Вилюнаса [33], О.В. Дашкевича [28] и др. Волевая сторона регуляции освещается в трудах целого ряда ученых [18, 26, 27, 34, 35 и др.], где показана взаимосвязь эмоциональной и волевой сторон регуляции. Особо актуализируя вопросы анализа исследований этих взаимосвязей, необходимо отметить их недостаточность и фрагментарность.

Анализ научной литературы показал, что вопросами психофизиологической саморегуляции в разное время занимались такие авторы, как В.А. Марищук [2], Р.И. Водейко [36], Дж. Гринберг [37], К. Otcheretnaуа, О. Gritzenko, О. Jafarova, А.А. Putilov [38] и др.

Известно, что одним из рациональных методов саморегуляции считается переключение сознания. А.Ц. Пуни и Ф.А. Гребгаус [39] считают,

что переключение внимания с мучительных раздумий на деловую сторону даже предстоящей деятельности, осмысление трудностей через их анализ, уточнение инструкций и заданий, мысленное повторение предстоящих действий, сосредоточение внимания на технических деталях задания, тактических приемах, а не на значимости результата дает гораздо лучший эффект, чем просто отвлечение от предстоящей деятельности. Поэтому именно этот способ саморегуляции мы можем соотнести с понятием «стиль саморегуляции поведения», введенным В.И. Моросановой [25], на основании разработок которой и построено данное исследование. В.И. Моросанова является представителем субъектно-деятельностного подхода, исследовательской целью которого стало изучение особенностей рациональной саморегуляции деятельности человека. Так как мы рассматриваем саморегуляцию как системную характеристику, то рациональную саморегуляцию деятельности, на наш взгляд, стоит отнести к личностному уровню. В данной исследовательской работе мы не ставили перед собой задачу выяснить, какой уровень является первостепенным и основополагающим, т.е. какой уровень служит фундаментом для всех остальных. Основная цель представленного исследования – показать, что связь между уровнями существует, что они являются частью одного общего механизма саморегуляции.

Результаты проведенных нами ранее теоретических и эмпирических исследований [6, 40–42] позволяют утверждать, что от степени выраженности механизмов саморегуляции зависят успешность, надежность и продуктивность деятельности.

Следовательно, для данной исследовательской работы актуальным будет рассмотрение произвольной регуляции как системного образования, причем такого, которое объединяет не только характеристики какого-либо одного уровня, например личностного, а системы, включающей в себя и психофизиологическую компоненту, которую ранее рассматривали в отрыве от рациональных составляющих саморегуляции [43]. Исходя из вышесказанного, основной целью нашего экспериментального исследования явилось развитие навыков саморегуляции у спортсменов, изучение характера её взаимосвязи с их личностными особенностями, а также закономерностей динамики исследуемых физиологических показателей в режиме биоуправления.

Материалы и методики исследования

В качестве инструментария развития навыков саморегуляции у спортсменов нами был использован программно-аппаратный комплекс с биологической обратной связью (БОС) с элементами игрового биоуправления. Данная технология является новой, представляет собой продукт соединения компьютерного игрового сюжета и методов биоуправления. Технология включает комплекс процедур, позволяющих при помощи цепи внешней обратной связи передавать человеку информацию о состоянии функций его организма. Полученная информация позволяет развивать

навыки саморегуляции (физиологические и психофизиологические показатели) [44–46]. Игровое биоуправление в программно-аппаратном комплексе «БОС-Пульс» реализовано нами на основе использования набора компьютерных игр: «Вира!», «Ралли», «Магические кубики», «Гребной канал», «Стрелок» и др., которые были разработаны в ГУ НИИ молекулярной биологии и биофизики СО РАМН (г. Новосибирск). Программно-аппаратный комплекс запрограммирован таким образом, что развитие игрового сюжета и победа в соревновательной деятельности находятся в зависимости от того, насколько испытуемый способен регулировать свой сердечный ритм и иные психофизиологические показатели [34]. Мы считали, что формированию индивидуальных навыков саморегуляции на основе технологии биоуправления будет способствовать использование этого метода в сочетании с психодиагностическими методиками. Это позволяет в рамках данного исследования фиксировать физиологические и психофизиологические реакции испытуемых в режиме биоуправления, а также представить данные об индивидуально-психологических особенностях участников данного эксперимента. В качестве участников эксперимента в исследовании принимали участие 150 спортсменов, профессионально занимающихся такими видами спорта, как баскетбол, гиревой спорт, пауэрлифтинг, и имеющих разряды мастеров и кандидатов в мастера спорта (призеры областных, всероссийских и европейских чемпионатов).

В соответствии с поставленной целью был построен алгоритм, согласно которому каждая игровая попытка была связана с необходимостью решить задание повышенной сложности. Кроме того, участники должны были в процессе выполнения игрового задания добиться максимально возможного расслабления и покоя. Им было необходимо контролировать собственную частоту сердечных сокращений. Для этого в эксперименте в течение игровой сессии использовался пульсовой детектор. Особенность игровой сессии состояла в выполнении трех игр-попыток, продолжительностью 20–25 минут. При этом вся экспериментальная процедура проходила при непрерывной регистрации частоты сердечных сокращений. Эта информация отображалась на экране монитора и обеспечивала обратную связь, которую участники эксперимента использовали с целью управления собственным психофизиологическим состоянием. Все показатели, которые непрерывно регистрировались во время выполнения задания, оцифровывались, их значения заносились в базу данных и впоследствии статистически обрабатывались, что позволяло вычислить необходимые индексы.

Процедура эксперимента была реализована следующим образом (каждая сессия включала три попытки): первая сессия связана с использованием игрового тренажера «Вира!», где участникам для выигрыша необходимо научиться замедлять свой пульс и расслабляться, используя механизм обратной связи; вторая сессия требовала от участников работы на тренажере «Ралли», где, чтобы победить, необходимо замедлять пульс, быстро реагировать на возникающие препятствия, которые были для участников неожиданными. При этом победа засчитывалась только на ос-

новании уменьшения скорости реакции с каждой попыткой и если фиксировался рост длительности кардиоинтервалов. Таким образом, в процессе игровой деятельности испытуемые должны были не только «включиться в игру», но и понять, за счет каких основных закономерностей выстраиваются взаимосвязи между собственными эмоциями и физиологическими параметрами. Другими словами, нужно было соотнести свое внутреннее состояние с тем, как оно отражается на экране монитора в ходе игрового сюжета, почувствовать и осознать взаимосвязь физиологического параметра – сердечного ритма – со своим психоэмоциональным состоянием. По нашему мнению, в процессе тренинга необходимо добиться того, чтобы его участники начинали анализировать свои действия во время сеансов, что позволяет им получить ответы на ряд вопросов:

- что такое эффективное поведение в стрессовых ситуациях;
- как не допускать развития стрессовых реакций;
- что важнее – сосредоточиться на процессе или на результате деятельности;
- для чего нужна наработка состояния с физическим ощущением расслабленности и комфорта.

Одной из важнейших задач участников в процессе игрового тренинга являлось осознание своей индивидуальности, что позволяет разработать индивидуальную стратегию релаксации для расширения собственного поведенческого репертуара. В процессе эксперимента регистрировались последовательности RR (длительность кардиоинтервалов, мс) и RT (время реакции, мс) интервалов. Эти значения интервалов необходимы для расчета индексов Баевского, позволяющих охарактеризовать регуляторные возможности организма. Нами учитывались: индекс напряжения регуляторных систем (ИН), который показывает степень преобладания активности центральных механизмов регуляции над автономными; индекс вегетативного равновесия (ИВР), позволяющий оценить соотношение между активностью симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы. Важным в данном эксперименте было использование значений индекса симпато-адреналового тонуса (индекс Каплана САТ), свидетельствующего о чувствительности испытуемого к стрессорным воздействиям. Как было отмечено выше, тренинг игрового биоуправления предполагал участие испытуемых в психологическом тестировании. Это делалось в расчете на то, что удастся выявить индивидуальные личностные особенности и закономерности, которые можно будет учитывать при организации индивидуальных алгоритмов проведения БОС-тренингов. Для оценки данных, касающихся индивидуальных особенностей на уровне темперамента, был использован опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ, автор В.М. Русалов). Также учитывалась степень выраженности интровертированности и экстравертированности в структуре психических ориентаций.

Они в соответствии с типологией К. Юнга количественно определялись с помощью типологической методики ТОП-ЮНИТ (Агентство «Гу-

манитарных технологий», Москва). Нами также использовались «Шкала базисных убеждений» (БУ, Р.Я. Бульман) и «Опросник социально-психологической адаптивности» (СПА, К. Роджерс и Р. Даймонд).

Кроме того, использовался стандартный для наших исследований пакет психологических методик, который позволяет оценить важные параметры личностного и коммуникативного потенциала человека. Этот комплекс включал следующие методики: опросник «Якоря карьеры» (ЯК, Э. Шейн); тест «Жизнестойкость» (ЖС, С. Мадди; в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой); опросник «Самоорганизация деятельности» (СД, Е.Ю. Мандрикова); шкалу «Толерантность к неопределенности» (MSTAT-I, Д. Маклейн, в адаптации Е.Г. Луковицкой); шкалу «Удовлетворенность жизнью» (УЖ, Э. Динер) и методику «Диагностика особенностей общения» (ДОО, В.Н. Недашковский). Результаты, полученные в процессе исследования, были обработаны с помощью программы Statistica 6.0.

В процессе эксперимента нам было важно проследить динамику формирования навыка саморегуляции у спортсменов, поэтому мы учитывали средние значения физиологических индексов, определяемых с помощью программно-аппаратного комплекса «БОС-Пульс» в 1-й и 3-й играх в каждой из сессий «Вира» и «Ралли».

Обсуждение результатов исследования

В табл. 1, 2 представлены индексы, отображающие качество игры первой сессии «Вира». В табл. 3 представлена разница показателей исследуемых индексов, отражающая динамику приобретения навыков управления собственным психоэмоциональным состоянием в первой сессии тренинга. Для подсчета этой разницы из значений индекса, вычисленного в 1-й игре, отнимались значения индекса, вычисленного в 3-й игре.

Т а б л и ц а 1

Средние значения индекса напряжения регуляторных систем (ИН), индекса вегетативного равновесия (ИВР) и симпато-адреналового тонуса (САТ) в 1-й игре «Вира» (n = 150)

Индексы	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Станд. отклонение
ИН	83,4	36,2	104,5	60,1
ИВР	132,5	58,8	182,1	97,4
САТ	129,3	43,0	185,0	82,5

Т а б л и ц а 2

Средние значения индекса напряжения регуляторных систем (ИН), индекса вегетативного равновесия (ИВР) и симпато-адреналового тонуса (САТ) в 3-й игре «Вира» (n = 150)

Индексы	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Станд. отклонение
ИН	80,0	34,8	92,1	57,3
ИВР	112,1	58,0	158,6	82,0
САТ	127,4	50,0	159,0	79,6

При этом средние показатели по всем оцениваемым параметрам у тренируемых находятся в пределах нормативных значений. Индекс, отражающий активность симпатического звена нервно-гуморальной регуляции (САТ), позволяющий оценивать чувствительность к стрессорным воздействиям, на протяжении всей первой сессии остается практически неизменным.

В табл. 3, 4 отражены результаты второй сессии тренинга-игры «Ралли». Как показывают результаты, вторая сессия отличалась более сложной игровой ситуацией (регистрировались пульс и скорость реакции на неожиданно возникающие препятствия), показатели контролируемых индексов к концу второй сессии значительно снизились. Это происходило за счет увеличения длительности кардиоинтервалов (RR, мс) и уменьшения времени реакции (RT, мс) у участников БОС-тренинга.

В табл. 6 представлена разница показателей исследуемых индексов, отражающая динамику результатов второй сессии.

Таблица 3

Средние значения индекса напряжения регуляторных систем (ИН), индекса вегетативного равновесия (ИВР) и симпато-адреналового тонуса (САТ) в 1-й игре «Ралли» (n = 150)

Индексы	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Станд. отклонение
ИН	66,5	26,8	101,1	53,0
ИВР	103,2	40,0	147,6	71,4
САТ	112,5	40,0	147,0	92,6

Таблица 4

Средние значения индекса напряжения регуляторных систем (ИН), индекса вегетативного равновесия (ИВР) и симпато-адреналового тонуса (САТ) в 3-й игре «Ралли» (n = 150)

Индексы	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Станд. отклонение
ИН	52,6	24,8	68,7	45,1
ИВР	83,4	40,2	99,8	67,2
САТ	92,0	41,5	124,5	74,3

Для того чтобы понять характер взаимосвязей между приобретением навыка саморегуляции и личностными особенностями испытуемых, мы посчитали необходимым использовать метод корреляционного анализа. Результаты этого анализа продемонстрировали наличие ряда значимых связей между индексами ИН, ИВР, САТ и некоторыми психологическими показателями. Наиболее существенные из выявленных корреляций и их оценка представлены в табл. 5, 6.

Данные зависимости свидетельствуют о наличии важной закономерности, проявляющейся в том, что выраженное преобладание активности симпатического звена нервно-гуморальной регуляции и обусловленные ею высокая чувствительность, сензитивность и возбудимость могут сочетаться

с интровертированной ориентацией психической активности. На это указывают положительные корреляции индекса САТ, вычисленного и для игры «Вира», и для игры «Ралли», со степенью интровертированности, определяемой с помощью типологического опросника ТОП-ЮНИТ (табл. 5, 7).

Т а б л и ц а 5

Взаимосвязь личностных характеристик участников БОС-тренинга с индексом САТ в сессии «Вира» (n = 150)

Показатели	Стремление создать о себе впечатление (методика ДОО)	Интровертированность (методика ТОП-ЮНИТ)	Эмоцион. комфорт (опросник СПА)
САТ	r = 0,163 p = 0,047	r = 0,215 p = 0,009	r = 0,189 p = 0,022

Т а б л и ц а 6

Взаимосвязь личностных характеристик участников БОС-тренинга со значением разницы индексов Каплана (САТ), вычисленных для 1-й и 3-й игр в сессии «Вира» (n = 150)

Показатели	Склонность к планированию (опросник СД)	Склонность ко лжи (опросник СПА)
Разница САТ между 1-й и 3-й игрой	r = 0,196 p = 0,016	r = 0,225 p = 0,006

Т а б л и ц а 7

Взаимосвязь личностных характеристик участников БОС-тренинга с индексом Каплана (САТ) в сессии «Ралли» (n = 150)

Показатели	Интровертированность (методика ТОП-ЮНИТ)	Авторитарность (опросник СПА)	Внутренний контроль (опросник СПА)	Индекс «Осмысленность мира» (шкала БУ)
САТ	r = 0,271 p = 0,001	r = 0,169 p = 0,045	r = 0,229 p = 0,005	r = 0,232 p = 0,004

Т а б л и ц а 8

Взаимосвязь личностных характеристик участников БОС-тренинга с индексом Каплана (САТ) в сессии «Ралли» (n = 150)

Показатели	Коммуникативный потенциал (методика ДОО)	Индекс «Отношение к миру и себе в нем» (шкала БУ)
САТ	r = -0,185 p = 0,024	r = -0,169 p = 0,039

Очевидно, что выявленная закономерность связи между высокой активностью симпатического звена нервно-гуморальной регуляции и интровертированностью является ведущей и, в свою очередь, определяет наличие таких корреляционных связей, как связи индекса САТ с низким коммуникативным потенциалом (табл. 8), со стремлением создавать о себе лучшее впечатление (табл. 5) и со склонностью ко лжи (табл. 6), а также с

высоким внутренним контролем (табл. 7). Все эти психологические характеристики традиционно приписывают интровертам.

С точки зрения концепции интроверсии может быть объяснена и отрицательная корреляция индекса САТ с индексом «отношение к миру и себе в нем» шкалы БУ (табл. 8). Действительно, представляется вполне логичным, что преобладание у человека активности симпатического звена регуляции и обусловленные этим повышенная чувствительность и высокая возбудимость могут сопровождаться накоплением у него негативного жизненного опыта. На основе этого опыта, как правило, с детства могут формироваться базисные убеждения в негативном отношении мира к нему и в «слабости» собственной личности.

Выявленные закономерности, с нашей точки зрения, демонстрируют еще один интересный факт. Из представленных корреляций следует, что у интровертированных типов спортсменов с высокой активностью симпатического звена регуляции может наблюдаться личностная дезинтеграция. Она проявляется в нашем случае в наличии корреляций между индексом САТ и авторитарностью (см. табл. 7), означающей, что высокая активность симпатического звена, которая коррелирует с интровертированностью, сопровождается также повышенной склонностью к авторитаризму. Кроме того, индекс САТ положительно связан с индексом «Осмысленность мира» шкалы БУ (см. табл. 7), что указывает на возможность формирования позитивных убеждений о мире у интровертированных типов людей, которые вместе с тем убеждены в негативном отношении этого мира к ним. К тому же участники тренинга с высокой активностью симпатического звена, будучи вследствие этого высокочувствительными, склонны почему-то демонстрировать высокую степень эмоционального комфорта (см. табл. 5).

Все эти выявленные закономерности, по нашему мнению, свидетельствуют о возможности личностной дисгармонии у лиц с преобладанием активности симпатического звена регуляции. В этой связи можно предположить, что их участие в БОС-тренингах, направленных на приобретение навыков саморегуляции, может в какой-то степени способствовать устранению этой дисгармонии.

Важно обратить внимание на наличие положительной корреляции между разницей в индексах САТ и показателем «склонность к планированию» опросника СД (саморегуляция деятельности) (см. табл. 6). Эта корреляция означает, что навыками саморегуляции легче овладевают те из участников БОС-тренинга, которые отличаются высокой склонностью к планированию деятельности. По-видимому, их рациональное отношение к любой деятельности проявляется и в отношении к игровой процедуре в рамках исследования. «Приняв» для себя условия исследования и инструкцию игры, они, очевидно, со всей своей рациональностью устремляются к достижению значимого результата. Как следствие, именно у них и наблюдается самая существенная динамика в освоении навыков саморегуляции, отражающаяся в снижении индекса САТ к окончанию БОС-тренинга.

Таблица 9

Взаимосвязь личностных характеристик испытуемых с индексом напряжения регуляторных систем ИН в сессии «Вира» (n = 150)

Показатели	Индекс «Осмысленность мира» (шкала БУ)	Индекс психологической безопасности (шкала БУ)	Внутренний контроль (опросник СПА)	Эмоциональный комфорт (опросник СПА)
ИН	$r = 0,213$ $p = 0,009$	$r = -0,184$ $p = 0,024$	$r = 0,194$ $p = 0,018$	$r = 0,187$ $p = 0,022$

Таблица 10

Взаимосвязь личностных характеристик испытуемых с индексом вегетативного равновесия ИВР в сессии «Ралли» (n = 150)

Показатели	Стремление создать о себе впечатление (методика ДОО)	Интровертированность (методика ТОП-ЮНИТ)	Убеждение в позитивности отношения окружающих (шкала БУ)	Эмоциональный комфорт (опросник СПА)
ИВР	$r = 0,217$ $p = 0,008$	$r = 0,213$ $p = 0,009$	$r = -0,186$ $p = 0,023$	$r = 0,295$ $p < 0,001$

Таблица 11

Взаимосвязь личностных характеристик испытуемых с индексом вегетативного равновесия ИВР в сессии «Ралли» (n = 150)

Показатели	Индекс психологической безопасности, шкала БУ	Внутренний контроль, опросник СПА
ИВР	$r = -0,188$ $p = 0,021$	$r = 0,195$ $p = 0,017$

При анализе корреляционных связей индексов Баевского и личностных характеристик спортсменов были выявлены закономерности, которые мало чем отличались от приведенных выше (табл. 9–11).

Так, чем выше показатели индексов Баевского, т.е. чем в большей степени выражено напряжение регуляторных систем (ИН) и в большей степени активирован симпатический отдел вегетативной нервной системы (ИВР), тем сильнее у участников исследования проявляется интровертированная ориентация психической активности. Они отличаются высоким внутренним контролем, убеждены в осмысленности мира, поэтому в первую очередь руководствуются своими мыслями и ощущениями, соответственно, сложно выстраиваются отношения с окружающими людьми, они испытывают недостаток в позитивных отношениях, вероятно, в связи с этим возникает желание приукрашивать себя и создавать о себе хорошее впечатление у окружающих. Тем не менее они не склонны уходить от проблем и в эмоциональном плане чувствуют себя достаточно комфортно.

Вместе с тем следует отметить интересный факт. Индекс психологической безопасности имеет отрицательную взаимосвязь с индексом вегетативно-

го равновесия. Вероятнее всего, это объясняется тем, что люди, склонные к симпатотонии и легко возбуждающиеся под влиянием самых различных факторов, с трудом способны контролировать собственные эмоции и регулировать свое состояние. Даже если они интроверты, то внутри у них «бушует море эмоций», незаметное для неискушенного внешнего наблюдателя. С такой высокой сензитивностью их легко «вывести из себя», поэтому они не склонны испытывать чувство психологической безопасности.

Обсуждение результатов и выводы

Полученные в ходе экспериментально-психологического исследования результаты позволяют сделать ряд обобщающих заключений.

В частности, были получены результаты, отражающие динамику приобретения навыков управления собственным психоэмоциональным состоянием. При этом в качестве прогностического показателя чувствительности испытуемых к стрессорным воздействиям определена активность симпатического звена вегетативной нервной системы.

Все эти выявленные закономерности, по нашему мнению, свидетельствуют о возможности личностной дисгармонии у лиц с преобладанием активности симпатического звена регуляции. В этой связи можно предположить, что их участие в БОС-тренингах, направленных на приобретение навыков саморегуляции, может в какой-то степени способствовать устранению этой дисгармонии.

Литература

1. Куликов Л.В. Проблема описания психических состояний // Психические состояния: хрестоматия. СПб., 2000. С. 11–43.
2. Марищук В.Л., Евдокимов В.И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб. : Сентябрь, 2001. 260 с.
3. Бальсевич В.К. Контуры новой стратегии подготовки спортсменов олимпийского класса // Теория и практика физической культуры. 2001. № 4. С. 54–59.
4. Сафонов В.К. Психология спорта – современные задачи научно-практического обеспечения спортивной деятельности // Национальный психологический журнал. 2012. № 2. С. 71–74.
5. Psychological Bases of Sport Injuries / ed. Pargman D. 3rd edition. Morgantown, WV : Fitness Information Technology. 2007. XXVII, 381 p.: ill.
6. Lucidi F., Pica G., Mallia L., Castrucci E., Manganelli S., Bélanger J.J., Piero A. Running away from stress: How regulatory modes prospectively affect athletes' stress through passion // Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports. 2015. doi: 10.1111/sms.12496.
7. Петров С.В., Несин А.Н., Венжега Р.А, Сасик А.С. Психологическое состояние спортсменов перед основными соревнованиями // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2008. № 6. С. 204–207.
8. Сентябрев Н.Н. Актуальные проблемы управления психофункциональными состояниями в спорте // Теория и практика физической культуры. 2010. № 8. С. 47–51.
9. Suinn R.M. Behavioral intervention for stress management in sports // International Journal of Stress Management. 2005. Vol. 12, № 4. P. 343–362.

10. Seiler R., Wylleman P. FEPSAC's role and position in the past and in the future of sport psychology in Europe // *Psychology of Sport and Exercise*. 2009. Vol. 10, № 4. P. 403.
11. Kunath P. Psychological and sport: a historical review // *Sport psychology in Europe (FEPSAC)*. 2003. P. 20–26.
12. Наенко Н.И. Психическая напряженность. М. : Изд-во МГУ, 1976. 112 с.
13. Мельникова Е.А., Красножен С.В., Темкина О.Е. Реабилитация спортсменов: немедикаментозные методы // *Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта*. 2007. № 11. С. 64–67.
14. Киселев Ю.Я. Психическая готовность спортсмена: пути и средства достижения. М. : Советский спорт, 2009. 276 с.
15. Китаев – Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. Технологии психологии. М. : Академический проект. 2009. 943 с.
16. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М. : Наука, 1981. 215 с.
17. Гора Е.П. О новой медико-биологической парадигме // *Фундаментальные и прикладные проблемы космонавтики*. 2002. № 11. С. 26–30.
18. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2011. 352 с.
19. Психология спорта / А.Н. Веракса и др. М. : Изд-во МГУ, 2011. 424 с.
20. Неймарк М.С. Психологический анализ эмоциональных реакций школьников на трудности в работе // *Вопросы психологии личности школьника*. М., 1961. С. 227–232.
21. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М. : Академия, 2004. 320 с.
22. Krech D., Crutchfield R. Elements of psychology. 3 nd ed. N.Y. : Knopf, 1974. XXIII. 874. XXIX p.: illus.
23. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура (на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств) // *Московский психотерапевтический журнал*. 1999. № 2. С. 61–90.
24. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И.В. Соловьева, Г.Н. Поварова ; под ред. Г.Н. Поварова. 2-е изд. М. : Наука, 1983. 344 с.
25. Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // *Психологический журнал*. 2002. Т. 23, вып. 6. С. 65–84.
26. Селиванов В.И. Актуальные вопросы психологии воли // *Вопросы психологии личности*. Рязань, 1975. Вып. 2. С. 4–26.
27. Иванников В.А., Монроз А.В. Волевая саморегуляция процесса мотивации // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7, № 35. С. 1. URL:<http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.03.2016).
28. Дашкевич О.В. Психическая регуляция деятельности и характер ее субъекта // *Тезисы конференции «Образ в регуляции деятельности» к 90-летию со дня рождения Д.А. Ошанина*. М. : ПИ РАО, 1997.
29. Батурич Н.А. Успех и неудача как механизмы междеятельностной регуляции // *Теоретическая, экспериментальная и прикладная психология : сборник научных трудов*; под ред. Н.А. Батурич. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. 2000. Т. 2. С. 67–77.
30. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 1996. 320 с.
31. Новиков В.В. Социальная психология: Феномен и наука : учеб. пособие. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2003. 344 с.
32. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
33. Вилюнас В.К. Эмпирические характеристики эмоциональной жизни // *Психологический журнал*. 1997. Т. 18, № 3. С. 26–35.
34. Мажирина К.Г., Первушина О.Н., Джафарова О.А. Индивидуальные механизмы саморегуляции: их мобилизация и прогнозирование в условиях, характеризующих

- ся высокой степенью неопределенности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 169–172.
35. Сопов В. Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте : методическое пособие. М., 2010. 120 с.
 36. Водейко Р.И., Мазо Г.Е. Как управлять собой: психофизиологическая саморегуляция. Минск : Народная асвета, 1993. 80 с.
 37. Гринберг Дж.С. Управление стрессом. 7-е изд. СПб. : Питер, 2002. 496 с.
 38. Otcheretnaya K., Gritzenko O., Jafarova O., Putilov A.A. Psychic correlates of the ability to acquire control over emotional stress response with a help of biofeedback relaxation training // 7th Annual Meeting of ECNS (Electroencephalography and Clinical Neuroscience Society), Munich, Germany, 6–10 september 2005. Munich, 2005. P. 211–212.
 39. Пуни А. Ц. Психологические основы волевой подготовки в спорте. Л., 1977. 48 с.
 40. Богомаз С.А., Левицкая Т.Е. Развитие у спортсменов навыков саморегуляции с использованием БОС-технологий // Олимпийский Сочи: Социум. Культура. Личность : материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции, Сочи, 7–9 октября 2010 г. Сочи, 2010. С. 4–11.
 41. Левицкая Т. Е. Развитие навыков саморегуляции у субъектов образовательного процесса с использованием БОС-технологий // Психология обучения, 12. М. : СГУ, 2010. С. 106–118
 42. Kozlova N.V., Levitskaya T.Ye., Atamanova I.V. Personal and Professional Development of Future Entrepreneurs in Higher Educational Settings // Journal of the Worldwide Forum on Education and Culture. 2011. Vol. 3. P. 44–54. URL: <http://www.theworldwideforum.org/resources/WWFEC+Issue+3.pdf>
 43. Чумаков М.В. Эмоционально-волевая регуляция деятельности в социальном взаимодействии : автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. Ярославль, 2007. 47 с.
 44. Вангевич О.А., Донская О.Г., Зубков А.А., Штарк М.Б. Игровое биоуправление и стресс-зависимые состояния // Бюл. СО РАМН. 2004. № 4. С. 53–60.
 45. Kaplan A.Y., Shishkin S.L., Ganin I.P., Basyul I.A., Zhigalov A.Y. Adapting the P300-Based Brain–Computer Interface for Gaming: A Review // IEEE Transactions on Computational Intelligence and AI in Games. 2013. P. 141–149.
 46. Захарова В.В., Роберт Колл, Сохадзе Э.М., Штарк М.Б. Биоуправление: итоги и перспективы развития (аналитико-библиографический обзор) // Биоуправление 2: теория и практика. Новосибирск : ИМБК СО РАМН, 1993. С. 13–19.

Поступила в редакцию 30.03.2016 г.; повторно 15.04.2016 г.; принята 26.04.2016 г.

Сведения об авторах:

ЛЕВИЦКАЯ Татьяна Евгеньевна, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: levic69@mail.ru

БОГОМАЗ Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: bogomazsa@mail.ru

КОЗЛОВА Наталья Викторовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: akme_2003@mail.ru

ЛУЧИДИ Фабио, доктор философии (PhD), профессор кафедры психологии процессов развития и социализации Римского университета Сапиенца (Рим, Италия).

E-mail: fabio.lucidi@uniroma1.it

ТРЕНЬКАЕВА Наталия Анатольевна, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии, Томский государственный университет (Томск, Россия).

E-mail: tna@sibmail.com

ЩЕГЛОВА Элеонора Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, зам. декана по учебной работе, факультет психологии, Томский государственный университет (Томск, Россия).

E-mail: shcheglova@sibmail.com

DEVELOPING SELF-REGULATION SKILLS IN HIGH LEVEL SPORT ATHLETES
Siberian journal of psychology, 2016, 60, 130–147. DOI: 10.17223/17267080/60/10

Levitskaya Tatiana Ye., Bogomaz Sergey A., Kozlova Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: levic69@mail.ru; bogomazsa@mail.ru; akme_2003@mail.ru

Fabio Lucidi Sapienza, University of Rome (Rome, Italia)

E-mail: fabio.lucidi@uniroma1.it

Atamanova Inna V., Trenkaeva Natalia A., Shcheglova Eleonora A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: ivatamanova@gmail.co; tna@sibmail.com; shcheglova@sibmail.com

Keywords: sport-related stress; individual stress level; psychological features of athletes' personality; physiological and psychophysiological reactions; rational self-regulation; bio-feedback games.

The paper addresses the issues of providing medico-psychological support for high level sport athletes. This has been of particular interest with regard to the stress level experienced by these athletes and their self-regulation skills. Domestic and foreign specialists have focused on identifying various possibilities to improve athletes' adaptive resources, optimize their training process and achieve highest results in sports competitions. Self-regulation, considered as a systems phenomenon combining personality-level features and a psychophysiological component, seems to be beneficial to developing one's skills to cope with stress while training as well as competing. The study presented was aimed at exploring self-regulation in high level sport athletes, studying its relationship with their personal characteristics and evaluating dynamics of their physiological indices under biofeedback conditions. The biofeedback mechanism was applied to provide the study participants with some information on their functional state and to develop their self-regulation skills through controlling their physiological parameters while playing computer games *Lift!* and *Rally*. 150 high level sport athletes engaged in various disciplines (basketball, powerlifting and kettlebell lifting) took part in the study. In addition to the study participants' physiological parameters (cardio intervals and reaction time), their psychological characteristics were also evaluated, namely parameters of their personal and communicative potential (ambiguity tolerance, satisfaction with life, hardiness, self-organization of activity, basic beliefs, etc). The physiological parameters registered were used for calculating three indices to be further analyzed: 1) the stress index (SI) characterizing the activity of sympathetic regulation mechanisms; 2) the index of vegetative equilibrium (IVE) that specifies the interrelation between sympathetic and parasympathetic divisions of the autonomous nervous system; and 3) the index of sympathoadrenal tone (ISAT) characterizing one's stress sensitivity. Correlation analysis showed that there were statistically significant relationships between individual psychological characteristics and calculated physiological indices. In particular, there was a positive correlation between introversion and ISAT as well as between the latter and personal traits traditionally attributed to introverts (prone to telling lies, prone to making a better impression, high internal locus of control, low communicative potential, etc). This means that more introverted athletes may be characterized as more stress-sensitive because of the predominant activity of sympathetic division of their autonomous nervous system and highly need to develop their self-regulation skills. Correlation anal-

ysis also revealed a positive relationship between ISAT and the study participants' inclination to self-organization of activity. These athletes showed better outcomes in developing their self-regulation skills through biofeedback computer games.

References

1. Kulikov, L.V. (ed.) (2000) *Psikhicheskie sostoyaniya* [Mental states]. St. Petersburg: Piter. pp. 11-43.
2. Marishchuk, V.L. & Evdokimov, V.I. (2001) *Povedenie i samoregulyatsiya cheloveka v usloviyakh stressa* [Behavior and Human Self-control Under Stress]. St. Petersburg: Sentyabr'.
3. Balsevich, V.K. (2001) Kontury novoy strategii podgotovki sportsmenov olimpiyskogo klassa [The outlines of the new strategy for the preparation of athletes of Olympic class]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 4. pp. 54-59.
4. Safonov, V.K. (2012) Psikhologiya sporta – sovremennye zadachi nauchno-prakticheskogo obespecheniya sportivnoy deyatel'nosti [Sports psychology – modern problems of scientific and practical provision of sporting activities]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*. 2. pp. 71-74.
5. Pargman, D. (ed.) (2007) *Psychological Bases of Sport Injuries*. 3rd edition. Morgantown: Fitness Information Technology.
6. Lucidi, F., Pica, G., Mallia, L., Castrucci, E., Manganelli, S., Bélanger, J.J. & Pierro, A. (2015) Running away from stress: How regulatory modes prospectively affect athletes' stress through passion. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. DOI: 10.1111/sms.12496.
7. Petrov, S.V., Nesin, A.N., Venzhega, R.A. & Sasik, A.S. (2008) Perfection of Coordination Capabilities as a Tool of Forming of The Applied Skills and Abilities at Preparation Students of Educational Establishments of Ministry of Internal Affairs of Ukraine to Professional Activity. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta – Pedagogy, Psychology, and Medico-Biological Problems of Physical Education and Sport*. 6. pp. 204-207. (In Russian).
8. Sentyabrev, N.N. (2010) Aktual'nye problemy upravleniya psikhofuntsional'nymi sostoyaniyami v sporte [Topical problems of management of psychofunctional states in sport]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 8. pp. 47-51.
9. Suinn, R.M. (2008) Behavioral intervention for stress management in sports. *International Journal of Stress Management*. 12(4). pp. 343-362. DOI: 10.1037/1072-5245.12.4.343.
10. Seiler, R. & Wylleman, P. (2009) FEPSAC's role and position in the past and in the future of sport psychology in Europe. *Psychology of Sport and Exercise*. 10(4). p. 403. DOI: 10.1016/j.psychsport.2009.02.009
11. Kunath, P. (2003) Psychological and sport: a historical review. *Sport psychology in Europe (FEPSAC)*. pp. 20-26.
12. Naenko, N.I. (1976) *Psikhicheskaya napryazhennost'* [Psychic tension]. Moscow: Moscow State University.
13. Melnikova, E.A., Krasnozhen, S.V. & Temkina, O.E. (2007) Reabilitatsiya sportsmenov: nemedikamentoznye metody [Rehabilitation of athletes: Non-medical methods]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta – Pedagogy, Psychology, and Medico-Biological Problems of Physical Education and Sport*. 11. pp. 64-67.
14. Kiselev, Yu.Ya. (2009) *Psikhicheskaya gotovnost' sportsmena: puti i sredstva dostizheniya* [Mental Readiness of Athletes: Ways and Means to Achieve]. Moscow: Sovetskiy sport.

15. Kitaev – Smyk, L.A. (2009) *Psikhologiya stressa. Psikhologicheskaya antropologiya stressa. Tekhnologii psikhologii* [Psychology of Stress. Psychological Anthropology of Stress. Psychology of Technology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
16. Simonov, P.V. (1981) *Emotsional'nyy mozg* [The Emotional Brain]. Moscow: Nauka.
17. Gora, E.P. (2002) O novoy mediko-biologicheskoy paradigme [A new biomedical paradigm]. *Fundamental'nye i prikladnye problemy kosmonavtiki*. 11. pp. 26-30.
18. Ilin, E.P. (2011) *Psikhologiya sporta* [Sports Psychology]. St. Petersburg: Piter.
19. Veraksa, A.N. et al. (2011) *Psikhologiya sporta* [Psychology of Sports]. Moscow: Moscow State University.
20. Neumark, M.S. (1961) Psikhologicheskii analiz emotsional'nykh reaktsiy shkol'nikov na trudnosti v rabote [Psychological analysis of emotional reactions of students to the difficulties in their work]. In: Bozhovich, L.I. (ed.) *Voprosy psikhologii lichnosti shkol'nika*. Moscow: RSFSR Academy of Psychology. pp. 227-232.
21. Mitina, L.M. (2004) *Psikhologiya truda i professional'nogo razvitiya uchitelya* [Psychology of work and professional development of teachers]. Moscow: Akademiya.
22. Krech, D. & Crutchfield, R. (1974) *Elements of psychology*. 3rd ed. New York: Knopf.
23. Kholmogorova, A.B. & Garanyan, N.G. (1999) Emotsional'nye rasstroystva i sovremennaya kul'tura (na primere somatoformnykh, depressivnykh i trevozhnykh rasstroystv) [Emotional and modern culture (a case study of somatoform, depressive and anxiety disorders)]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*. 2. pp. 61-90.
24. Wiener, N. (1983) Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz' v zhitovnom i mashine [Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine]. Translated from English by I.V. Solovov & G.N. Povarov. 2nd ed. Moscow: Nauka.
25. Morosanova, V.I. (2002) Lichnostnye aspekty samoregulyatsii proizvol'noy aktivnosti cheloveka [Personal aspects of self-regulation of any human activity]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 23(6). pp. 65-84.
26. Selivanov, V.I. (1975) Aktual'nye voprosy psikhologii voli [Topical issues of psychology of will]. In: *Voprosy psikhologii lichnosti* [The issues of the psychology of personality]. Ryazan. pp. 4-26.
27. Ivannikov, V.A. & Monroz, A.V. (2014) Volitional self-regulation of motivation process. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 7(35). p. 1. [Online] Available from: <http://psystudy.ru>. (Accessed: 25th March 2016). (In Russian).
28. Dashkevich, O.V. (1997) [Mental regulation of activity and the nature of its subject]. *Obraz v regulyatsii deyatel'nosti* [The image in the regulation of activities]. Proc. of the Conference. Moscow: PIRAO. (In Russian).
29. Baturin, N.A. (2000) Uspekhi i neudacha kak mekhanizmy mezhdeyatel'nostnoy regulyatsii [Success and failure as mechanisms of activity regulation]. In: Baturin, N.A. (ed.) *Teoreticheskaya, eksperimental'naya i prikladnaya psikhologiya* [Theoretical, experimental and applied psychology]. Vol. 2. Chelyabinsk: South Urals State University. pp. 67-77.
30. Shadrikov, V.D. (1996) *Psikhologiya deyatel'nosti i sposobnosti cheloveka* [Psychology of Human Activities and Abilities]. 2nd ed. Moscow: Logos.
31. Novikov, V.V. (2003) *Sotsial'naya psikhologiya: Fenomen i nauka* [Social Psychology: The Phenomenon and Science]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
32. Karpov, A.V. (2003) Refleksivnost' kak psikhicheskoe svoystvo i metodika ee diagnostiki [Reflexivity as a mental property and methods of its diagnostics]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 24(5). pp. 45-57.
33. Vilyunas, V.K. (1997) Empiricheskie kharakteristiki emotsional'noy zhizni [Empirical characteristics of the emotional life]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 18(3). pp. 26-35.
34. Mazhirina, K.G., Pervushina, O.N. & Dzhaferova, O.A. (2008) Individual mechanisms of self-regulation: its mobilization and prediction under conditions characterized by high degree of ambiguity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 310. pp. 169-172. (In Russian).

35. Sopov, V.F. (2010) *Teoriya i metodika psikhologicheskoy podgotovki v sovremennom sporte* [Theory and methods of psychological training in modern sport]. Moscow: [s.n.].
36. Vodeyko, R.I. & Mazo, G.E. (1993) *Kak upravlyat' soboy: psikhofiziologicheskaya samoregulyatsiya* [How to manage yourself: Psychophysiological self regulation]. Minsk: Narodnaya asveta.
37. Grinberg, J.S. (2002) *Upravlenie stressom* [Stress Management]. 7th ed. Translated from English by S. Chizhova. St. Petersburg: Piter.
38. Otcheretnaya, K., Gritzenko, O., Jafarova, O. & Putilov, A.A. (2005) Psychic correlates of the ability to acquire control over emotional stress response with a help of biofeedback relaxation training. *7th Annual Meeting of ECNS (Electroencephalography and Clinical Neuroscience Society)*. Munich, Germany. September 6–10, 2005. Munich. pp. 211–212.
39. Puni, A.Ts. (1977) *Psikhologicheskie osnovy volevoy podgotovki v sporte* [Psychological bases of volitional training in sports]. Leningrad.
40. Bogomaz, S.A. & Levitskaya, T.E. (2010) [The development of self-regulation skills of athletes with the use of biofeedback technology]. *Olimpiyskiy Sochi: Sotsium. Kul'tura. Lichnost'* [Olympic Sochi: Society. Culture. Personality]. Proc. of the 3rd All-Russian Research Conference. October 7–9, 2010. Sochi. pp. 4-11. (In Russian).
41. Levitskaya, T.E. (2010) Razvitie navykov samoregulyatsii u sub'ektov obrazovatel'nogo protsessa s ispol'zovaniem BOS-tehnologiy [Development of self-regulation skills in the educational process through biofeedback techniques]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 12. pp. 106-118
42. Kozlova, N.V., Levitskaya, T.Ye. & Atamanova, I.V. (2011) Personal and Professional Development of Future Entrepreneurs in Higher Educational Settings. *Journal of the Worldwide Forum on Education and Culture*. 3. pp. 44-54. [Online] Available from: <http://www.theworldwideforum.org/resources/WWFEC+Issue+3.pdf>.
43. Chumakov, M.V. (2007) *Emotsional'no-volevaya regulyatsiya deyatel'nosti v sotsial'nom vzaimodeystvii* [Emotional and volitional regulation of activities in the social interaction]. Psychology Doc. Diss. Yaroslavl. 2007.
44. Vangrevich, O.A., Donskaya, O.G., Zubkov, A.A. & Shtark, M.B. (2004) Igrovoe bioupravlenie i stress-zavisimye sostoyaniya [Game biofeedback and stress-related conditions]. *Byul. SO RAMN*. 4. pp. 53-60.
45. Kaplan, A.Y., Shishkin, S.L., Ganin, I.P., Basyul, I.A. & Zhigalov, A.Y. (2013) Adapting the P300-Based Brain–Computer Interface for Gaming: A Review. *IEEE Transactions on Computational Intelligence and AI in Games*. pp. 141-149.
46. Zakharova, V.V., Koll, R., Sokhadze, E.M., Shtark, M.B. (1993) Bioupravlenie: itogi i perspektivy razvitiya (analitiko-bibliograficheskiy obzor) [Biofeedback: Results and Prospects (the analytical and bibliographic review)]. In: *Bioupravlenie 2: teoriya i praktika* [Biofeedback 2: Theory and Practice]. Novosibirsk: SB RAMS. pp. 13-19.

Received 30.03.2016;

Revised 15.04.2016;

Accepted 26.04.2016

О.В. Терехина

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет (Томск, Россия)*

Проблема экологического стресса у населения, проживающего в зоне атомного производства

Поднимается проблема переживания экологического стресса у населения, проживающего в условиях техногенно-экологического неблагополучия Сибирского региона (на примере атомного производства). Экологический стресс может проявляться в виде переживания угрозы собственному здоровью и здоровью своих детей, снижения работоспособности и возможностей самореализации, негативного отношения к атомному производству как угрозе для своего будущего, формирования миграционной готовности. Показанные особенности переживания экологического стресса у людей с разными социально-демографическими характеристиками позволяют определить основные задачи психологической профилактики и мишени психологической работы с людьми, проживающими в зоне атомного производства.

Ключевые слова: *экологический стресс; техногенно-экологическое неблагополучие; зона атомного производства; экологический аттитюд; население; социально-демографические характеристики.*

Введение. В последнее время отмечается рост числа территорий с техногенным и экологическим неблагополучием и доли профессионально занятого в таких условиях населения [1, 2], что актуализирует направления исследований в рамках экологической психиатрии и психологии. В исследованиях показаны повышенная, по сравнению с населением России в целом, распространённость различных форм психических заболеваний, их удельный вес и тяжесть, снижение качества жизни у работников атомной, угольной, металлургической, химической промышленности и у лиц, проживающих в условиях риска техногенно-экологического неблагополучия [1, 3–12]. Тем самым для психологической науки актуальными становятся разработка проблемы психологии «экологического стресса», уточнение его роли в сохранении здоровья и благополучия населения.

В литературе данный термин имеет различный смысл. Одни авторы (М. Shaffer, Н.Н. Данилова, G.W. Evans, S.V. Jacobs и др.), говоря об «экологическом стрессе», имеют в виду непосредственное воздействие (физическое и психологическое) на организм человека вредных экологических факторов (например, загрязнение воздуха, шум, запах, температура), которое постепенно истощает адаптационные ресурсы организма [13]. Другие авторы (P.T. Wong, M. Shusterman, Ю.А. Александровский, Е.А. Василенко) говорят об «экологическом стрессе» как об «экологической обеспоко-

енности» или «экотравмирующих переживаниях», имея в виду стресс, возникающий вследствие осознания человеком опасности, связанной с проживанием в экологически загрязненной среде, ожидания опасного воздействия или его последствий, возможного влияния на здоровье [2, 13, 14].

Современное изучение экологического стресса представлено в исследованиях населения территорий, подвергшихся воздействию аварии на ЧАЭС [6, 13], где показано, что неблагоприятные эмоционально-личностные изменения у респондентов связаны с субъективными особенностями восприятия угрозы радиационной опасности. В работе Н.Н. Хашенко указаны особенности реакции на радиационную опасность после аварии на ЧАЭС, которые характеризуются, например, такими симптомами, как нарастание апатии, пассивности, отказ от ответственности за свою судьбу, образ жизни и здоровье при сохраняющемся высоком уровне восприятия радиационной угрозы [15]. Н.В. Тарабрина, Ю.В. Быховец для объяснения психологических последствий воздействия стресса радиационной опасности у ликвидаторов аварии ЧАЭС разработали модель влияния на человека «невидимой травмы», т.е. психогенное воздействие экстремальных условий складывается «не только из прямой, непосредственной угрозы жизни человека, но и опосредствованной, связанной с ожиданием ее реализации» [16].

Помимо исследований последствий аварии на ЧАЭС, переживание угрозы радиационного поражения как «невидимого стрессора» раскрывается в исследованиях военнослужащих, работающих с источниками ионизирующего излучения (ИИИ) [17], и людей, проживающих в 30-километровой зоне атомного производства [18]. В исследованиях И.Н. Гурвича отмечен факт большей обеспокоенности экологической угрозой у тех, кто недавно прибыл на территорию, риска техногенно-экологического неблагополучия, и отрицание этой угрозы у тех, кто проживает там в течение длительного времени [3].

В исследованиях показано, что экологический стресс может играть негативную роль, приводя к появлению психической адаптации, но также и адаптивную роль [13]: позволяет личности дать обобщенную эмоциональную оценку степени опасности экологически неблагополучной ситуации, имеющихся возможностей защиты; индуцирует индивидуальное поведение, направленное на защиту от действия неблагоприятных экологических факторов, – поиск необходимой информации, освоение и использование различных способов защиты своего здоровья в экологически неблагоприятной ситуации или поведение, направленное на выход из этой ситуации; может мобилизовать человека (и группы людей) на общественную и политическую активность, направленную на улучшение экологической ситуации в населенном пункте, регионе.

Е.А. Василенко выделяет факторы, влияющие на интенсивность экологического стресса: демографические, индивидуальные (личностные особенности, установки по отношению к своему здоровью, окружению, экологической среде), групповые (удовлетворенность условиями жизни), ситуационные (особенности экологической ситуации, степень выраженности

воздействия негативных экологических факторов и информированности об особенностях экологической ситуации). Соотношение влияния этих факторов различно в разных условиях экологического неблагополучия и зависит от особенностей социально-экономической и экологической ситуации в населенном пункте [13].

В когнитивных моделях стресса подчеркивается значение процессов восприятия, познания и оценки стрессовой ситуации, а также адаптивных возможностей индивида [19]. Согласно Р. Лазарусу, процесс восприятия и оценки строится на основе имеющейся или поступающей информации о ситуации и его результатом является суждение о степени субъективной опасности (угрозы), которую она несет. Оценки, в свою очередь, не только влияют на характер и силу эмоциональных реакций, но и воздействуют на выбор копинговой стратегии, что позволяет изменить саму ситуацию [19, 20]. Таким образом, важным остается вопрос определения стратегий копинга, которые могут использоваться личностью для того, чтобы уменьшить травмирующее воздействие экологической угрозы. Согласно исследованиям И.Н. Гурвича, у работников предприятий, загрязняющих окружающую среду, часто используемой является стратегия, основанная на отрицании вреда, приносимого их собственным предприятием, отмечена тенденция к недооценке степени экологической опасности в собственном городе, регионе [3]. В исследованиях G.W. Evans и S.V. Jacobs выделены две основные стратегии копинга – стратегия игнорирования (или активно-отрицания) информации об экологической угрозе и стратегия избегания вредных факторов окружающей среды [13]. В работе Н.В. Дворянчикова, Н.В. Стариченко, С.Н. Ениколопова показано, что негативный когнитивный стиль в случае «невидимого» стресса определяет неадекватную оценку ситуации, детерминируя тем самым возникновение эмоционального напряжения в ситуации угрозы и снижение психологической безопасности работающих с ИИИ [17]. Изучение экологического стресса может иметь большое практическое значение, так как исследование структуры данного стресса и его роли в процессе адаптации, изучение влияющих на его интенсивность факторов позволит определить основные мишени и задачи психопрофилактики и медико-психологической помощи людям, проживающим и работающим в условиях техногенно-экологического неблагополучия.

Сибирь является одним из основных промышленных регионов России с большой насыщенностью производств и экологически неблагоприятных условий проживания. В Томской области находятся промышленные производства, связанные с возможными рисками радиоактивного загрязнения окружающей среды. Территория 30-километровой зоны атомного производства испытывает совокупное действие выбросов предприятий, указывая тем самым на проблемы области радиоэкологического характера.

Целью данного исследования является выявление особенностей и интенсивности проявления экологического стресса у людей, проживающих и работающих в условиях риска техногенно-экологического неблагополучия (на примере атомного производства).

Материалы и методы исследования. В исследовании принимали участие люди, проживающие в зоне атомного производства, с различными социально-демографическими характеристиками: работники производства – 127 человек (группа 1), городские жители, проживающие в непосредственной близости к промышленному химическому производству (группа 2), сельские жители (группа 3) и городские жители (группа 4), проживающие в 30-километровой зоне атомного производства, – 128 человек. Возраст респондентов этих групп – от 19 до 64 лет. Группа 5 представлена учениками старших классов общеобразовательных учреждений, расположенных в непосредственной близости к атомному производству, – 66 человек в возрасте 16–18 лет.

В исследовании использовались: адаптированная под задачи исследования методика незаконченных предложений для выявления и раскрытия содержания экологического стресса; адаптированный под задачи исследования опросник выявления экологической установки «Экологический аттитюд» (А.А. Калмыков) с введенной шкалой переживания экологической угрозы. Методика незаконченных предложений включала 9 предложений, которые предлагалось завершить респондентам. Высказывания, завершающие незаконченные предложения, позволяли выявить уровень переживания экологической угрозы для собственного здоровья, здоровья близких людей, защищенности людей, отношение к производству в современных условиях и перспективах его развития, оценку его влияния на будущее, представления о возможности самореализации людей, а также уровень их миграционной готовности. Высказывания респондентов были обработаны методом контент-анализа. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась в статистическом пакете IBM SPSS Statistics 23, использованы частотный и корреляционный (критерий Спирмена) анализ, критерий χ^2 Пирсона для выявления различий.

В методике «Экологический аттитюд» (ЭА) респондентам необходимо выразить свое согласие либо несогласие с 30 предлагаемыми утверждениями. Ответ, совпадающий с ключом, оценивается в 1 балл, не совпадающий – в 0 баллов. Далее баллы суммируются по 4 шкалам, представленным в форме конструкторов с отрицательным и положительным полюсами: шкала «ЭА в отношении к продуктивной деятельности» («Что хочу, то и творю» – «Стараюсь согласовывать свои действия с требованиями сохранения и развития ОС»); шкала «ЭА в отношении к сфере удовлетворения потребностей» («Нужно удовлетворять свои желания независимо от того, принесет ли это пользу или вред» – «Только то, что пойдет на пользу мне и окружающим, составляет предмет моих желаний»); шкала «Осведомленность в оценке современного состояния окружающей природной среды» («У меня нет никаких представлений о загрязненности окружающей среды» – «Я хорошо осведомлен об уровне загрязнений и его причинах»); шкала «Осведомленность в способах разрешения экологических проблем» (Экологическая деятельность бессмысленна, ибо безнадежна, все само собой либо образует, либо погибнет» – «Я представляю себе, в ка-

ком направлении должна двигаться экология»), шкала «Переживание – не-переживание экологической угрозы».

Результаты и обсуждение. Изучение особенностей экологического стресса респондентов в зоне атомного производства осуществлялось на основе контент-анализа высказываний респондентов, завершающих незавершенные предложения. Основанием для типологизации (выделения смысловых категорий) стал частотный анализ семантических единиц текста. В результате выделены смысловые категории, указывающие на особенности переживания угрозы атомного производства.

Таблица 1

Смысловые категории переживания угрозы атомного производства для собственного здоровья и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Угроза здоровью	Отсутствие угрозы здоровью	Безвредно при соблюдении условий безопасности	Затрудняюсь ответить
1	50,4	28	0,8	4
2	61,0	31,0	–	–
3	72,0	22,7	5	–
4	85,0	14,2	–	–
5	26,6	37,1	–	10

В отношении переживания угрозы атомного производства собственному здоровью выделены четыре основные смысловые категории (табл. 1). Как видно из таблицы, переживание угрозы здоровью преобладает у взрослого населения во всех группах и проявляется, например, в том, что респонденты считают, что производство «очень негативно влияет», «вредно», «сказывается плохо», «опасно», «плохо сказывается, но это незаметно», «только вредит». Вместе с тем во всех группах есть респонденты, которые не рассматривают атомное производство как возможную угрозу. Например, они считают, что производство «не представляет особой опасности», «мало влияет», «никак не влияет», «не сделает ничего плохого», «все меры приняты», «не так актуально, как безработица», «как и любое другое производство». Однако в группе учащихся количество высказываний, свидетельствующих об отсутствии переживания угрозы собственному здоровью, больше, чем тех, где встречается указание на угрозу. Так, учащиеся считают, что атомное производство «никак не влияет», «ничем не угрожает», «вполне нормально» и что их здоровье «на отличном уровне». Отдельные респонденты в группах работников и сельских жителей отмечают, что при соблюдении условий безопасности, использовании средств индивидуальной защиты такой угрозы не возникает. Затруднились дать однозначный ответ некоторые работники производства и часть учащихся.

В отношении особенностей людей, проживающих в зоне атомного производства, большинство респондентов всех групп отметили, что они подвергаются отрицательному влиянию атомного производства (табл. 2).

Смысловые категории особенностей людей, проживающих в зоне атомного производства, и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Подвергаются отрицательному влиянию АП	Не отличаются	Отличаются положительными качествами	Должны быть защищены	Не знаю
1	46,4	17,6	9,6	4,8	3,9
2	52,0	27,7	5,5	–	–
3	72,0	–	–	16,0	–
4	100,0	–	–	–	–
5	33,6	22,4	12,8	–	–

Это влияние проявляется в том, что люди «больные и раздражительные», «подвергаются опасности», «боятся умереть», «могут чаще болеть, чем обычно», «больше болеют, раньше умирают», «вредят своему здоровью», «подвергают себя опасности», «получают дозу излучения», «нездоровы, почти все болеют различными заболеваниями», «рискуют здоровьем», «находятся в опасности», «слабее», «страдают определенными заболеваниями», «обречены», «несчастливые люди», «подвержены большому риску онкологических заболеваний», «отравляют свой организм», «психи», «носители радиации», «гибнут», «испытывают стресс». Однако в группах работников и городских жителей, а также старшеклассников, проживающих в непосредственной близости к производству, отмечается, что люди «не отличаются», «такие же, как все», «не хуже других», «страдают не сильнее, чем люди в больших городах, которые вдали от атомного производства», «это обычные люди», «абсолютно нормальные», «особо не рискуют», «здоровы вполне». Помимо этого, в этих группах есть мнение о положительных качествах и возможностях людей: «высокопрофессиональные и трудолюбивые специалисты», «более образованные в данной области», «могут многое себе позволить», «имеют много перспектив», «обеспечены рабочими местами», «довольны своей жизнью, чувствуют себя в безопасности, понимают, что у них есть будущее, полное возможностей». Представители работников и сельских жителей считают, что люди должны получать как государственную поддержку, так и сами быть более ответственными и внимательными к себе, например: «должны быть защищены государством», «должны быть достойны большего», «должны иметь дополнительное медицинское обслуживание и льготы», «должны быть спокойными, оптимистичными, профессионально грамотными», «должны быть внимательны к себе», «должны вести максимально здоровый образ жизни».

Отношение к атомному производству проявляется в основных смысловых категориях (табл. 3). Большинство респондентов во всех группах считают, что оно необходимо и актуально для развития энергетики и страны. Так, например, они полагают, что атомное производство «нужно, несмотря ни на что», «необходимо для развития РФ», «необходимо, так как будущее в энергетике», «это решение проблемы топливного кризиса», «это

одно из важнейших производств», «главный сектор науки», «перспективная отрасль промышленности», «двигатель прогресса», «будущее страны и города Северска», «процветает», «достигла больших результатов», «идет вперед», «развивается», «приносит неплохие деньги», «оправданно экономически», «стабильная работа».

Т а б л и ц а 3

Смысловые категории отношения к атомному производству и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Необходимо и актуально	Вредно и опасно	Не знаю
1	51,2	24,8	2,4
2	69,4	16,6	–
3	66,6	27,7	–
4	60	37	–
5	42	19,6	5

В то же время во всех группах есть респонденты, которые считают, что атомное производство вредно и опасно, что оно «ещё не полностью отвечает критерию безопасности», «загрязняет мир», «наносит большой вред здоровью», «нужно закрывать», «составляет угрозу для тех, кто работает на этом производстве», «должно быть закрыто – в XXI в. нужны экологически чистые способы добычи энергии», «наследие СССР», «хуже, чем раньше», «устарело», «пережитки прошлого», «стоит на месте», «нам не нужно».

В отношении перспектив атомного производства и роли в будущем также получены неоднозначные представления (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Смысловые категории понимания роли атомного производства для будущего людей и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Опасно, вредно	Необходимо и перспективно	Не вредит	Затрудняются ответить	Должно быть безопасным
1	40	14,4	17,6	3,9	4
2	47,0	19,4	8,3	25,0	–
3	55,0	–	–	–	22,0
4	74,0	–	19,4	–	–
5	39,2	11,2	11,2	8,4	2,8

Большинство респондентов во всех группах склонны считать его опасным и вредным как для проживающих рядом, так и для существования человечества. В группах работников, городских жителей, проживающих в непосредственной близости, некоторые респонденты считают его необходимым для обеспечения возможности зарабатывать на жизнь, предоставления рабочих мест, гарантии стабильности, а также полезным и перспективным производством, одним из передовых в мире. Учащиеся также видят атомное производство как «хорошее» и «стабильное место работы» для

себя в будущем. Некоторые респонденты, исключая представителей сельской группы, полагают, что атомное производство ничем не грозит, оно неизбежно и будет наиболее безопасным. Сельские жители, представители работников и учащихся выступают за то, чтобы атомное производство было безопасным для людей, отмечают, что «низкая культура приводит к техногенным катастрофам», «важно соблюдение техники безопасности», «соблюдение соответствующих охранных мер», атомное производство должно быть экологически чистым. Затруднялись дать определенные ответы респонденты в группах работников и городских жителей, проживающих в непосредственной близости к производству.

В отношении оценки работоспособности людей, проживающих в зоне атомного производства, выделены четыре смысловые категории (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Смысловые категории оценки работоспособности людей, проживающих в зоне атомного производства, и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Снижена	Высокая	Не отличается	Зависит от человека	Затрудняются ответить
1	25,6	11,2	37,6	4	2,4
2	27,7	27,7	22,2	–	22,2
3	33	16,6	–	16,6	–
4	54,2	14,28	14,3	–	–
5	16	24,4	32,8	5,8	–

Среди работников мнения в отношении работоспособности разделились следующим образом. Большая часть респондентов считают, что не отличается по сравнению с другими, четверть респондентов считают, что работоспособность снижена, другие (меньший процент) полагают, что она высокая, есть также те, которые считают, что все зависит от самого человека. Большинство учащихся аналогично работникам считают, что работоспособность такая же, как у всех других людей. Многие из них указывают на достаточно высокую работоспособность людей в зоне атомного производства, но есть и те, которые отмечают ее более низкий уровень, а также отдельные респонденты полагают, что работоспособность зависит от самого человека. Мнения о работоспособности городских жителей, проживающих в непосредственной близости к производству, распределились практически поровну, исключение составляет отсутствие ответов категории «зависит от человека». Что касается сельских жителей, то многие считают, что работоспособность снижена, незначительный процент респондентов отмечают возможность высокой работоспособности, а также ее зависимость от человека – «зависит от культуры людей, занимающихся или не занимающихся своим здоровьем и душой», «зависит от экологии, правильного питания, здорового образа жизни».

В отношении переживания взрослым населением угрозы влияния атомного производства на детей были выделены смысловые категории (табл. 6). Респондентам группы 5 данный вопрос не задавался.

Смысловые категории переживания угрозы атомного производства в отношении детей и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Нет угрозы	Переживание угрозы	Создать условия для безопасности	Не будут здесь жить	Нет детей	Нет детей из-за АЭС	Затрудняются ответить
1	14,4	17,6	12,8	8,8	11,2	1,6	3,2
2	33,3	16,6	8,3	–	–	–	41,6
3	50	–	27,7	–	–	–	–
4	37,0	–	–	48,5	–	–	–

Как видно из таблицы, во всех группах есть респонденты, которые не рассматривают атомное производство как угрозу их детям. На реальное переживание угрозы указывают респонденты в группах работников и городских жителей, проживающих в непосредственной близости к атомному производству. Большинство респондентов в группе сельских жителей не рассматривают наличие атомного производства как угрозу своим детям. Половина из них считают, что «ничем страшным атомное производство для моих детей не грозит». В то же время другая часть респондентов высказывается за необходимость создавать условия для безопасности детей. В этой позиции их поддерживают отдельные респонденты групп работников и городских жителей, проживающих в непосредственной близости к производству. Они считают, что «имеют права на льготы для себя и своих детей в связи с вредными условиями проживания», «государство должно, обязано повысить уровень медицинского обслуживания», «моя задача воспитать душевно уравновешенного, оптимистичного и умного человека, умеющего жить в обстоятельствах, а не бояться их», «должны быть организованы летний отдых и лечение за счет производства», «нужно больше времени уделять здоровью ребенка и нахождению его в экологически чистом пространстве».

Наибольший процент ответов городских жителей, проживающих в непосредственной близости к производству, приходится на смысловую категорию «Затрудняюсь ответить». Наибольшее количество высказываний городских жителей 30-километровой зоны приходится на смысловую категорию «Не будут здесь жить», например: «нужно переезжать в более безопасное и интересное место», «мой ребенок свяжет жизнь с другим родом деятельности», «мои дети достойны лучшего», «их надо удалить от города», «надо оградить от загрязнения, подальше от атомной промышленности». У работников производства ответы распределились по всем выявленным основным смысловым категориям. Среди них есть те, которые переживают угрозу в отношении здоровья и жизни своих детей, не видят в этом угрозы, предлагают меры по созданию условий безопасности и государственной поддержки для детей, считают необходимым покинуть этот регион, указывают на их отсутствие у них и затрудняются дать однозначный ответ.

Представление респондентов о возможности самореализации как важного условия и показателя стрессоустойчивости человека получено через

анализ смысловых категорий, выделенных в высказываниях, завершающих соответствующее незаконченное предложение (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

**Смысловые категории переживания угрозы атомного производства
в отношении возможности самореализации и частота их встречаемости
в группах респондентов, %**

Группа	Высокая и реальная	Ограничены	Такая же, как у других	Зависит от человека	Затрудняюсь ответить
1	40,8	16	12,8	1,6	4,8
2	55,5	13,8	–	–	30,5
3	16,6	22	38,8	–	–
4	11,4	25,7	40,0	8,5	–
5	22,6	33,6	10	11,2	2,8

Большинство респондентов в группах работников и городских жителей, проживающих в непосредственной близости к производству, оценивают возможности самореализации в профессиональной, семейной, досуговой, творческой деятельности в условиях проживания в зоне атомного производства реально и высоко. Многие из них считают, что «вполне реально воплотить в жизнь, если очень постараться», «больше из-за большего финансирования», «существуют, было бы здоровье», «достаточно», «хорошие», «безграничны», «нормальные». В группах сельских жителей и городских жителей 30-километровой зоны большинство респондентов отмечают, что возможности самореализации такие же, как и у других. В этих же группах достаточно высокий процент респондентов указывает на ограниченные возможности самореализации, что проявляется, например, в следующем: «никакие, город разваливается», «намного меньше, так как закрытый город», «эти возможности более осуществимы в крупных и красивых городах», «резко снижены, так как мозговая активность низкая», «нет роста», «очень мало или совсем нет», «сужены», «труднодостижимы». Самореализация в зоне атомного производства, по мнению учащихся, «мала», «отсутствует» и «невозможна». Однако есть и те, для кого самореализация представляется «вполне возможной» и «хорошей», «зависит от рода деятельности» и «желания самого человека». Незначительный процент респондентов в группах работников и городских жителей 30-километровой зоны связывают возможности самореализации с самим человеком, которая «зависит от желания самого человека», «личной активности». Треть респондентов группы городских жителей, проживающих в непосредственной близости к производству, затруднились дать определенный ответ.

Высказывания, завершающие предложения в отношении того, как бы изменились возможности их самореализации при смене места жительства вне атомного производства, показали, что для большинства респондентов групп взрослого населения они бы не изменились (табл. 8). Для учащихся в большинстве случаев при смене места жительства вдали от атомного производства возможности бы «гораздо расширились», у них

«получится достичь своих целей» и «откроется больше перспектив». В то же время и среди взрослого населения достаточно большой процент респондентов указывают на увеличение возможностей. Некоторые респонденты в группах работников и сельских жителей, наоборот, считают, что возможности были ограничены. Четверть респондентов группы городских жителей и некоторые старшеклассники, проживающие в непосредственной близости к производству, затруднились дать определенный ответ.

Таблица 8

Смысловые категории представлений о своих потенциальных возможностях при условии проживания вне зоны атомного производства и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Не изменились	Расширились	Ограничились	Затрудняюсь ответить
1	39,2	24,8	15	3,1
2	36,0	33,3	–	25,0
3	44,0	22,0	11	–
4	51,0	37,0	–	–
5	5,8	65,6	–	5

В отношении миграционной готовности (проживать вне зоны атомного производства) в высказываниях респондентов (табл. 9) наиболее часто встречаемой оказалась категория «готовы сменить место жительства вне зоны атомного производства» во всех группах. Наибольший процент желающих в группе городских жителей 30-километровой зоны. Наряду с этим во всех группах есть респонденты, не желающие этой смены, наибольший процент также приходится на городских жителей 30-километровой зоны. Респондентов, которые затрудняются дать однозначный ответ, больше встречается в группе городских жителей, проживающих в непосредственной близости к производству. Большинство учащихся считают, что, воспользовавшись возможностью сменить место жительства, им «будет лучше», «они с радостью воспользуются этой возможностью», «будут счастливы» и «не вернутся обратно». В то же время некоторые учащиеся отказались бы сменить место жительства, потому что «будут скучать по родным», «не могут уехать от семьи», «боятся за близких, которые останутся».

Таким образом, были выделены основные смыслы, характеризующие переживания респондентов различных социально-демографических групп, проживающих в условиях атомного производства, в отношении восприятия техногенно-экологической угрозы как проявления экологического стресса. Установлено, что экологический стресс может проявляться в виде переживания угрозы собственному здоровью и здоровью своих детей, снижения работоспособности и возможностей самореализации, негативно-го отношения к атомному производству для своего будущего, формирования миграционной готовности. В то же время есть люди, которые устойчивы к экологическому стрессу, что выражается в отсутствии переживания опасности атомного производства и готовности сменить место жительства, понимании необходимости и актуальности атомного производства для раз-

вития страны и города, достаточно высокой работоспособности в условиях проживания и нахождения возможностей для самореализации.

Т а б л и ц а 9

Смысловые категории миграционной готовности респондентов и частота их встречаемости в группах респондентов, %

Группа	Готовы сменить место жительства	Отказались сменить место жительства	Затрудняются ответить
1	55,3	11,2	11,2
2	55,0	19,4	25,0
3	44,0	22,0	10,0
4	62,8	31,4	–
5	58,4	19,2	8,6

Для выявления различий между группами в выраженности экологического стресса как переживания техногенно-экологической угрозы использовался критерий χ^2 Пирсона. Значимые различия обнаружены между группами 2 и 5 по показателям переживания угрозы атомного производства для возможностей самореализации в профессиональной, семейной, досуговой, творческой деятельности ($\chi^2 = 7,20$, $p \leq 0,05$) и представлений о своих потенциальных возможностях при условии проживания вне зоны атомного производства ($\chi^2 = 8,65$, $p \leq 0,05$). Таким образом, у учащихся на значимом уровне сильнее выражено переживание угрозы их возможностям самореализации в зоне атомного производства и преобладание представлений о расширении потенциальных возможностей при смене места жительства вдали от производства, чем у взрослых жителей, проживающих в непосредственной близости к атомным предприятиям, что может быть обусловлено планами на взрослую жизнь и опасением за свое будущее у учащихся. Значимые различия обнаружены между группами 3 и 4 по показателю переживания миграционной готовности ($\chi^2 = 8,94$, $p \leq 0,05$), т.е. городские жители 30-километровой зоны атомного производства в отличие от сельских жителей, проживающих примерно в такой же отдаленности от производства, проявляют значительно большую готовность к смене места жительства. Обнаруженные значимые различия между группами 1 и 2 в переживании угрозы атомного производства в отношении детей ($\chi^2 = 6,65$, $p \leq 0,05$) указывают, что работники атомной промышленности значительно сильнее переживают за благополучие детей, чем жители территории, расположенной в непосредственной близости к производству.

Для уточнения характера экологического стресса использовалась анкета на выявление экологической установки учащихся и респондентов, работающих на предприятиях с риском техногенно-экологического неблагополучия. Полученные данные позволяют определить субъективную ценностную ориентацию личности на то или иное отношение к окружающей среде, раскрывающуюся в процессе регуляции деятельности. Введенная в анкету шкала переживания экологической угрозы позволила выявить уровень переживания экологического стресса.

Средние значения показателей экологического аттитюда (ЭА)
и переживания экологической угрозы в группах 1 и 5

Показатели	Группа 1	Группа 5	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
ЭА в отношении к продуктивной деятельности	5,31	4,97	0–3	3–6	6–8
ЭА в отношении к сфере удовлетворения потребностей	4,39	4,06	0–2	2–4	4–6
Осведомленность в оценке современного состояния окружающей природной среды	1,65	1,72	0–1	1–2	2–3
Осведомленность в способах разрешения экологических проблем	2,91	3,14	0–1,3	1,3–2,6	2,6–4
Экологическая угроза	5,52	5,89	0–4	4–8	8–12

Согласно полученным результатам (табл. 10) в субъективной ориентации респондентов обеих групп преобладают осведомленность в способах разрешения экологических проблем, т.е. они ясно представляют себе, в каком направлении должна двигаться экология, и направленность предмета собственных желаний только то, что пойдет на пользу им самим, окружающим людям и среде. Также многие респонденты стараются согласовывать свои действия с требованиями сохранения и развития окружающей среды. Менее выраженным показателем экологической установки является осведомленность об уровне загрязнений и его причинах. При этом у учащихся и респондентов, работающих на атомном производстве, показатель переживания экологической угрозы выражен на среднем уровне (опасаются употреблять в пищу выращенные на территории овощи, фрукты, грибы, травы, дышать воздухом, не верят в возможности защиты природы от вредного влияния производства и т.д.). Статистически значимых различий по показателям экологической установки и переживанию экологической угрозы между группой 1 и группой 5 не выявлено.

Для определения взаимосвязи экологической установки и интенсивности экологического стресса был использован метод корреляционного анализа (критерий Спирмена) (табл. 11). Интенсивность экологического стресса как общий индекс переживания угрозы определялась по сумме баллов, отражающих наличие переживания угрозы в высказываниях респондентов, а также показателей введенной в опросник «Экологический аттитюд» шкалы переживания экологической угрозы. Обнаруженная в группе работников атомного производства прямая взаимосвязь ($r = 0,293$; $p = 0,002$) интенсивности экологического стресса с показателем осведомленности в оценке современного состояния окружающей природной среды указывает на возрастание переживания экологического стресса при увели-

чении осведомленности респондентов об уровне загрязнений и его причинах в результате деятельности предприятий атомной промышленности, на которых они профессионально заняты.

Т а б л и ц а 11

Результаты корреляционного анализа показателей экологического аттитюда (ЭА) и интенсивности экологического стресса в группе 1

Показатели		Интенсивность экологического стресса
ЭА в отношении к продуктивной деятельности	Коэффициент корреляции	-,028
	Значимость	,777
ЭА в отношении к сфере удовлетворения потребностей	Коэффициент корреляции	-,166
	Значимость	,087
Осведомленность в оценке современного состояния окружающей природной среды	Коэффициент корреляции	,293**
	Значимость	,002
Осведомленность в способах разрешения экологических проблем	Коэффициент корреляции	-,079
	Значимость	,415

Значимых корреляционных связей показателей экологической установки и интенсивности экологического стресса в группе 5 выявлено не было. Таким образом, субъективная ориентация учащихся на отношение к окружающей среде не взаимосвязана с интенсивностью переживания ими экологического стресса.

Выводы. В результате исследования выявлены особенности и интенсивность переживания экологического стресса у людей с различными социально-демографическими характеристиками в условиях риска техногенно-экологического неблагополучия (на примере атомного производства) Сибирского региона.

Установлено, что экологический стресс может проявляться в виде переживания угрозы собственному здоровью и здоровью своих детей, снижения работоспособности и возможностей самореализации, негативного отношения к атомному производству для своего будущего, формирования миграционной готовности. В то же время есть люди, которые устойчивы к экологическому стрессу, что выражается в отсутствии переживания опасности атомного производства и готовности сменить место жительства, понимании необходимости и актуальности атомного производства для развития страны и города, достаточно высокой работоспособности в условиях проживания и нахождении возможностей для самореализации.

Выявлено, что учащиеся, проживающие в непосредственной зоне атомного производства, сильнее переживают угрозу возможности самореализации и полагают, что их возможности расширятся вне зоны атомного

производства; миграционная готовность сильнее выражена у городского населения 30-километровой зоны атомного производства; работники атомной промышленности значительно сильнее переживают за здоровье и благополучие детей. Показано, что переживание экологического стресса у работников атомного производства возрастает при увеличении их осведомленности о том, насколько сильно производство, в котором они профессионально заняты, загрязняет окружающую среду.

Выявленные особенности переживания экологического стресса позволяют определить основные задачи психологической профилактики и мишени психологической работы с людьми с различными социально-демографическими характеристиками в условиях риска техногенно-экологического неблагополучия.

Литература

1. Оруджев Н.Я., Осадший Ю.Ю. Влияние антропогенного загрязнения окружающей среды на психическое здоровье жителей Волгограда // Вестник новых медицинских технологий. 2010. № 1. С. 83–85.
2. Панов В.И. Экологическая психология, экпсихология развития, экпсихологические взаимодействия // Экпсихологические исследования-2: к 15-летию лаборатории экпсихологии развития / под ред. В.И. Панова. М. : УРАО «Психологический институт» ; СПб. : Нестор-История, 2011. С. 6–23.
3. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 1023 с.
4. Зорохович И.И., Зарубина Н.Г., Лопатин А.А., Люлина И.Л., Кирина Ю.Ю., Селедцов А.М. Раннее выявление и профилактика наркологических расстройств у работников угледобывающих и горно-рудных предприятий Кузбасса // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 3. С. 63–67.
5. Максимов А.В. Распространенность, клиника и профилактика психических расстройств в районах с различным экологическим состоянием (на материалах г. Липецка) : дис. ... канд. мед. наук. М., 2006.
6. Мельницкая Т.Б., Бельх Т.В. Оценка стресс-факторов жизнедеятельности в зависимости от особенностей восприятия информации о риске радиационного воздействия населением на радиоактивно загрязненных территориях // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.12.2015).
7. Семке В.Я., Бохан Т.Г., Богомаз С.А. Психологическая безопасность в структуре психического здоровья населения, проживающего в условиях риска техногенно-экологической угрозы // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 1. С. 57–62.
8. Zullig K., Hendryx M. A Comparative Analysis of Health-Related Quality of Life for Residents of U.S. Counties with and without Coal Mining. Public Health Reports, 2010. Vol. 125. P. 548–555.
9. Bromet E.J. Emotional Consequences of Nuclear Power Plant Disasters // Health Physics. 2014. № 106(2). P. 206–210.
10. Рудницкий В.А. Клинические особенности непсихотических психических расстройств у пациентов, подвергшихся воздействию малых доз радиации // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. Вып. 5(56). С. 97–99.
11. Балашов П.П., Буйков В.А., Колмогорова В.В., Буртовая Е.Ю. Клинические варианты органических расстройств с депрессивными проявлениями у облученного

- населения в зоне радиационных аварий на Южном Урале // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. № 3(54). С. 92–93.
12. Колмогорова В.В., Полецкий В.М. Возрастные аспекты проявлений тревожности у пожилых жителей экологически неблагоприятных регионов Южного Урала // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2015. № 2, т. 8. С. 106–111.
 13. Василенко Е.А. К вопросу о функциях экологического стресса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 126–130.
 14. Wong P.T. Effective management of life stress. The resource-congruence model // Stress Medicine. 1993. Vol. 9, № 1. P. 51–60.
 15. Хащенко Н.Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след) : дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 190 с.
 16. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Современное состояние психологических исследований террористической угрозы // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 5. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 20.01.2016).
 17. Дворянчиков Н.В., Стариченко Н.В., Ениколопов С.Н. Особенности восприятия и переживания «невидимого» стресса военнослужащими, работающими с источниками ионизирующих излучений // Журнал практического психолога. 2005. № 1. С. 49–63.
 18. Бохан Т.Г., Богомаз С.А., Непомнящая В.А. Психологическая готовность жителей 30-километровой зоны атомного производства к управлению «невидимым» стрессом // Сибирский психологический журнал. 2008. Вып. 28. С. 75–81.
 19. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
 20. Lazarus R.S. Psychological stress in the workplace // J. of Social Behavior and Personality. 1991. Vol. 6, № 7. P. 1–13.

Поступила в редакцию 15.03.2016 г.; принята 26.04.2016 г.

ТЕРЕХИНА Ольга Владимировна, аспирант кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия).
E-mail: doterekhina@mail.ru

THE PROBLEM OF ECOLOGICAL STRESS AMONG THE POPULATION LIVING IN THE AREA OF NUCLEAR PRODUCTION

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 148–165. DOI: 10.17223/17267080/60/11

Terekhina Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: doterekhina@mail.ru

Keywords: ecological stress; technogenic and ecological ill-being; the area of nuclear production; ecological attitude; population; socio-demographic characteristics.

Recently the number of territories suffering from technogenic and ecological ill-being and the number of professionals working in such conditions has been increasing. It actualizes the research of "ecological stress", which is caused by man's awareness of the dangers associated with living in polluted environment, expectations of harmful effects or its consequences, its possible impact on health. Siberia is one of the main industrial regions of Russia; there is industrial production associated with possible risk of radioactive contamination.

The aim of the study is to determine the characteristics and intensity of ecological stress among people living and working in the conditions of technogenic and ecological ill-being risk (on the example of nuclear production). The study involved people living in the area of

nuclear production with different socio-demographic characteristics: production workers, citizens living close to nuclear plants, rural residents and urban residents living in 30-km zone of nuclear plants, pupils who study at schools situated close to nuclear plants. The following methods were adapted to the study: the method of unfinished sentences for identifying and disclosing the content of ecological stress; the questionnaire "Environmental attitude" for identifying the ecological setting (Kalmykov A. A.) with the scale of ecological threats experiences.

It was found that ecological stress may manifest as feelings of threat to own health and the health of children, reduced work capacity and opportunities of self-fulfillment, negative attitudes towards nuclear production for the future, and readiness for migration. At the same time there are people who are resistant to ecological stress, they don't feel dangers of nuclear production and they aren't willing to move away, they understand the need and relevance of nuclear production for the country and city development, and they demonstrate rather high working efficiency and capacity of finding opportunities for self-fulfillment under conditions of their living.

Special aspects of ecological stress experience revealed that pupils living in the immediate area of nuclear production are experiencing a stronger threat to self-fulfillment opportunities and believe that their opportunities will expand outside the area of nuclear industry; migration readiness is more pronounced among urban population of 30-km zone of nuclear plants; workers of nuclear industry worry much stronger about the health and welfare of their children. The experience of ecological stress among the workers of nuclear plants increases with the growth of their awareness in how much the production in which they are professionally engaged pollute the environment.

Revealed features of experiencing the environmental stress allow us determining the main tasks of psychological prevention and the targets of psychological work with people with different socio-demographic characteristics living under conditions of technogenic and ecological problems risk.

References

1. Orudzhev, N.Ya. & Osadshiy, Yu.Yu. (2010) Vliyanie antropogennogo zagryazneniya okruzhayushchey sredy na psikhicheskoe zdorov'e zhiteley Volgograda [The impact of anthropogenic pollution on the mental health of Volgograd residents]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy – Journal of New Medical Technologies*. 1. pp. 83-85.
2. Panov, V.I. (2011) Ekologicheskaya psikhologiya, ekopsikhologiya razvitiya, ekopsikhologicheskie vzaimodeystviya [Environmental Psychology, ecopsychology of development and ecopsychological interaction]. In: Panov, V.I. (ed.) *Ekopsikhologicheskie issledovaniya-2* [Ecopsychological studies]. Moscow: Psikhologicheskii institut; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 6-23.
3. Gurvich, I.N. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya* [Social psychology of Health]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Zorokhovich, I.I., Zarubina, N.G., Lopatin, A.A., Lyulina, I.L., Kirina, Yu.Yu. & Seledtsov, A.M. (2015) Early detection and prevention of substance use disorders in workers of coal mining enterprises of Kuzbass. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction psychiatry*. 3. pp. 63-67. (In Russian).
5. Maksimov, A.V. (2006) *Rasprostranennost', klinika i profilaktika psikhicheskikh rasstroystv v rayonakh s razlichnym ekologicheskim sostoyaniem (na materialakh g. Lipetska)* [Prevalence, clinic and prevention of mental disorders in areas with different ecological state (a case study of Lipetsk)]. Medicine Cand. Diss. Moscow.
6. Melnitskaya, T.B. & Belykh, T.V. (2014) Assessment of stress factors of life depending on the features of perception of information about the risk of radiation exposure in people living in radioactively contaminated territories. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 7(34). pp. 2. [Online] Available from: <http://psystudy.ru>. (Accessed: 1st December 2015). (In Russian).

7. Semke, V.Ya., Bokhan, T.G. & Bogomaz, S.A. (2011) Psychological safety in structure of mental health of the population living under conditions of technogenic-ecological threat. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction psychiatry*. 1. pp. 57-62. (In Russian).
8. Zullig, K. & Hendryx, M. (2010) A Comparative Analysis of Health-Related Quality of Life for Residents of U.S. Counties with and without Coal Mining. *Public Health Reports*. 125. pp. 548-555.
9. Bromet, E.J. (2014) Emotional Consequences of Nuclear Power Plant Disasters. *Health Physics*. 106(2). pp. 206-210. DOI: 10.1097/HP.000000000000012
10. Rudnitskiy, V.A. (2009) Klinicheskie osobennosti nepsikhoticheskikh psikhicheskikh rasstroystv u patsientov, podvergnutyykh vozdeystviyu malykh doz radiatsii [Clinical features of non-psychotic mental disorders in patients exposed to small doses of radiation]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction psychiatry*. 5(56). pp. 97-99.
11. Balashov, P.P., Buykov, V.A., Kolmogorova, V.V. & Burtovaya, E.Yu. (2009) Astheno-vegetative presentations in late period of tick-borne borreliosis. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction psychiatry*. 3(54). pp. 92-93. (In Russian).
12. Kolmogorova, V.V. & Poletskiy, V.M. (2015) Clinique-psychological features reactive and personal anxiety in residents over mature and old age, living a long time ecologically unfavorable regions of the Southern Urals. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of the South Ural Bulletin of Psychology*. 2(8). pp. 106-111. (In Russian).
13. Vasilenko, E.A. (2015) On the problem of the environmental stress functions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 9. pp. 126-130. (In Russian).
14. Wong, P.T. (1993) Effective management of life stress. The resource-congruence model. *Stress Medicine*. 9(1). pp. 51-60. DOI: 10.1002/smi.2460090110
15. Khashchenko, N.N. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskie faktory zhiznedeyatel'nosti lichnosti na ekologicheski neblagopriyatnykh territoriyakh (Chernobyl'skiy sled)* [Socio-psychological factors of the person's life in the ecologically unfavorable areas (the Chernobyl trace)]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
16. Tarabrina, N.V. & Bykhovets, Yu.V. (2011) Sovremennoe sostoyanie psikhologicheskikh issledovaniy terroristicheskoy ugrozy [The current state of psychological investigations of the terrorist threat]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 5. [Online] Available from: <http://medpsy.ru>. (Accessed: 20th January 2016).
17. Dvoryanchikov, N.V., Starichenko, N.V. & Enikolopov, S.N. (2005) Osobennosti vospriyatiya i perezhivaniya “nevidimogo” stressa voennosluzhashchimi, rabotayushchimi s istochnikami ioniziruyushchikh izlucheniy [Features of perception and experience of the “invisible” stress by the soldiers working with sources of ionizing radiation]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*. 1. pp. 49-63.
18. Bokhan, T.G., Bogomaz, S.A. & Nepomnyashchaya, V.A. (2008) Psikhologicheskaya gotovnost' zhiteley 30-kilometrovoy zony atomnogo proizvodstva k upravleniyu “nevidimym” stressom [Psychological readiness of residents of the 30-kilometer zone of the nuclear production to manage the “invisible” psychological stress]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 28. pp. 75-81.
19. Bodrov, V.A. (2006) *Psikhologicheskiy stress: razvitie i preodolenie* [Psychological stress: Development and overcoming]. Moscow: PER SE.
20. Lazarus, R.S. (1991) Psychological stress in the workplace. *Journal of Social Behavior and Personality*. 6(7). pp. 1-13.

Received 15.03.2016;

Accepted 26.04.2016

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 151.8

DOI: 10.17223/17267080/60/12

Н.В. Сиврикова, Д.Ю. Бережная

*Челябинский государственный педагогический университет
(Челябинск, Россия)*

Взаимосвязь ценностей со стилем медиапотребления студентов

Исследование выполнено при финансовой поддержке Челябинского государственного педагогического университета и Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева (заявка № 03-08-2015 победитель в конкурсе на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию).

Актуальность работы определяется важностью изучения психологии молодого поколения, с одной стороны, и необходимостью оценки результатов трансформации ценностей под влиянием медиапотребления – с другой. В результате сравнительного анализа было установлено, что мотивацию медиапотребления, степень вовлеченности в медиaprостранство и выбор медиасредств определяют значимость, доступность терминальных ценностей и уровень внутриличностного конфликта нереализованности различных желаний.

Ключевые слова: *ценность; ценностные ориентации студентов; внутриличностный конфликт; юношеский возраст; конфликт нереализованности желаний; социальная фрустрация; ролевой конфликт.*

На современном этапе развития общества исследователи отмечают стремительные изменения условий жизни человека. Меняется социальное, политическое, информационное пространство. Это приводит к трансформации личности современного человека, его мировоззрения, взглядов, ценностей. Перед психологами стоит трудная задача изучения того влияния, которое оказывает медиапотребление на личность современного человека.

С нашей точки зрения, актуальность изучения проблемы взаимосвязи ценностных ориентаций и особенностей медиапотребления студентов продиктована рядом причин:

1. Студенчество несет в себе потенциальную энергию дальнейшего развития, и, следовательно, его ценности будут определять ценностное сознание всего общества, образ будущего России.

2. В связи со значительной трансформацией главных ценностных представлений, происходящей под влиянием медиапрайминга, и отсутствием знания безопасного медиапотребления, усложняется процесс цен-

ностного самоопределения личности студента, что ведёт к неустойчивости и разнородности её ценностного сознания.

Юношеский возраст является сензитивным периодом для формирования ценностных ориентаций как устойчивого свойства личности, способствующего становлению мировоззрения. Отличительной особенностью возраста становится резкое усиление саморефлексии, т.е. стремления к самопознанию своей личности, к оценке ее возможностей и способностей, выбору своего пути в жизни [1].

Проблема изучения ценностных ориентаций как системы моральных и социальных установок, определяющих отношение человека к действительности, является одной из ключевых в современной науке. Доказательством тому служит то, что в РИНЦ за последние пять лет отечественными учеными опубликованы 1 778 научных работ, посвященных ценностным ориентациям студентов. В них непосредственным образом затрагиваются вопросы, связанные со структурой ценностных ориентаций современных студентов, отмечается, что эти психологические образования представляют собой взаимосвязанную систему ценностей, влияющих друг на друга. Исследователи приходят к выводу, что в иерархии ценностных ориентаций молодежи доминируют «семья», «дружба», «любовь», «здоровье», «работа» и «материальное обеспечение» [2].

Большое число научных работ посвящены формированию ценностных ориентаций у студентов (С.А. Якимчук [3], А.Н. Мушкирова [4], Г.Р. Павленко [5] и др.).

В настоящее время особенность изучения ценностей заключается в рассмотрении их во взаимосвязи с другими психологическими явлениями: жизнестойкостью [6], характером деятельности [7–10], структурой субъектности [11] и т.д. Современные исследователи изучают смысложизненные [12], семейные [13], профессиональные [14], трудовые [15], нравственные [16], ценности здорового образа жизни [17] и др. Это свидетельствует о том, что изучение ценностей носит не только теоретический, но и прикладной характер.

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязей ценностей и особенностей медиапотребления студентов.

Материалы и методики исследования

Базой нашего исследования выступил Челябинский государственный педагогический университет (исторический факультет и факультет социального образования). Экспериментальная выборка состояла из студентов 1–3-го курсов. Объем выборки составил 187 человек.

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики: 1. «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой. 2. «Индивидуальный стиль медиапотребления» (Ю.Н. Долгов и др.). 3. Личностный опросник МСИА «Мотивационная структура информационной активности» (Ю.Н. Долгов и др.).

Математическая обработка данных проводилась с помощью компьютерной программы анализа данных IBM SPSS Statistics 22.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования выявлялись иерархия ценностей, а также степень их доступности для студентов. Для этого вычислялись средние значения по выборке (табл. 1).

Результаты исследования согласуются с данными, полученными нами в других исследованиях [13], а также другими авторами [7, 18, 19], что косвенным образом подтверждает надежность и валидность результатов.

Более всего для участников исследования значимы такие ценности, как «здоровье», «любовь», «семья» и «дружба». К числу наименее значимых в исследуемой выборке были отнесены «красота», «творчество», «свобода». На наш взгляд, подобная картина обусловлена, с одной стороны, возрастными задачами данного этапа развития, требующими от молодых людей достижения интимности. С другой стороны, ценность здоровья для молодежи можно объяснить теми усилиями и программами государства, которые направлены на формирование здорового образа жизни граждан.

Таблица 1

Иерархия значимости и доступности терминальных ценностей студентов

Значимость			Доступность		
Ценность	Среднее	Ранг	Ценность	Среднее	Ранг
Здоровье	4,47	1	Активная жизнь	4,53	1
Любовь	4,54	2	Друзья	5,05	2
Семья	4,77	3	Познание	5,09	3
Друзья	5,47	4	Здоровье	5,65	4
Уверенность	5,51	5	Любовь	5,95	5
Активная жизнь	6,55	6	Творчество	6,36	6
Материальное обеспечение	6,80	7	Уверенность	6,83	7
Интересная работа	6,81	8	Семья	7,08	8
Познание	7,00	9	Свобода	7,36	9
Свобода	7,53	10	Красота	7,37	10
Творчество	8,84	11	Материальное обеспечение	8,18	11
Красота	9,49	12	Интересная работа	8,71	12

В число наиболее доступных для студентов входят такие ценности, как «активная жизнь», «дружба» и «познание». «Работа» и «материальное обеспечение», с их точки зрения, менее доступны. Это можно объяснить объективными условиями: 1) у многих участников исследования отсутствует возможность устроиться на работу и иметь материальное обеспечение из-за дефицита времени, так как они активно заняты учебной и творческой деятельностью в университете; 2) среди работающих студентов

большинство занято на малооплачиваемых должностях, так как работать полную смену не представляется возможным, отсутствует опыт работы – эти условия определяют наименьшую доступность таких ценностей, как «работа» и «материальное обеспечение».

Отдельно хотелось бы остановиться на том факте, что «семья» как ценность оказалась на 8-м ранге по доступности. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что многие участники исследования для получения профессионального образования приехали в Челябинск из другого города и находятся на существенном расстоянии от семьи.

В табл. 2 представлены результаты анализа частоты встречаемости в исследуемой выборке студентов с внутриличностным конфликтом и внутриличностным вакуумом в отношении разных ценностей. Наличие внутриличностного конфликта у студентов наблюдается прежде всего в таких жизненных сферах, как «семья» (37%), «работа» и «материальное обеспечение» (33%), «уверенность» (27%), «любовь» и «здоровье» (25%). В среднем каждый студент испытывает 2 внутриличностных конфликта, которые вызваны нереализованностью желаний.

Мы склонны подозревать, что внутренний конфликт, связанный с нереализованностью желания иметь счастливую семью, появляется у студентов в силу особой значимости данной сферы для молодежи. Внутренние конфликты, вызванные нереализованностью желания иметь интересную работу и материальное обеспечение, на наш взгляд, являются составной частью социальной ситуации развития в позднем юношеском возрасте, которая заключается в необходимости обретения независимости от родителей (создание собственной семьи и достижение материальной независимости).

Таблица 2

**Распределение студентов по соотношению показателей
«ценности» и «доступности», %**

Терминальные ценности	Конфликт	Вакуум
Семья	37	4
Интересная работа	33	10
Материальное обеспечение	33	8
Уверенность	27	7
Любовь	25	8
Здоровье	25	9
Свобода	16	18
Друзья	11	15
Активная жизнь	5	33
Красота	4	31
Познание	4	32
Творчество	4	37

Конфликт нереализованности желания быть уверенным в себе может отражать личностные особенности участников исследования. Также в его основе могут лежать неопределенность статуса студента (уже не ребенок,

еще не взрослый; уже владеющий профессией, но еще не профессионал), неопределенность жизненной перспективы и т.д.

Конфликт в сфере материального обеспечения обнаруживается у трети студентов, принимавших участие в исследовании. У них отмечается значительное расхождение в значимости и доступности желаемого уровня материального обеспечения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что у современной молодежи базовыми являются ценности семьи и здоровья. Внутриличностные конфликты студентов связаны с нереализованностью семейных, профессиональных, материальных и личных ценностей.

В структуре терминальных ценностей происходят трансформации, связанные с изменением социальных, экономических, демографических, политических, психологических условий жизни. С нашей точки зрения, существенные изменения в жизнедеятельности современного студента связаны с процессами глобализации и информатизации, протекающими в мире. Они находят свое отражение в особенностях медиапотребления человека.

При изучении особенностей медиапотребления студентов анализировались их предпочтения в источниках информации. Оказалось, что наиболее часто студенты пользуются глобальной сетью Интернет. На втором месте по частоте потребления оказались книги. На третьем – телевидение.

Полученные данные согласуются с оценками других исследователей. Л.Е. Кравежина указывает на отток целевой аудитории (особенно молодежи) из традиционного телесектора в сторону интернет-среды [20]. И.В. Лизунова приходит к выводу, что основным источником информации и ведущим фактором проведения досуга для россиян становится Интернет [21]. М.М. Назаров, П.А. Ковалев [22], Н.В. Сиврикова, Д.Ю. Бережная, Д.Р. Рафикова [23], Т.Г. Пташко [24] объясняют подобные тенденции тем, что телевидение проигрывает Интернету по параметрам: оперативность, интерактивность и возможность выбора программ.

Важным представляется тот факт, что книги как источник информации пользуются большой популярностью в студенческой среде. Он подтверждается результатами не только нашего, но и других эмпирических исследований [25]. Исследователи считают, что именно учеба формирует привычку больше читать книг, журналов, источников научно обоснованной информации [23, 25].

Результаты диагностики особенностей мотивации медиапотребления у студентов показали, что в целом в исследуемой выборке преобладает познавательная мотивация, на втором месте оказались мотивы реактивации и релаксации. Слабо выражены в исследуемой выборке коммуникативные и компенсаторные мотивы потребления медиаинформации (рис. 1).

Это позволяет утверждать, что студенты рассматривают медиа-средства, прежде всего, как источник информации. При необходимости массмедиа выступают для них либо как средство повышения собственного психического тонуса, либо как средство расслабления и снятия напряжения. И в последнюю очередь с помощью средств массовой коммуникации

студенты общаются или компенсируют собственные недостатки. В целом такая структура мотивации медиапотребления позволяет говорить о зрелой позиции студентов в отношении средств массовой коммуникации и информации.

Иерархия мотивов медиапотребления отражает не только уровень зрелости студентов, но и характер ведущей для данного возраста деятельности – учебно-профессиональной. Перед студентами стоит задача расширения и углубления собственных знаний, в решении которой они прибегают к использованию медиаисточников.

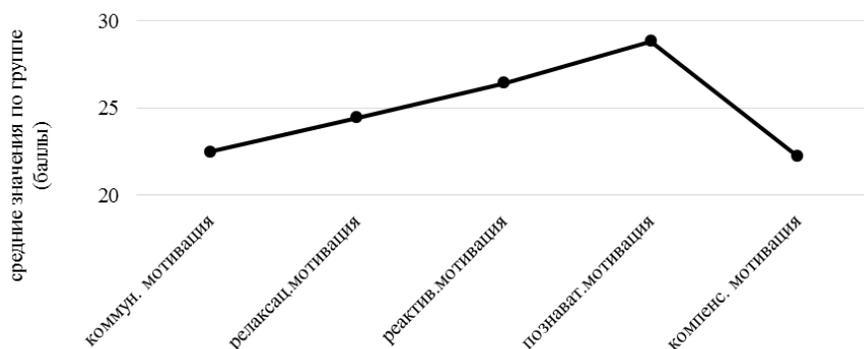

Рис. 1. Мотивы медиапотребления студентов

Результаты, полученные в ходе исследования (рис. 2), позволили охарактеризовать стиль медиапотребления студентов. Он отличается умеренным и / или избирательным проявлением эмоциональных и когнитивных компонентов вовлеченности. Студенты отслеживают потоки информации, но при этом они не склонны тратить излишнее количество времени и душевных сил на этот процесс. В целом студенты способны распределять и оптимизировать время, затрачиваемое на получение информации. Их характеризует достаточный уровень осознания смысла и содержания искомой и обрабатываемой информации.

Участники исследования достаточно самостоятельны и критичны в выборе способов и путей поиска требуемой информации. Они способны ориентироваться в поисковых системах, в информационных ресурсах сетевых сообществ, но порой им требуется значительное количество времени на поиск и обработку искомых данных.

Таким образом, можно сделать вывод, что медиапотребление у студентов носит целенаправленный характер, отличается критичностью восприятия информации. Молодые люди владеют способами поиска и обработки информации, что позволяет им продуктивно расходовать свое время на данный вид деятельности. Они обладают достаточным уровнем знаний, умений, навыков, способствующих хорошей ориентации в окружающем медиапространстве.

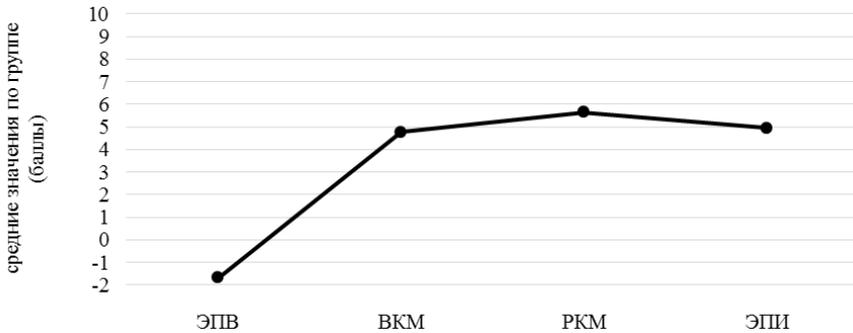

Рис. 2. Стиль медиапотребления студентов: ЭПВ – эмоционально-познавательная вовлеченность; ВКМ – волевой контроль медиапотребления; РКМ – рефлексивная критичность медиапотребления; ЭПИ – эффективность поиска информации

В ходе исследования были выявлены многочисленные значимые корреляции между исследуемыми параметрами. Поэтому для изучения взаимосвязей ценностей и особенностей медиапотребления студентов нами был использован факторный анализ. В данной статье мы проанализируем только те факторы, которые позволяют описать взаимосвязи значимости, доступности и выраженности конфликта нереализованности ценностей студентов с особенностями их медиапотребления. Всего было обнаружено 14 таких факторов.

На рис. 3 графически представлены факторы, отражающие структуру связей между значимостью терминальных ценностей и особенностями медиапотребления.

В первый фактор вошли следующие переменные: частота обращения студентов в поисках информации к телевидению ($-0,554^1$), Интернету ($-0,545$), газетам ($0,507$) и журналам ($0,789$), значимость семьи ($-0,521$) и свободы ($0,48$).

Во второй фактор вошли: компенсаторная ($0,573$) и релаксационная ($0,666$) мотивация медиапотребления, уровень эмоционально-познавательной вовлеченности в медиaprостранство ($0,654$), значимость материального обеспечения ($-0,427$) и интересной работы ($0,452$).

Третий фактор состоял из коммуникативных мотивов медиапотребления ($0,655$), значимости творчества ($0,468$), познания ($0,56$) и материального обеспечения ($-0,451$).

Четвертый фактор включал в себя компенсаторную мотивацию медиапотребления ($0,401$) и значимость здоровья ($0,879$) для студентов.

¹ В скобках приведены значения, отражающие вклад переменной в данный фактор.

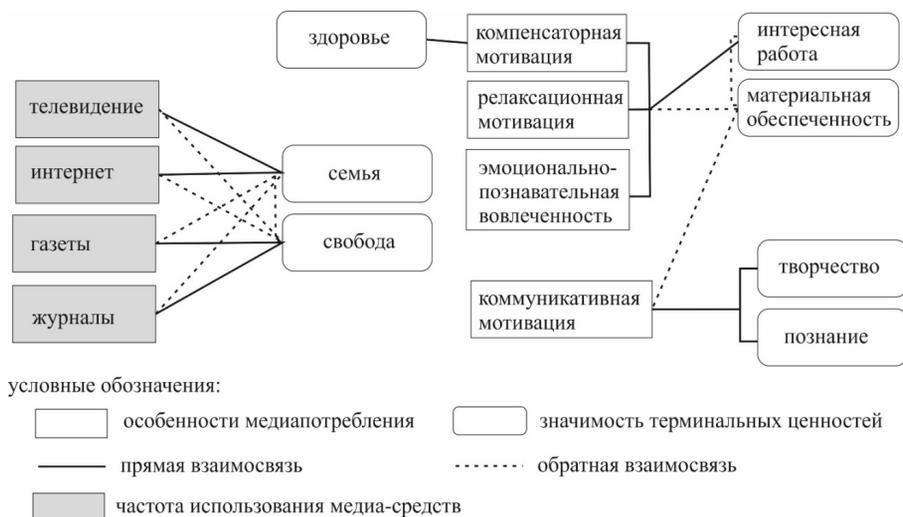

Рис. 3. Структура взаимосвязей значимости терминальных ценностей и особенностей медиапотребления студентов

Результаты исследования позволяют заключить, что значимость ценностей семьи и свободы связана с частотой использования студентами различных медиасредств. В частности, оказалось, что с ростом значимости ценности семьи и снижением значимости ценности свободы в исследуемой выборке возрастает частота обращения к телевидению и Интернету как источникам информации и снижается частота обращения к печатным периодическим изданиям.

Обратный характер носят и связи между значимостью материального достатка как ценности и выраженностью компенсаторных, релаксационных мотивов медиапотребления, а также эмоционально-познавательной вовлеченности в медиaprостранство. Значимость интересной работы с перечисленными переменными обнаруживает прямые взаимосвязи. Это позволяет утверждать, что у студентов с ростом значимости материальных благ и снижением значимости интересной работы возрастает тенденция к использованию медиасредств для отдыха, компенсации собственных недостатков, а также возрастает риск формирования зависимости от медиaprостранства. Оказалось, что компенсаторная мотивация характерна также для студентов, которые мало ценят собственное здоровье, а коммуникативная мотивация свойственна студентам, которые высоко ценят материальный достаток, мало ценят творчество и познание.

На рис. 4 представлены факторы, отражающие в виде схемы структуру взаимосвязей доступности терминальных ценностей и особенностей медиапотребления студентов.

Первый фактор объединил в себе частоту обращения к телевидению (0,465), доступность здоровья (0,764) и интересной работы (-0,531).

Второй фактор включал коммуникативную мотивацию (0,503), доступность для студентов семьи (-0,515), любви (-0,737) и познания (0,426).

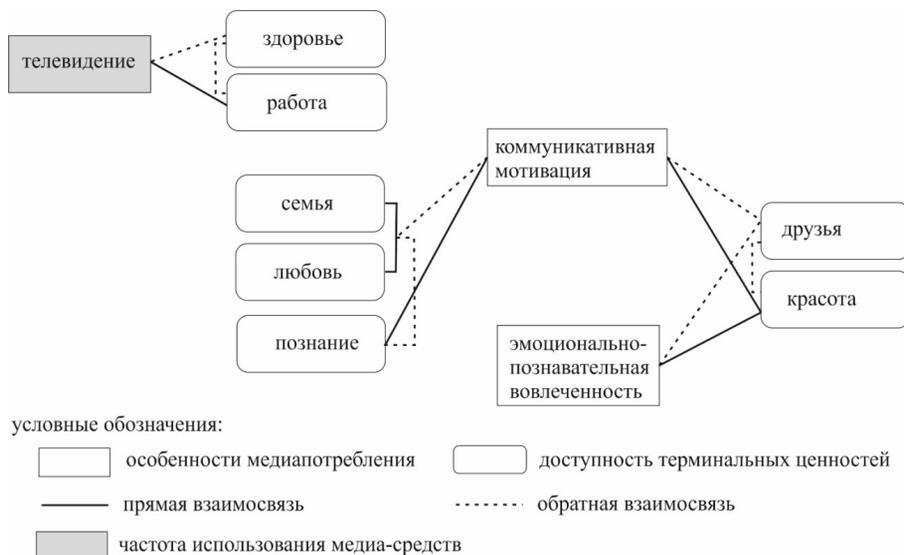

Рис. 4. Структура взаимосвязей доступности терминальных ценностей и особенностей медиапотребления студентов

Третий фактор состоял из уровня эмоционально-познавательной вовлеченности в медиaprостранство (0,426), коммуникативных мотивов (0,49), доступности дружбы (-0,714) и красоты (0,635).

В ходе исследования удалось установить, что частота обращения к телевидению как источнику информации возрастает, если у студентов возрастает уровень доступности интересной работы и снижается доступность здоровья.

Коммуникативная мотивация медиапотребления в исследуемой выборке возрастает с увеличением степени доступности таких ценностей, как семья, любовь, верные друзья, и снижается с увеличением степени доступности познания и красоты природы.

Степень эмоциональной зависимости от медиасредств связана с доступностью для студентов таких ценностей, как верные друзья и красота.

На рис. 5 представлены данные, отражающие структуру взаимосвязей выраженности внутреннего конфликта нереализованности ценностей и особенностей медиапотребления студентов.

Первый фактор данной структуры объединил реактивирующие (0,536) и познавательные (0,692) мотивы медиапотребления, частоту обращения за информацией к журналам (0,418) и газетам (-0,453), выраженность конфликта нереализованности желания счастливой семейной жизни (-0,565).

Второй фактор состоял из мотивов реактивации (0,446), выраженности конфликтов нереализованности желаний здоровья (-0,627) и любви (0,771).

Третий фактор объединил в себе коммуникативные мотивы медиапотребления (0,407), степень внутриличностных конфликтов расхождения ценности и доступности материальных благ (-0,581) и дружбы (0,791).

Четвертый фактор, выявленный в ходе исследования, состоял из компенсаторной (0,595) и релаксационной (0,725) мотивации, внутреннего конфликта, связанного с значимостью, но недоступностью чувства уверенности в себе (-0,638).

В пятый фактор вошли: степень рефлексивной критичности (0,692), волевого контроля (0,841) в потреблении информации, уровня расхождения ценности и доступности красоты природы и искусства (0,418).

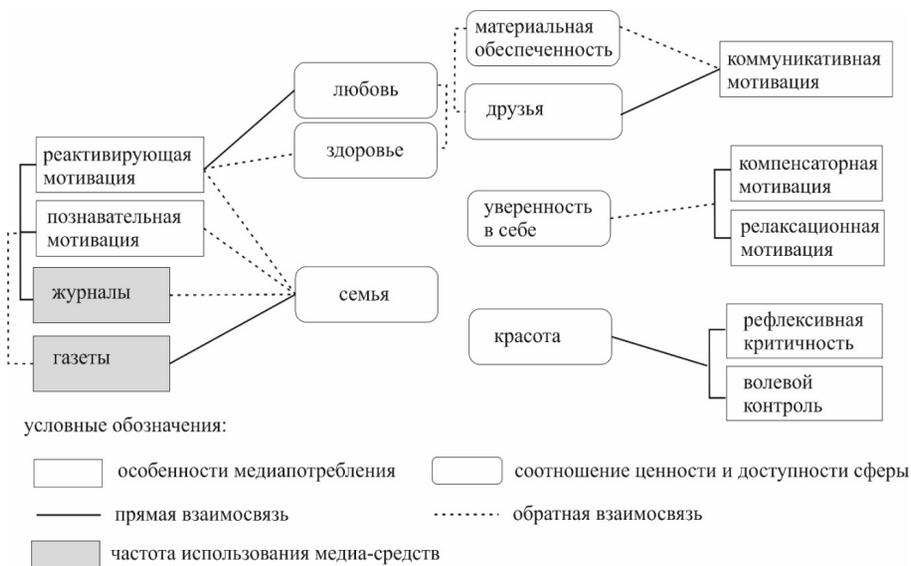

Рис. 5. Структура взаимосвязей выраженности внутреннего конфликта нереализованности ценностей и особенностей медиапотребления студентов

Результаты исследования позволяют утверждать, что существуют следующие закономерности: с ростом внутриличностного конфликта, связанного с недоступностью, но значимостью семьи, снижается уровень реактивирующей и познавательной мотивации, возрастает частота обращения за информацией к журналам и снижается частота обращения за информацией к газетам. При низкой реактивирующей мотивации медиапотребления наблюдается внутриличностный конфликт в сфере любви, а при высокой – в сфере здоровья. Повышение уровня коммуникативных мотивов медиапотребления студентов связано с повышением внутриличностного конфликта нереализованности желания быть материально обеспеченным и снижением конфликта в сфере дружбы. При возрастании уровня

внутриличностного конфликта нереализованности стремления к прекрасному снижаются уровень волевого контроля и рефлексивная критичность по отношению к медиасредствам.

Таким образом, результаты исследования позволили сделать следующие **выводы**:

1. У современной молодежи базовыми являются ценности «здоровье», «любовь» и «семья». Наиболее доступны для них «активная жизнь», «друзья» и «познание». Внутриличностные конфликты студентов связаны с нереализованностью семейных, профессиональных, материальных и личных ценностей.

2. Медиапотребление у студентов носит целенаправленный характер, отличается критичностью восприятия информации. Молодые люди владеют способами поиска и обработки информации, что позволяет им продуктивно расходовать свое время на данный вид деятельности. Они обладают достаточным уровнем знаний, умений, навыков, способствующих хорошей ориентации в окружающем медиапространстве.

3. Мотивацию медиапотребления, степень вовлеченности в медиапространство и выбор медиасредств определяют значимость, доступность терминальных ценностей и уровень внутриличностного конфликта нереализованности различных желаний. При этом:

а. Выбор медиасредств связан со значимостью для студентов семьи и свободы; доступностью здоровья и интересной работы; уровнем конфликта нереализованности желания иметь счастливую семью.

б. Мотивы медиапотребления связаны со значимостью для студентов здоровья, материальных благ, творчества и познания; доступностью счастья в семье, любви, познания, дружбы и красоты; уровнем конфликта нереализованности желания быть здоровым, обеспеченным, уверенным в себе, любить, иметь счастливую семью и верных друзей.

с. Степень вовлеченности в медиапространство определяется значимостью для студента возможности иметь интересную работу, быть материально обеспеченным; наличием верных друзей и возможностью наслаждаться красотой.

Литература

1. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М. : Школьная пресса, 2000. 416 с.
2. Сотникова А.В. Ценность труда в иерархии ценностей студенческой молодежи в контексте формирования профессиональной мотивации // Общество и право. 2011. № 1. С. 262–268.
3. Якимчук С.А. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи в вузе // Общество. Экономика. Культура: Актуальные проблемы, практика решения: К 25-летию Санкт-Петербургского университета управления и экономики : материалы V Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 192–200.
4. Мушкирова А.Н. О формировании профессиональных ценностных ориентаций как фактора развития субъектности студентов // Современная педагогика. 2015. № 2 (27). С. 61–64.

5. Павленко Г.Р. Формирование ценностных ориентаций студентов в образовательных организациях // Научные труды магистрантов, аспирантов и соискателей Нижневартовского государственного университета. Нижневартовск, 2015. С. 94–97.
6. Климов А.А. Жизнестойкость и ее взаимосвязь с личностными ценностями студентов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Психология. 2011. № 2(10). С. 14–23.
7. Демченко З.А. Исследование категории «ценностное отношение» в научно-исследовательской деятельности студентов // Ценности и смыслы. 2012. № 1(17). С. 137–151.
8. Демченко З.А. Ценностное отношение в структуре целенаправленной научно-исследовательской деятельности студентов современного вуза: особенности, тенденции и смысл // Ценности и смыслы. 2013. № 1(23). С. 116–122.
9. Zhdanova N.Ye. Investigating the Students' Value Orientation in the Learning Environment of the Higher School. URL: <http://archive.edscience.ru/en/article/893>
10. Shukshina T.I., Serikova L.A. Formation of spiritual and moral values of an individual in the system of education // The Humanities and Education. 2013. № 4 (16). P. 98–101.
11. Фанталова Е.Б., Куприна О.А. Особенности субъективного переживания внутренних конфликтов у студентов // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2011. № 1. С. 218–221.
12. Манохина О.А., Морозов В.А. Особенности смысложизненных ценностей студентов вузов России // Человеческий капитал. 2013. № 11(59). С. 51–54.
13. Sivrikova N. Gender differences in structure of family values and matrimonial attitudes of students // «GISAP: Psychological Sciences». 2014. № 2. С. 26–29.
14. Баженова Н.Г., Гринь Н.В. Профессиональный интерес как основа формирования профессиональных ценностей личности // В мире научных открытий. 2014. № 3 (51). С. 59–67.
15. Пакина Т.А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале социологического исследования) // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. 2014. № 3. С. 120–131.
16. Баймяшкина Е.Ю., Рязанцева И.М. Проблемы формирования духовно-нравственных ценностей студентов в системе высших учебных заведений // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12. С. 198–199.
17. Ахмадиева З.Р. Формирование ценностей здорового образа жизни студентов вуза // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXXVI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2014. С. 108–110.
18. Галкина Г.А., Грибкова Е.И. Анализ ценностных ориентаций студентов высшего учебного заведения // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 432.
19. Husakivska S. Modern students values // Problems of Psychology in the 21st Century. March 2014. Vol. 8, № 1. P. 85–96.
20. Кравежина Л.Е. Влияние трансформации медиасреды на деятельность рекламодателей // Экономический журнал. 2014. Т. 34, № 2. С. 69–75.
21. Лизунова И.В. Чтение в структуре современного медиапотребления // Библиосфера. 2012. № 5. С. 62–66.
22. Назаров М.М., Ковалев П.А. Российская информационная среда: тренды использования ТВ и Интернет в контексте зарубежных сравнений // Информационное общество. 2014. № 1. С. 38–48.
23. Сиврикова Н.В., Бережная Д.Ю., Рафикова Д.Р. Особенности медиапотребления и смысложизненные ориентации студентов. URL: <http://gisap.eu/ru/node/89851>
24. Пташко Т.Г. Социализация личности подростка в условиях детского общественного объединения. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2012. 161 с.

25. Троянская С.Л., Петрова М.А. Проблемы формирования культуры и стиля медиапотребления у студентов в процессе обучения // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22(313). С. 205–209.

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.; повторно 12.04.2016 г.; принята 14.04.2016 г.

Сведения об авторах:

СИВРИКОВА Надежда Валерьевна; кандидат психологических наук; старший преподаватель кафедры социальной работы, педагогики и психологии Челябинского государственного педагогического университета (Челябинск, Россия).

E-mail: good_hare@mail.ru

БЕРЕЖНАЯ Диана Юрьевна, магистр кафедры социальной работы, педагогики и психологии Челябинского государственного педагогического университета (Челябинск, Россия).

E-mail: Bobnv79@mail.ru

INTERRELATION OF VALUES WITH STYLE OF MEDIA CONSUMPTION OF STUDENTS

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 166–180. DOI: 10.17223/17267080/60/12

Sivrikova Nadezhda V.

Berezhnaya Diana Yu.

Chelyabinsk State Pedagogical University

E-mail: good_hare@mail.ru; Bobnv79@mail.ru

Keywords: value; valuable orientations of students; intrapersonal conflict; adolescence; conflict of unfulfilled desires; social frustration; role conflict.

Relevance of the research is defined by the importance of studying the psychology of the younger generation and by the need to assess the results of transformation of values under the influence of media consumption. The analysis of research projects on studying the values of students has shown that recently they gained applied character. However, psychologists do not pay enough attention to the analysis of relations between values of students and styles of their media consumption.

Results of the correlation and factor analysis which show the structure of relations between values, their availability, extent of the internal conflict, and style of media consumption among students of the 1st, 2nd, and 3d years are presented in article. In total 187 people took part in the research.

For collecting empirical data the following techniques were used: 1. “The level of relations of ‘value’ and ‘availability’ in various spheres of life” by E.B. Fantalova; 2. “Individual style of media consumption” by Yu.N. Dolgov, et al.; 3. Personal questionnaire of MSIA “Motivational Structure of Informational Activity” by Yu.N. Dolgov, et al.

As a result of the conducted research it was established that for the participants of the research the basic values were the following: “health”, “love” and “family”. The most available to them were “active life”, “friends” and “knowledge”. The intrapersonal conflicts of students were connected with unfulfilled family, professional, material, and personal values.

Media consumption among students had a purposeful character and was characterized with critical perception of information. Young people had their ways to search for information and process it, which allowed them to spend time more productively for this type of activity. They had sufficient level of knowledge, abilities, and skills promoting good orientation in surrounding media environment.

The motivation of media consumption, degree of an involvement into media space, and the choice of media means define the importance, the availability of terminal values, and the level of intrapersonal conflict of unfulfilled desires. At the same time:

a. The choice of media means is related to the importance of a family and freedom for students; to the availability of health and interesting work; to the level of conflict of unfulfilled desire to have a happy family.

b. Motives of media consumption are related to the importance for students of health, wealth, creativity, and knowledge; to the availability of happiness in a family, love, knowledge, friendship, and beauty; to the level of conflict of unfulfilled desire to be healthy, wealthy, self-assured, to love, to have a happy family, and loyal friends.

c. Degree of an involvement into media space is defined by the importance for the student of an opportunity to have interesting work, and to be (exist).

References

1. Slobodchikov, V.I. (2000) *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya razvitiya cheloveka: Razvitiye sub"ektivnoy real'nosti v ontogeneze* [Fundamentals of Psychological Anthropology. Psychology of Human Development: The Development of Subjective Reality in Ontogeny]. Moscow: Shkol'naya pressa.
2. Sotnikova, A.V. (2011) Tsennost' truda v ierarkhii tsennostey studencheskoy molodezhi v kontekste formirovaniya professional'noy motivatsii [The value of labor value in the axiological hierarchy of the student youth in the context of the professional motivation formation]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 1(33). pp. 262-268.
3. Yakimchuk, S.A. (2015) [Formation of axiological orientations of university students]. *Obshchestvo. Ekonomika. Kul'tura: Aktual'nye problemy, praktika resheniya: K 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki* [Society. Economy. Culture: Topical Problems and Practical Solutions: To the 25th Anniversary of St. Petersburg University of Management and Economics]. Proc. of the International Research Conference. St. Petersburg. pp. 192-200. (In Russian).
4. Mushkirova, A.N. (2015) O formirovanii professional'nykh tsennostnykh orientatsiy kak faktora razvitiya sub"ektivnosti studentov [On the formation of professional value orientations as the factor in the development of students' subjectivity]. *Sovremennaya pedagogika – Modern Pedagogy*. 2(27). pp. 61-64. (In Russian).
5. Pavlenko, G.R. (2015) Formirovanie tsennostnykh orientatsiy studentov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh [The formation of axiological orientations of students in educational institutions]. In: Korichko, A.V. (ed.) *Nauchnye trudy magistrantov, aspirantov i soiskateley Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of undergraduates, graduate students and applicants of Nizhneartovsk State University]. Nizhneartovsk: Nizhneartovsk State University. pp. 94-97.
6. Klimov, A.A. (2011) Viability and its relations with the students' personal values. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Ser. Psikhologiya – The Bulletin of Samara Humanities Academy. Psychology*. 2(10). pp. 14-23. (In Russian).
7. Demchenko, Z.A. (2012) Issledovanie kategorii "tsennostnoe otnoshenie" v nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov [The category "axiological attitude" in the students' research]. *Tsennosti i smysly*. 1(17). pp. 137-151.
8. Demchenko, Z.A. (2013) Tsennostnoe otnoshenie v strukture tselenapravlennoy nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov sovremennogo vuza: osobennosti, tendentsii i smysl [Axiological attitude to the structure of university students' targeted research: characteristics, tendencies and sense]. *Tsennosti i smysly*. 1(23). pp. 116-122.
9. Zhdanova, N.Ye. (2014) Investigating the Students' Value Orientation in the Learning Environment of the Higher School. *The Education and Science Journal*. 7. [Online] Available from: <http://archive.edscience.ru/en/article/893>.
10. Shukshina, T.I. & Serikova, L.A. (2013) Formation of spiritual and moral values of an individual in the system of education. *The Humanities and Education*. 4(16). pp. 98-101.

11. Fantalova, E.B. & Kuprina, O.A. (2011) Subjective experience of internal conflicts in students. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti*. 1. pp. 218-221.
12. Manokhina, O.A. & Morozov, V.A. (2013) Osobennosti smyslozhiznennykh tsennostey studentov vuzov Rossii [The life sense values of Russian university students]. *Chelovecheskii kapital*. 11(59). pp. 51-54.
13. Sivrikova, N. (2014) Gender differences in structure of family values and matrimonial attitudes of students. *GISAP: Psychological Sciences*. 2. pp. 26-29. DOI: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i2.466>
14. Bazhenova, N.G. & Grin, N.V. (2014) Professional'nyy interes kak osnova formirovaniya professional'nykh tsennostey lichnosti [Professional interest as the basis for the development of the person's professional values]. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*. 3(51). pp. 59-67.
15. Pakina, T.A. (2014) Labor values and attitudes of today's college students to sociological research material. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Sociology and Political Science*. 3. pp. 120-131. (In Russian).
16. Baymyashkina, E.Yu. & Ryazantseva, I.M. (2014) Problems of formation of students spiritual and moral values in higher education institutions. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 12. pp. 198-199. (In Russian).
17. Akhmadieva, Z.R. (2014) Formirovanie tsennostey zdorovogo obraza zhizni studentov vuzov [The formation of values of university students' healthy lifestyle]. In: Chernov, S.S. (ed.) *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [The system of values of the modern society]. Novosibirsk: TsRNS. pp. 108-110.
18. Galkina, G.A. & Gribkova, E.I. (2013) Analiz tsennostnykh orientatsiy studentov vysshego uchebnogo zavedeniya [The analysis of axiological orientations of university students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 2. p. 432.
19. Husakiyva, S. (2014) Modern students values. *Problems of Psychology in the 21st Century*. 8(1). pp. 85-96.
20. Kravezhina, L.E. (2014) Vliyaniye transformatsii mediasredy na deyatelnost' reklamodately [The impact of the media environment transformation on the activities of advertisers]. *Ekonomicheskii zhurnal*. 34(2). pp. 69-75.
21. Lizunova, I.V. (2012) Chteniye v strukture sovremennogo mediapotrebleniya [Reading in the structure of modern media consumption]. *Bibliosfera*. 5. pp. 62-66.
22. Nazarov, M.M. & Kovalev, P.A. (2014) Rossiyskaya informatsionnaya sreda: trendy ispol'zovaniya TV i internet v kontekste zarubezhnykh sravneniy [Russian information environment: Trends in the use of TV and Internet in the context of international comparisons]. *Informatsionnoye obshchestvo – Information Society*. 1. pp. 38-48.
23. Sivrikova, N.V., Berezhnaya, D.Yu. & Rafikova, D.R. (n.d.) *Osobennosti mediapotrebleniya i smyslozhiznennyye orientatsii studentov* [Media consumption and students' life orientations]. [Online] Available from: <http://gisap.eu/ru/node/89851>.
24. Ptashko, T.G. (2012) *Sotsializatsiya lichnosti podrostka v usloviyakh detskogo obshchestvennogo ob"edineniya* [Socialization of the adolescent in children's public associations]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
25. Troyanskaya, S.L. & Petrova, M.A. (2013) Problemy formirovaniya kultury i stilya mediapotrebleniya u studentov v protsesse obucheniya [Problems of formation of the students' media-consumption culture and style during the learning process]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22(313). pp. 205-209.

Received 10.03.2016;

Revised 12.04.2016;

Accepted 14.04.2016

УДК 159.922.1; 159.923.2; 316.346.2
DOI: 10.17223/17267080/60/13

О.В. Задорожная¹, Е.Н. Новохатько²

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения
(Ростов-на-Дону, Россия)

² Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Отношение педагогов к подростковой сексуальности в соответствии с типом гендерной идентичности

Статья посвящена проблематике выявления особенностей отношения к подростковой сексуальности педагогов в аспекте гендерной идентичности. На основании полученных в исследовании данных было выявлено, что педагоги мужчины и женщины с различным типом гендерной идентичности имеют специфически различное отношение к проявлениям подростковой сексуальности, и установлено, что тип гендерной идентичности определяет модус отношения педагогов к проявлениям подростковой сексуальности.

Ключевые слова: *гендер; маскулинность; фемининность; андрогиния; сексуальность; гендерная роль; гендерная идентичность; гендерный подход в образовании.*

Введение

Процессы, происходящие в нашем обществе, предполагают переоценку многих аспектов мировоззренческого и теоретико-познавательного рассмотрения проблем формирования человека, организации его жизненного пространства. Кардинально изменилось направление вектора, задающего траекторию оценки общественных приоритетов и ценностей, в сторону признания самоценности личности, ее способности к свободному выбору путей и способов своего развития, а осознание гендерной принадлежности является основой субъективности человека и конструирующим элементом социальных отношений. Поэтому актуальность проблемы становления гендерной идентичности человека не вызывает сомнений.

В рамках образовательного пространства существует проблемное поле, к которому обращаются многие социально-психолого-педагогические исследования. Полоролевой подход в образовании представляет собой традиционную систему взглядов на предназначение мужчины и женщины в обществе с учетом их биологических характеристик, воспитание мальчиков и девочек в соответствии с теми нормами, которые предъявляет общество к человеку в соответствии с культурно-историческими традициями. Данный подход опирается на физиологические различия между мужчиной и женщиной [1]. Гендерный же подход в любой сфере предполагает, что различия в поведении и воспитании мужчин и женщин определяются не столько

их физиологическими, биологическими, анатомическими особенностями, сколько социально-культурными факторами. Основная идея гендерного подхода в образовании – учет специфики воздействия на развитие мальчиков и девочек всех факторов учебно-воспитательного процесса (содержание, методы обучения, организация школьной жизни, педагогическое общение и др.) [2].

Для понимания и профессионального участия в процессе гендерной социализации детей педагогу необходимы соответствующий методологический и методический аппарат, содержащий систему научных знаний о гендере, педагогических аспектах воспитания и образования как гендерных технологиях, факторах, условиях и критериях эффективной гендерной социализации школьников, соответствующий предмету профессиональный язык. Тем не менее современных исследований, рассматривающих специфику и взаимосвязь между отношением педагогов к подростковой сексуальности и типом гендерной идентичности, недостаточно, что и определило цель данного исследования.

Теоретическое исследование

Современные психологические исследования обращаются к различным аспектам гендера и сексуального поведения человека в рамках изучения половой идентичности и полоролевого самосознания (Д.Д. Исаев, В.Е. Каган, И.С. Кон, Е.Т. Соколова, О.К. Труфанова), механизмов полоролевой социализации и стереотипизации (В.С. Агеев, И.С. Кон, Т.А. Репина), особенностей гендерного восприятия (В.С. Агеев, В.А. Лабунская, М.В. Буракова, Т.И. Юферева), положения о сексуальной идентичности как отнесении индивидом себя к определенной группе людей в соответствии с объектом сексуальных предпочтений и испытываемыми эротическими чувствами и как особой системе отношений и самоотношений личности (Б.Г. Ананьев, А.О. Бухановский, В.Е. Каган, И.С. Кон и др.), социально-психологических характеристик межличностного общения и поведения мужчин с гомосексуальной идентичностью (Д.В. Воронцов).

Понятие сексуальности сегодня имеет весьма размытые содержательные границы. В первую очередь оно отождествляется с проявлением биологических, социально-психологических и психолого-культуральных особенностей человека. Обращает на себя внимание тот факт, что особенности интерпретации сути понятия «сексуальность» отражают множество исследовательских позиций, но не имеют единой трактовки. Тот факт, что определение данного понятия до настоящего времени не является завершенным и устойчивым, заметен по разнородности терминов, его выражающих, множеству трактовок, отражающих особенности этого феномена.

Для установления содержательного поля понятия «сексуальность» и количества признаков, входящих в это определение, мы обратились к научно-исследовательским изданиям с целью изучения представленности термина и однородности его трактовки. Основным критерием отнесения к

интересующей нас тематике мы считали наличие термина в издании и контекстные синонимические ряды, относящиеся к понятию «сексуальность» (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Представленность содержания понятия сексуальности в научных изданиях

№	Автор	Трактовка понятия «сексуальность»
1	Е.Г. Луковицкая [3]	Как общество и индивиды организуют, понимают, репрезентируют эротические и репродуктивные действия и что предпринимают по поводу этих действий
2	Г. Рубин [4]	Связующее звено между гендерами
3	Д. Джерард [5]	Широкая область функционирования начиная от основных физиологических различий между мужчинами и женщинами до черт, характеризующих маскулинность и феминность, и латентного и манифестного сексуального поведения
4	М. Даймонд [6]	Половая (сексуальная) ориентация – это предпочитаемый индивидуумом пол партнера в эротических / любовных / эмоциональных отношениях
5	В.М. Лейбин [7]	Деятельность, доставляющая удовольствие от взаимодействия половых органов, раздражения эрогенных зон, проявления сексуального инстинкта, влечения, желания
6	Психология. Словарь [8]	Не представлено
7	И.С. Кон [9]	Сексуально-эротические чувства и отношения. Характеристика сексуального влечения, сексуальных реакций, сексуальной активности
8	З. Фрейд (цит. по: [10])	... более общая телесная функция, имеющая своей целью удовольствие и только опосредованно служащая целям воспроизводства
9	Ю.М. Орлов [11]	Поведение, обусловленное половым влечением, направленное на удовлетворение этого влечения
10	В.Е. Каган [12]	Сексуальность теряет свою упрощенно-одиозную однозначность ... и рассматривается в контексте реального поведения, переживаний личности. Мотивы и личностные смыслы сексуальности могут быть средством: 1) выражения любви; 2) разрядки сексуального напряжения и релаксации; 3) деторождения; 4) отдыха; 5) получение чувственного удовольствия; 6) познания, удовлетворения, любознательности и любопытства; 7) общения; 8) самоутверждения; 9) эмоциональной компенсации за неудачу в других сферах жизни; 10) достижения несексуальных целей; 11) проявления привычки, дань необходимости
11	Руководство по сексологии [13]	Отождествляет понятие сексуальности с понятием сексологии
12	У. Мастерс, В. Джонсон [14]	Отношения между полами

Исходя из проведенного анализа интерпретации понятия «сексуальность», можно отметить, что авторы склонны трактовать данное понятие как биологическую [6], социально-психологическую [5, 8, 9], культурологическую составляющие сущности человека [1, 12]. Во многих источниках

идет отождествление понятий «пол», «гендер», «сексуальность», которые представлены в авторских трактовках, не имеющих четких содержательных контуров.

На наш взгляд, наиболее полно и обобщенно понятие сексуальности представлено в работах И.С. Кона. Автор предлагает рассматривать сексуальность как систему, включающую в себя ряд структурных компонентов: биологический, социально-психологический, психологический и социальный [10]. К биологической составляющей исследователь относит анатомо-физиологические особенности морфофункциональных структур и систем, осуществляющих регуляцию сексуальной функции, а также наличие соответствия физиологических сексуальных реакций, обусловленных темпераментом, типом половой конституции и высшей нервной деятельности. Социально-психологическая составляющая представляет собой гендерные характеристики человека, его социальные роли, стереотипы мужественности и женственности, парный характер сексуальной функции, склонность к созданию семьи. Психологическая составляющая представлена наличием у партнеров соответствия во влиянии на развитие и проявления их сексуальности психических факторов (осознаваемых и неосознаваемых актов) и личностных особенностей. И социальная составляющая определяется степенью социализации сексуальности, уровнем общей и сексуальной культуры партнеров, усвоением сексуальных и общественных норм, что проявляется в выработке сексуальных установок, потребностей, в отношении к оценке своей сексуальности [17].

Под психосексуальным развитием понимают формирование полового самосознания, половой роли и психосексуальной ориентации, т.е. формирование сексуального влечения и поведения [18]. Выделяется несколько этапов психосексуального развития.

1. Этап формирования полового самосознания. По результатам исследования, проведенного М. Розенбаумом, формирование мужской идентичности происходит в отрочестве через непринятие своей «родовой» принадлежности, что порождает больший процент мужской гомосексуальности и транссексуальных влечений у мальчиков [9]. В то же время у девочек по сравнению с мальчиками склонность к принятию своей «родовой» идентичности выражена сильнее, их образ тела гораздо аффективнее окрашен, распространяясь на весь образ Я.

2. Этап формирования стереотипа полоролевого поведения – поведение поиска смысла сексуальных символов. В период пубертата подросток начинает осваивать значения сексуальных жестов и опробовать стратегии поведения воображаемой сексуальной жизни и проявлений эротизма в межличностном поведении.

3. Этап формирования психосексуальных ориентаций, когда гормональное функционирование достигает максимума и обуславливает в последующем выбор объекта влечения с его индивидуальными особенностями (половой принадлежностью, внешним видом, телосложением, поведением и т.п.) [18].

Гомосексуализм представляет важный аспект подростковой сексуальности. В теоретическом плане многие авторы полагают, что переход к гетеросексуальности проходит стадию гомосексуальности [19].

Понятие «гендер» принадлежит одновременно нескольким научным дисциплинам: философии, социологии, психологии и др. В философии гендер рассматривается как метафорическая составляющая феноменального поля человека, в социологии – как набор отношений или идеологический конструкт, в психологии – как социально-психологическая категория [20]. Как социальный конструкт гендер – это продукт социальных и языковых практик, а также научных представлений о поле гендера [20, 21]. Также гендер – одна из базовых характеристик личности, обуславливающих психологическое и социальное развитие человека. Д. Майерс определяет многокомпонентную структуру гендера четырьмя группами характеристик: биологический пол, гендерные стереотипы, гендерные нормы и гендерная идентичность [22].

Гендер, по мнению ряда исследователей, является самым ранним и активно образующим компонентом личности. К основным гендерным характеристикам относятся гендерная идентичность, характеристики, определяемые в данном обществе как маскулинные и фемининные, и гендерные стереотипы. Все эти характеристики взаимно влияют друг на друга. Гендер формируется в процессе социализации и влияет на систему отношений личности, так как ожидание общества в отношении носителей определенной социальной роли детерминирует и самопрезентацию, и социальную востребованность в профессиональном плане, и установки личности о возможных поведенческих паттернах, допустимых для носителя гендерной роли, и др. [15, 23].

Гендерная идентичность являет собой аспект самосознания, отражающий осознание человеком себя как представителя определенного пола, это внутренняя составляющая, самопонимание и переживание личностью своих гендерных характеристик, связанных с общей Я-концепцией и личностными смыслами [24]. Гендерная идентичность как субъективное переживание половой роли рассматривается в нескольких проекциях:

1) адаптационная (социальная) половая идентичность, которая описывает то, как личность соотносит свое реальное поведение с поведением других мужчин и женщин;

2) целевая концепция «я» – набор индивидуальных установок мужчины (женщины) на то, какими они должны быть;

3) персональная идентичность – личностное соотнесение себя с другими людьми;

4) эго-идентичность – глубинное психологическое ядро того, что личность человека как представителя пола означает для самой себя [25].

Под гендерной ролью понимаются социальные ожидания, вытекающие из понятий, окружающих гендер, а также поведение в виде речи, манер, одежды и жестов. Предписания относительно поведения, связанного с гендерными ролями, особенно очевидны в половом разделении труда на

мужской и женский, а также представлены в виде стандартов, предписаний, стереотипов, которым человек должен соответствовать, чтобы его признавали как мальчика (мужчину) или девочку (женщину) [26]. Гендер как система представлений («гендерная линза», по определению С.Л. Бэм) является элементом культуры и социальных практик взаимодействия человека. В обществе существует возможность формирования «нетипичных» гендерных схем, отношение к которым со стороны других членов общества будет иметь только традиционно приемлемые формы проявления с точки зрения морали и нравственности.

Решающий шаг в понимании половых ролей был сделан С.Л. Бэм, предложившей методику исследования представлений о маскулинности–фемининности как независимых, ортогональных измерений личности. В результате автором было выделено 8 полоролевых типов, социокультурные векторы которых направлены в стороны полоролевой демократизации и поведенческой вариативности, при которых легче адаптируются психологически андрогинные личности [26].

В современных условиях качественного усложнения всей системы многоплановых человеческих отношений проблема отношений взрослых и детей приобрела особую значимость. Речь идет о взаимодействии поколений – взрослого сообщества и растущих людей, об объективной, реально обусловленной позиции отношений мира взрослых к детству не как к совокупности детей разных возрастов, а как к субъекту взаимодействия, как особому собственному состоянию – динамичному [27]. Обращает на себя внимание тот факт, что позиция взрослого по отношению к ребенку в целом – это позиция ответственности, позиция посредника в освоении ребенком социального мира. Однако, выполняя свою посредническую роль, взрослый всегда занимает по отношению к детям совершенно определенную позицию – ведущего, организующего, обучающего – и практически относится к ребенку как к объекту воздействия, а не как к субъекту отношений. Целью гендерного подхода в образовании выступает реконструкция традиционных культурных ограничений развития потенциала личности в зависимости от пола, осмысление и создание условий для максимальной самореализации и раскрытия способностей девочек и мальчиков в процессе педагогического взаимодействия. В результате внедрения гендерного подхода в образование должны создаваться условия для роста самосознания и возможностей самореализации личности с андрогинным набором характеристик.

По мнению И.И. Рыдановой, в рамках системы отношений «педагог–ученик» необходимо учитывать влияние социально-перцептивных феноменов, сопровождающих процесс обучения и воспитания, которые заключаются в способности управлять своими чувствами, преодолевать субъективные ошибки в восприятии учащихся [28].

1. Доминантой *функционального* восприятия является оценка личности ребенка с точки зрения выполнения роли учащегося. Учитель сосредоточен на проблемах успеваемости, выполнении стереотипных требований, подчинении школьному режиму. Индивидуальный подход сводится к учету

уровня развития познавательных способностей, а коммуникативные осложнения возникают с теми, кто не сумел раскрыться в учебной деятельности.

2. *Стереотипное* восприятие отражается формированием перцептивных образов «отличника», «троечника» и «двоечника», «способного» и «бездарного» ученика и т.п., вызывающих у учителя «эффект ожиданий», что тормозит проявление индивидуальности.

3. *Проецирующее* восприятие характеризуется наделянием партнера по общению собственными достоинствами и недостатками в зависимости от того, что представляет собой личность самого воспринимающего.

4. *Субъективность социальной перцепции* проявляется в точности оценки личностных проявлений, что достижимо лишь в сугубо нейтральных ситуациях, когда возможно находиться в роли стороннего наблюдателя. В педагогическом общении, построенном на взаимном интересе сторон, такие случаи исключены.

5. *Избыточность информации*, характеризующая личность с положительной или отрицательной стороны, может дезориентировать, оборачиваясь инерционным восприятием. Тесные контакты в системе «педагог–ученик» приводят к притуплению видения нового, что обуславливается психологическим «эффектом последовательности», когда последняя впечатляющая информация становится доминирующей в оценке личности ученика.

6. *Инфантильное восприятие* изначально свойственно людям в соответствии с тем, как к ним относится респондент [28]. По мнению А.К. Марковой, инфантильное восприятие является своеобразным проявлением «психологической защиты» профессионально несостоятельных учителей, не способных к рефлексии, обвиняющих в своих просчетах воспитанников [28].

Таким образом, пол и гендер являются системами условных обозначений, которые формируют определенный порядок отношений между людьми, их отношение к различным проявлениям сексуальности, а также определяют формы представления себя другим людям в разнообразных практиках социального взаимодействия. Гендерная идентичность находит свое отражение в поведении и связана с тремя сопряженными базовыми потребностями личности: потребностью в самоактуализации, в расширении границ Я (гетеростатическая модель потребностной сферы); потребностью во внутренней согласованности и сохранении целостности психического (гомеостатическая модель потребностной сферы); потребностью в обретении и поддержании целостности внешнего и внутреннего, объективного и субъективного пространства личности.

Описание методики и выборка

Целью данного исследования выступает выявление специфики отношения педагогов к подростковой сексуальности в соответствии с типом гендерной идентичности.

В рамках нашего исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1) педагоги с различным типом гендерной идентичности имеют специфически различное отношение к проявлениям подростковой сексуальности;

2) тип гендерной идентичности определяет модус отношения педагога к проявлениям подростковой сексуальности.

Для изучения данной проблематики нами был подобран методический инструментарий, включающий в себя тест «Атрибутивное сопровождение общения» (АСО) [29] и методику «Маскулинность–фемининность» С. Бэм [30].

Модифицированный в соответствии с целями нашего исследования тест «Атрибутивное сопровождение общения» (АСО) позволил оценить особенности восприятия педагогами себя и учащихся подросткового возраста как личностей и как субъектов взаимодействия. Автор для оценки модальности отношений использует термин «генерализация восприятия», которая является своеобразной призмой, позволяющей личности оценивать себя и других как личностей и как субъектов взаимодействия. Уровень позитивности генерализации восприятия – достоверный показатель психологического исследования личности, ее отношения к другим людям, так как именно этот индикатор, по мнению А.И. Ташевой, является минимально осознаваемым, фиксирует, скорее, содержание бессознательной подструктуры личности и с трудом контролируется.

Автор предлагает выделение трех основных модальностей атрибуции: физические, социально-экономические, психологические, каждая из которых имеет различную степень выраженности эмоциональной оценочности. При анализе эмоционально-оценочной характеристики восприятия подсчитывается уровень позитивности восприятия респондентом себя и каждого из оцениваемых объектов восприятия: как личности, как субъекта взаимодействия с ним. Затем производится сравнение уровней позитивности восприятия респондентом себя и каждого из оцениваемых, что позволяет оценить качество отношения респондента к себе, к значимым для него людям и наличие (отсутствие) у него актуальных конфликтов во взаимодействии.

Методика «Маскулинность–фемининность» С. Бэм была использована в нашем исследовании для диагностики психологического пола с определением степени андрогинности, маскулинности и фемининности.

Для обработки данных в исследовании были применены методы математической статистики: коэффициент ранговой корреляции Спирмена r , U -критерий Манна–Уитни.

В исследовании приняли участие педагоги средних общеобразовательных учреждений г. Ростова-на-Дону в количестве 40 человек (15 мужчин, 25 женщин), в возрасте 22–56 лет.

Качественно-количественный анализ полученных данных

При исследовании типа гендерной идентичности при помощи опросника С. Бэм нами были получены данные, позволяющие дифференцировать показатели в соответствии с физиологическими и гендерными при-

знаками. Исследуемая группа педагогов была представлена наибольшим числом представителей андрогинного типа (20 человек). В группе педагогов маскулинный тип гендера представлен 1 мужчиной и 9 женщинами, фемининный – 4 мужчинами, 6 женщинами. Показатели по шкале андрогинии в данной группе распределились поровну (10 мужчин, 10 женщин).

Обращает на себя внимание, что для группы педагогов социально-психологические характеристики пола смещаются в сторону проявления полярных поведенческих черт (9 женщин-педагогов с маскулинным типом гендерной идентичности, 4 мужчин – с фемининным). Вероятно, род деятельности также определяет гендерные особенности личности. Для педагогической деятельности характерны высокая ответственность, контролирующая и воспитывающая функции, что сказывается на гендерных характеристиках.

При изучении особенностей отношения педагогов к подростковой сексуальности на основании методики АСО были получены данные, позволяющие выявить характер отношения высказывающегося к заданной проблематике посредством оценки модальности высказывания. Средние значения позитивности направленности атрибуции респондентов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Позитивная направленность атрибуции педагогов в зависимости от пола, %

	Уровень позитивной генерализации восприятия	Респонденты		Средние значения
		Мужчины	Женщины	
1	Общая генерализация восприятия взрослого, имеющего сексуальные связи	82,7	76,3	79,4
2	Я как субъект сексуального взаимодействия	82,7	73,2	77,9
3	Девочка-подросток, имеющая сексуальный опыт, как личность	45	32	38,5
4	Мальчик-подросток, имеющий сексуальный опыт	58	40	49
5	Девочка-подросток, имеющая гомосексуальный опыт	10	0	5
6	Мальчик-подросток, имеющий гомосексуальный опыт	5	0	2,5

В результате было установлено, что максимальный уровень позитивности направленности атрибуции у мужчин наблюдается в отношении взрослого, имеющего сексуальные связи, и самовосприятия сексуальности (82,7%), а также восприятия мальчика-подростка, имеющего сексуальный опыт, как личности (58%).

Нельзя назвать позитивным отношение к подростковой гомосексуальности со стороны мужчин-педагогов. Причем только 1 мужчина-педагог (5%) терпимо относится к однополый любви среди мальчиков-подростков, для девочек же данный вид сексуального поведения допустим с точки зрения 2 мужчин-педагогов (10%).

Женщины-педагоги более консервативны по сравнению с мужчинами. Достаточно высокий уровень генерализации восприятия сексуальности взрослого (76,3%), некоторое снижение при восприятии себя (73,2%). Наибольшую позитивность восприятия женщин-педагогов (40%) вызывает личность мальчика-подростка, имеющего сексуальный опыт, менее терпимое отношение к девочкам (32%) и однозначно отрицательное – к гомосексуальным связям вне зависимости от пола. То есть женщины-педагоги более консервативны в отношении оценки сексуальности подростков, причем девочки-подростки в глазах женщин-педагогов должны придерживаться норм морали, не выходя за рамки общепринятого: время начала половой жизни, гомосексуальные связи – табуированы.

Качественный анализ содержания атрибутивных характеристик, даваемых респондентами, позволяет заключить, что ответы испытуемых имеют различный оценочный диапазон. Так, мужчины чаще оценивали физический и эмоционально-оценочный компонент сексуальности девочек-подростков, причем маскулинный тип акцентировал внимание в большей степени на внешности, фемининный – на психологических особенностях, андрогинный – на эмоциональных чертах личности такого подростка. Что касается оценки мальчиков-подростков с сексуальным опытом, то можно сказать, что в описании больше преобладают социально-экономический и физический аспекты. Гомосексуальная направленность подростков оценивается достаточно терпимо мужчинами, имеющими фемининную и андрогинную направленность (2,5 и 5% – см. табл. 2).

На основании проведенного анализа нами было подсчитано количество формальных и содержательных характеристик атрибуции мужчин-педагогов в соответствии с гендерным типом (табл. 3).

Полученные данные позволяют заключить, что мужчины-педагоги, имеющие маскулинный тип гендерной идентичности, наиболее позитивно оценивают себя как носителя сексуальной роли, уделяя наибольшее внимание описанию физических характеристик своего внешнего облика. Достаточно позитивно мужчины-педагоги оценивают мальчиков-подростков, имеющих сексуальный опыт, акцентируя внимание также на описательных параметрах внешнего облика. Однозначно негативное отношение продемонстрировано представителями данной подгруппы к подросткам-гомосексуалам (практически описание данного явления проигнорировано), также не дано описание девочек-подростков (актуализирована 1 характеристика, касающаяся социально-экономических параметров субъекта отношения). Таким образом, у мужчин-педагогов, имеющих маскулинный тип гендерной идентичности, общий уровень позитивности восприятия мальчика-подростка с сексуальным опытом, так же как и себя, достаточно высок, сексуальное поведение девочки-подростка осуждается, гомосексуальные связи не допускаются.

Мужчины, имеющие фемининный тип гендерной идентичности, в описании себя, кроме позитивных, дают и негативные характеристики («курносый», «жирненький»), к социально-психологическим характери-

стикам личности подростка приписывают ролевые позиции «ученица», «дочка», «отличник» и др. Кроме того, отношение к гомосексуальности также скорее негативное и для мальчиков, и для девочек.

Таблица 3

Распределение формальных и содержательных характеристик атрибуции мужчин-педагогов в соответствии с гендерным типом (по результатам теста АСО)

	Формальные характеристики		Содержательные характеристики			
	Количество слов	Количество характеристик	Физические	Социально-экономические	Психологические	Эмоционально-оценочные
1	Общая генерализация восприятия взрослого					
М	19	15	9 (+)	1 (+)	3 (+)	2 (+)
Ф	77	74	52 (+)	4 (3+/1-)	16 (15+/1-)	4 (2+/2-)
А	87	80	42 (+)	1 (+)	27 (+)	10 (+)
2	Я как субъект сексуального взаимодействия					
М	15	15	15 (+)	–	–	–
Ф	81	80	31 (29+/2-)	6 (5+/1-)	14 (10+/4-)	29 (26+/3-)
А	94	86	33 (+)	5 (+)	18 (17+/1-)	30 (29+/1-)
3	Девочка-подросток, имеющая сексуальный опыт					
М	2	1	–	1 (-)	–	–
Ф	7	6	1 (±)	2 (1+/1-)	–	3 (1+/2-)
А	17	15	4 (+)	1 (+)	7 (5+/2-)	8 (7+/1-)
4	Мальчик-подросток, имеющий сексуальный опыт					
М	8	8	4 (+)	1 (+)	2 (+)	1 (+)
Ф	11	11	8 (5+/3-)	2 (-)	1 (-)	–
А	11	11	4 (+)	1 (+)	5 (+)	1 (+)
5	Девочка-подросток, имеющая гомосексуальный опыт					
М	5	–	–	–	–	–
Ф	8	2	2 (-)	–	–	–
А	9	7	3 (2+/1-)	2 (-)	1 (+)	1 (-)
6	Мальчик-подросток, имеющий гомосексуальный опыт					
М	–	–	–	–	–	–
Ф	2	2	1 (-)	–	–	1
А	5	5	1 (-+)	1 (-)	2 (+)	1 (-)

Примечание. Знаки (+), (-), (±) указывают вектор оценки оцениваемой характеристики; буквенные обозначения: М – маскулинность; Ф – фемининность; А – андрогиния.

Андрогинии-педагоги мужского пола наиболее терпимо относятся к сексуальному поведению и его проявлениям у подростков. Гомосексуальные контакты вызывают больше нейтральные высказывания.

Количество формальных и содержательных характеристик атрибуции женщин-педагогов в соответствии с гендерным типом представлено в табл. 4.

Что касается женщин-педагогов, то они по сравнению с мужчинами оказались более активными в оценке себя и подростков. При описании себя как субъекта сексуального взаимодействия женщины-педагоги маскулин-

ного типа дали однозначно позитивную оценку своему физическому облику, фемининный тип характеризовал себя более лояльно, андрогинны тяготеги к общему позитивному фону при самоописании.

Таблица 4

Распределение формальных и содержательных характеристик атрибуции женщин-педагогов в соответствии с гендерным типом (по результатам теста АСО)

	Формальные характеристики		Содержательные характеристики			
	Количество слов	Количество характеристик	Физические	Социально-экономические	Психологические	Эмоционально-оценочные
1	Общая генерализация восприятия взрослого					
М	31	30	9	5	8	7
Ф	84	78	44	9	19	12
А	83	83	49	8	13	13
2	Я как субъект сексуального взаимодействия					
М	24	22	18 (+)	2 (+)	1 (+)	1 (+)
Ф	103	96	66 (42+/11-/33±)	4 (1+/3-)	24 (20+/4-)	2 (1+/1-)
А	91	88	41 (37+/4-)	1 (+)	23 (+)	23 (+)
3	Девочка-подросток, имеющая сексуальный опыт, как личность					
М	12	11	8 (6+/2-)	1 (+)	1 (-)	1 (+)
Ф	7	6	5 (3+/2-)	-	-	1 (-)
А	14	14	12 (9+/3-)	-	-	2 (+)
4	Мальчик-подросток, имеющий сексуальный опыт					
М	4	4	2 (+)	-	-	2 (+)
Ф	7	7	3 (2-/1+)	-	-	4 (2+/2-)
А	18	14	11 (7+/5-)	-	2 (+)	1 (+)
5	Девочка-подросток, имеющая гомосексуальный опыт					
М	2	2	-	-	-	2 (-)
Ф	13	10	1 (-)	-	1 (-)	8 (-)
А	12	12	4 (1+/3-)	1 (-)	4 (+)	3 (+)
6	Мальчик-подросток, имеющий гомосексуальный опыт					
М	9	9	2 (-)	-	3 (-)	4 (-)
Ф	8	8	3 (-)	2 (-)	1 (-)	2 (-)
А	8	8	2 (-)	1 (-)	1 (-)	4 (1+/3-)

Примечание. Знаки (+), (-), (±) указывают вектор оценки оцениваемой характеристики; буквенные обозначения: М – маскулинность; Ф – фемининность; А – андрогиния.

При оценке подростков оценка женщин-педагогов скорее негативная. Они считают, что раннее начало половой жизни «ни к чему хорошему не приведет», «отвлекает от учебы», «тормозит развитие» и др. Наибольшее количество характеристик (позитивных) при описании подростков женщинами-педагогами с маскулинным типом пришлось на девочек, причем акцент сделан на внешних данных. Обращает на себя внимание, что более позитивно женщины-педагоги оценивают именно девочек и с точки зрения внешности, и выражая общее отношение к такому подростку. Из полученных

данных следует, что эта группа педагогов не жалуется на подростков, имеющих гомосексуальный опыт, что выражается в скудности описаний, а также в их знаке (скорее негативизм). Андрогинный тип также дает либо негативную, либо нейтральную оценку гомосексуальной наклонности подростков.

Следующим шагом в нашем исследовании выступило выявление особенностей атрибуции педагогов в соответствии с гендерным типом. В табл. 5 отражены показатели общего уровня позитивности генерализации восприятия педагогами-мужчинами себя, подростков, имеющих сексуальный опыт, и подростков, имеющих опыт гомосексуальных связей.

Таблица 5

Оценка общего уровня позитивности генерализации восприятия сексуальности педагогами-мужчинами, %

Тест гендерной идентичности	Оцениваемая группа				
	Я как субъект сексуального взаимодействия	Девочка-подросток, имеющая сексуальный опыт	Мальчик-подросток, имеющий сексуальный опыт	Девочка-подросток, имеющая гомосексуальный опыт	Мальчик-подросток, имеющий гомосексуальный опыт
М	100	33,3	45,5	–	–
Ф	87,5	85	100	–	–
А	97,7	100	–	42,8	40

Так, из табл. 5 следует, что наиболее позитивно *мужчины-педагоги* оценивают себя как носителя сексуальных признаков вне зависимости от типа гендерной идентичности. Представители маскулинного типа также позитивно воспринимают подростка с сексуальным опытом своего пола (45,5%). Гомосексуальные контакты считаются респондентами «недопустимой вольностью и в подростковом, и в любом другом возрасте». В целом можно сказать, что педагоги-мужчины с маскулинным типом гендерной идентичности не приветствуют начало половой жизни в подростковом возрасте и осуждают гомосексуальные связи.

Для данной группы с фемининным типом гендера также совершенно отрицается гомосексуальный опыт подростка независимо от пола, но в целом не отрицается и не осуждается раннее начало половой жизни (для мальчиков 100% допустимость, для девочек – 85%).

Андрогинны позитивно оценивают девочек, имеющих сексуальный опыт, игнорируют оценку личности мальчиков-подростков с наличием сексуального опыта, но терпимы к подросткам-гомосексуалам обоего пола.

Женщины-педагоги маскулинного и андрогинного типов наиболее позитивно оценивают себя как носителя сексуальных признаков. Фемининный тип в 67,6% случаев характеризует себя в позитивных описаниях. Женщины-педагоги маскулинного типа 100% позитивно оценивают свое отношение к мальчикам-подросткам, имеющим сексуальный опыт, девочек-подростков – в 72,7%, что также указывает на достаточно высокий уровень позитивности восприятия сексуальности. Данная подгруппа игно-

рирует демонстрацию своего отношения к гомосексуальным связям подростков, что указывает на крайнюю степень негативизма.

Женщины-педагоги фемининного типа амбивалентны в отношении оценки ранних сексуальных связей, причем в отношении мальчиков – более категоричны.

Женщины-педагоги с андрогинным типом гендерной идентичности наиболее терпимы в отношении гомосексуальных связей подростков. По их мнению, для девочек этот опыт допустим в 66,7% случаев, в отличие от мальчиков (12,5%), отношение к гомосексуальному поведению которых у данной подгруппы педагогов тяготеет к негативному.

При оценке качества атрибуции при восприятии педагогами отдельных характеристик подростковой сексуальности нами было установлено, что *мужчины* с маскулинным и фемининным типом гендерной идентичности позитивно оценивают как себя, так и подростка своего пола, имеющего сексуальный опыт, акцентируя внимание на физических характеристиках. Остальные параметры оцениваются либо негативно, либо игнорируются. Фемининный тип также дает оценку психологическим и эмоциональным характеристикам подростка, причем психологически себя и подростка оценивает почти на равных, эмоционально-оценочная характеристика отношения к себе значительно выше (93,5 и 33,3%). Андрогинны наиболее терпимы к проявлениям сексуальности подростков, позитивно оценивая эти проявления. Несмотря на высокую позитивность восприятия психологических качеств подростков, имеющих гомосексуальный опыт, оценочный регистр их проявлений сексуальности у данной группы респондентов отсутствует.

В группе *женщин-педагогов* оценочные характеристики отличаются от показателей предыдущей группы. Так, женщины с маскулинным типом гендерной идентичности позитивно оценивают свои физические параметры, мальчика-подростка и девочки. Наряду с позитивным описанием девочке приписываются и негативные характеристики физического облика: «лохматая», «вульгарная», «юбки понапялят, ноги выставят» и др. Тем не менее идеальный образ, обусловленный психологическими характеристиками, женщины-педагоги связывают с собой, при этом все остальные оцениваемые категории ими игнорируются. К гомосексуальному опыту подростков однозначно негативное отношение, что выражено в игнорировании высказывания отношения к ним. Можно сказать, что фемининный тип женщин-педагогов негативно относится к сексуальной жизни подростков.

Женщины-педагоги андрогинного типа более терпимы к проявлениям подростковой сексуальности, но в их отношении к мальчикам и девочкам все-таки имеется различие. Так, отношение к мальчикам-гомосексуалам – негативное (в основном игнорирование демонстрации отношения), у девочек с гомосексуальным опытом позитивное отношение наблюдается в оценке психологических и эмоциональных характеристик. Характеристики физических параметров каждой из оцениваемых категорий тяготеют к позитивности (кроме мальчиков-подростков с гомосексу-

альным опытом), причем оценка внешности девочек с сексуальным опытом выше, чем мальчиков (75 и 63,6%).

В целом можно отметить, что мужчины-педагоги продемонстрировали более позитивное отношение к проблеме раннего начала половой жизни, а женщины-педагоги – терпимость в отношении к гомосексуальным связям подростков.

Обсуждение результатов

Необходимо отметить, что предметного рассмотрения проблемы отношения педагогов к подростковой сексуальности в зависимости от типа гендерной идентичности недостаточно, и данная проблема выступает потенциально обширным полем для дальнейших исследований. Данные, полученные в рамках изучаемой темы, не противоречат теоретическим взглядам ученых, занимающихся проблемами гендерной психологии, формированием идентичности, специфики отношений субъектов в системе «педагог–ученик», а также системы отношений субъектов образовательного процесса.

В исследованиях Л. Понтон и М.И. Кошеновой основной акцент делается на том, что сексизм, полоролевые стереотипы пронизывают процесс воспитания ребенка – он начинает проявляться с момента рождения, задавая разные направления развития девочкам и мальчикам: мальчика готовят к тому, что он должен всегда добиваться успеха; девочку – показывать свою несостоятельность и беспомощность. Уверенность в себе, внутренний контроль не становятся значимыми ценностными ориентациями, девочка, девушка, женщина часто сомневается в том, что она может и должна делать. В частности, в работах данных исследователей речь идет о роли воспитателя в формировании поведенческих полоролевых стереотипов [31, 32]. Тема отношения воспитателя к проявлениям сексуальности воспитанников в исследовании не рассматривалась.

Л.В. Попова также отмечает, что семейное воспитание закладывает предпосылки разного самовосприятия ребенка и формирует его самоотношение, что сказывается на становлении гендерной идентичности и косвенно влияет на формирование половой идентичности [33]. С раннего детства девочек ориентируют на межличностные отношения, на других людей. Благодаря этому у них развивается высокая чувствительность к отношениям и ожиданиям других людей, особенно к мнению значимых людей. Девочки быстро понимают, чего ждет от них учитель, какое поведение одобряется. Высокоразвитая способность к социальной адаптации толкает девочек на то, чтобы соответствовать модели поведения, которую прямо или косвенно поощряет учитель. Поведение мальчика, по мнению Л.В. Поповой, развивается по иному сценарию: он сразу пытается продемонстрировать свои умения, знания, достижения [33]. Специфичность формирования отношения взрослого к становлению гендерной и половой идентичности воспитанников в рамках данных исследований не рассматривается.

В нашем исследовании отношения педагогов к подростковой сексуальности в зависимости от типа гендерной идентичности было установлено, что мужчины-педагоги продемонстрировали более позитивное отношение к проблеме раннего начала половой жизни, а женщины-педагоги – терпимость в отношении к гомосексуальным связям подростков. Также в работе были обнаружены следующие статистически значимые корреляционные связи при установлении статистических зависимостей между модальностью отношения педагогов к подростковой сексуальности и типом гендерной идентичности.

Так, нами установлено, что чем выше оценка собственного физического облика у педагогов-мужчин *маскулинного типа*, тем выше они оценивают внешность мальчика-подростка, имеющего сексуальный опыт ($r = 0,49$, $p < 0,05$), психологические особенности ($r = 0,46$, $p < 0,05$) и социально-экономический статус ($r = 0,69$, $p < 0,01$).

Чем выше женщины-педагоги *маскулинного типа* оценивают свои физические параметры, тем выше их оценка физического облика мальчиков-подростков ($r = 0,67$, $p < 0,04$) и девочек, имеющих сексуальный опыт ($r = 0,61$, $p < 0,01$). Только социально благополучные девочки, по мнению данной подгруппы педагогов, не очень выделяющиеся внешне ($r = -0,41$, $p < 0,05$), могут начинать раннюю половую жизнь ($r = 0,4$, $p < 0,04$).

Чем выше педагоги-мужчины с *фемининным типом* оценивают свои психологические качества, тем ниже их эмоционально-оценочное отношение к девочкам-подросткам, имеющим сексуальный опыт ($r = -0,55$, $p < 0,02$). В прямой корреляционной зависимости находятся показатели женщин-педагогов между позитивностью восприятия своих физических характеристик, внешности девочек ($r = 0,68$, $p < 0,02$) и эмоциональным отношением к мальчикам-подросткам, имеющим сексуальный опыт ($r = 0,57$, $p < 0,01$).

Чем позитивнее андрогинный тип педагогов-мужчин оценивает свою внешность, тем позитивнее относится к внешности девочек ($r = 0,56$, $p < 0,02$) и мальчиков ($r = 0,48$, $p < 0,04$), имеющих сексуальный опыт, а также позитивнее описывает внешние характеристики девочек-подростков, имевших гомосексуальные контакты ($r = 0,55$, $p < 0,02$).

Между педагогами мужчинами и женщинами обнаружены статистически значимые различия в восприятии собственных физических, психологических и социально-экономических и эмоционально-оценочных характеристик в соответствии с гендерным типом. Мужчины-педагоги андрогинного типа статистически значимо чаще дают позитивные описательные характеристики психологических качеств ($U = 338$, $p < 0,05$), а женщины – эмоционально-оценочных ($U = 344$, $p < 0,05$). В целом мужчины-педагоги андрогинного типа статистически значимо чаще, чем женщины-андрогины, используют психологические качества при описании себя ($U = 336$, $p < 0,02$).

Мужчины-андрогины статистически значимо чаще акцентируют внимание на социально-экономических характеристиках мальчиков и девочек ($U = 344$, $p < 0,05$). В целом женщины-андрогины статистически значимо более позитивно относятся к гомосексуальным связям подростков

($U = 332, p < 0,02$) и менее позитивно как к своим физическим параметрам, так и к подростковым ($U = 416, p < 0,05$).

Таким образом, в рамках нашего исследования установлено, что педагоги разного пола с различным типом гендерной идентичности имеют специфически различное отношение к проявлениям подростковой сексуальности, а тип гендерной идентичности определяет модус отношения педагогов к ее проявлениям. Независимо от пола и типа гендера педагоги имеют однозначно негативное отношение к подросткам, имеющим гомосексуальный опыт.

Выводы

Гендерный подход в образовании предполагает, что различия в поведении и воспитании детей разного пола определяются не столько их физиологическими, биологическими, анатомическими особенностями, сколько социально-культурными факторами. Для понимания и профессионального участия в процессе гендерной социализации ребенка педагогу необходим соответствующий методологический аппарат, содержащий систему научных знаний о гендере, педагогических аспектах воспитания и образования как гендерных технологиях, факторах, условиях и критериях эффективной гендерной социализации школьников.

В ходе нашего исследования было выявлено, что педагоги мужчины и женщины с различным типом гендерной идентичности имеют специфически различное отношение к проявлениям подростковой сексуальности.

Данная специфичность выражается в том, что *педагоги-мужчины*: 1) маскулинного типа демонстрируют свое отношение к мальчикам-подросткам, имеющим сексуальный опыт, проецируя напрямую все свои характеристики на эту категорию подростков; 2) фемининный тип выражает к девочкам-подросткам, имеющим сексуальный опыт, нейтрально-негативное отношение, позитивно оценивая внешние характеристики мальчиков той же подгруппы; 3) андрогины в общем позитивно оценивают все рассматриваемые категории подростков, учитывая позитивность восприятия психологических характеристик подростков с гомосексуальным опытом. *Женщины-педагоги*: 1) маскулинного типа позитивно внешне оценивают себя и подростка противоположного пола, а также демонстрируют эмоциональное принятие подростков обоего пола, имеющих сексуальный опыт; 2) фемининный тип педагогов-женщин тяготеет к позитивной оценке своей внешности и девочки-подростка, нелестно отзываясь о внешности мальчиков; 3) андрогины-женщины акцентируют свое внимание на физических параметрах почти всех оцениваемых групп подростков (исключая мальчиков-гомосексуалов), а также на своем эмоционально-позитивном отношении к ним.

Также в рамках проведенного исследования доказано, что тип гендерной идентичности определяет модус отношения педагогов к проявлениям подростковой сексуальности. Так, нами выявлено, что маскулинный тип наиболее сдержан в выражении отношения к подростковой сексуаль-

ности, акцентируя внимание в основном на внешних характеристиках; андрогинный тип наиболее лоялен в оценке психологических и эмоционально-оценочных характеристик всех исследуемых подгрупп подростков. Независимо от пола и типа гендера педагоги имеют однозначно негативное отношение к подросткам, имеющим гомосексуальный опыт.

Таким образом, проведенное исследование расширяет имеющиеся представления о сексуальном поведении человека и взаимосвязи отношения личности к сексуальности с типом гендерной идентичности. Результаты проведенного исследования также могут быть полезны при дальнейшем изучении гендерных аспектов поведения личности, в том числе отношения к сексуальности в соответствии с типом гендерной идентичности в системе отношений «учитель–ученик», а также особенностей формирования отношения к Другому с учетом типа гендерной идентичности.

Литература

1. Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия современной социализации и перспективы гендерной педагогики // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика. Мурманск, 2001. Ч. 1. С. 25–32.
2. Задорожная О.В. Актуализация потенциальных возможностей субъекта в системе высшего образования // Научно-международная конференция. Степанокерт : Университет Месроп МАШТОС, 2012.
3. Луковицкая Е.Г. Сексуальность: стереотипы и реальность. СПб. : Речь, 2004.
4. Рубин Г. Размышления о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Введение в гендерные исследования: хрестоматия. Ч. 2. СПб. : Алетейя, 2001.
5. Джерард Д. Сексуальность человека // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2003. С. 788–790.
6. Даймонд М. Сексуальность: ориентация и идентичность // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2003. С. 790–793.
7. Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. СПб. : Питер, 2001. 688 с.
8. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
9. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984. 335 с.
10. Кон И.С. Введение в сексологию. М. : Медицина, 1989.
11. Орлов Ю.М. Половое развитие и воспитание. М. : Просвещение, 1993. 239 с.
12. Каган В.Е. Стереотипы мужественности–женственности и образ Я у подростков // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 53–62.
13. Руководство по сексологии / под ред. С.С. Либиха. СПб. : Питер, 2001. 480 с.
14. Мастерс У., Джонсон В. Мастерс и Джонсон о любви и сексе : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Ретур, 1991. 264 с.
15. Кон И.С. Открытие «Я». М. : Политиздат, 1978.
16. Реброва Н.П. Гендерный аспект взаимосвязи биологических и психологических характеристик личности // Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб. : Питер, 2003. С. 56–70.
17. Клецина И.С. О проблемах гендерной психологии // Мир психологии. 2001. № 4. С. 162–190.
18. Задорожная О.В., Федотова О.Д. Одиночество как экзистенциальный феномен: историко-педагогический контекст. М. : АПК и ППРО, 2010.

19. Румянцева П.В. Гендерная идентичность // Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб. : Питер, 2003. С. 171–177.
20. Воронцов Д.В. Гендерный аспект представлений о подростковой гомосексуальности в системе отношений личности у педагогов-женщин // Профессиональные представления: теория и реальность. Ростов н/Д : Изд-во ПИ ЮФУ, 2008.
21. Novokhatko E., Azarova E.A., Zhulina G.N., Mozgovaja N.N., Shevyreva E.G. Submissions of a Teacher by Modern Russian Pupils // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 6. S. 7.
22. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Питер, 1997.
23. Лопухова О.Г. Психологический пол личности // Прикладная психология. 2001. № 3. С. 57–67.
24. Клецина И.С. От психологии пола – к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 61–78.
25. Каган В.Е. Семейные и полоролевые установки у подростков // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 54–61.
26. Гусева Ю.Е. Гендерная социализация // Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб. : Питер, 2003. С. 85–90.
27. Новохатько Е.Н. Становление профессионального мышления в процессе подготовки психологов-консультантов // Психология обучения. 2011. № 8. С. 92–99.
28. Рыданова И.И. Основы педагогики общения. Минск, 1998. 319 с.
29. Ташёва А.И. Опросник «Атрибутивное сопровождение общения» («АСО»): энциклопедический словарь по психологии общения / под ред. А.А. Бодалёва. М. : Изд-во Психологического института РАО, 2011. С. 478–479.
30. Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности–фемининности: практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб., 2003. С. 277–280.
31. Кошенова М.И. Влияние гендерных стереотипов на качество межличностного общения // Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб. : Питер, 2003. С. 185–195.
32. Понтон Л. Сексуальная жизнь подростков: Открытие тайного мира взрослеющих мальчиков и девочек. М. : Изд-во Института психотерапии, 2001. С. 259–265.
33. Попова Л.В. Психологические исследования и гендерный подход // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 119–130.

Поступила в редакцию 01.03.2016 г.; повторно 17.04.2016 г.; принята 26.04.2016 г.

Сведения об авторах:

ЗАДОРОЖНАЯ Оксана Владимировна, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Ростовского государственного университета путей сообщения (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: ksanic03@yandex.ru

НОВОХАТЬКО Елена Николаевна, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: elenanovok@yandex.ru

THE ATTITUDE OF TEACHERS TOWARDS ADOLESCENT SEXUALITY IN ACCORDANCE WITH THE TYPE OF GENDER IDENTITY

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 181–202. DOI: 10.17223/17267080/60/13

Zadorozhnaya Oksana V. Rostov State University of Railways (Rostov-on-don, Russian Federation). E-mail: ksanic03@yandex.ru

Novokhatko Elena N., Southern Federal University (Rostov-on-don, Russian Federation). E-mail: elenanovok@yandex.ru

Keywords: gender; masculinity; femininity; androgyny; sexuality; gender role; gender identity; gender approach in education.

Research objective. The purpose of this study was to identify the specifics of the attitude of teachers towards adolescent sexuality in accordance with the type of gender identity. To explore this issue we selected methodological tools, consisting of test “Attribute support communication” and methods of “Masculinity – femininity” by S. Bem. The study involved teachers of average educational institutions of Rostov-on-don in the amount of 40 people (15 men, 25 women), aged from 22 to 56.

Results. Based on the qualitative analysis of the content of attributive characteristics given by the respondents we can conclude that the responses of subjects had different evaluation range. In general, it can be noted that male teachers showed more positive attitude towards the problem of early sexual activity; and female teachers showed tolerance towards homosexual teenagers.

Conclusions. We revealed that teachers with different types of gender identity had specifically different attitude towards adolescent sexuality. This specificity is reflected in the fact that male teachers of a masculine type showed the relation to the boys who had sexual experiences, identifying directly all their characteristics to this category of adolescents; feminine type expressed neutral-negative attitude to adolescent girls who had sexual experience, positively assessing the external characteristics of boys of the same subgroup; androgynous in general were positive towards all the categories of teenagers, given the positive perception of the psychological characteristics of adolescents with homosexual experiences. Female teachers of a masculine type perceived themselves and the adolescent of the opposite sex externally positive (100%), as well as they demonstrated the emotional acceptance of adolescents of both sexes who had sexual experience; feminine type of female teachers tended to positive assessment of their appearance and teenage girls, showing negative attitude towards appearance of the boys; androgynous women focused on the physical parameters of almost all assessed groups of teenagers (excluding homosexuals boys), as well as they focused on their emotionally positive attitude towards them.

References

1. Pushkareva, N.L. (2001) Gendernaya asimetriya sovremennoy sotsializatsii i perspektivy gendernoy pedagogiki [The gender asymmetry of modern socialization and gender perspectives of pedagogy]. In: Shtyleva, L.V. (ed.) *Gendernyy podkhod v doshkol'noy pedagogike: teoriya i praktika* [Gender approach in pre-school pedagogy: Theory and practice]. Murmansk: OU KRTsDOiRZh. pp. 25-32.
2. Zadorozhnaya, O.V. (2012) *Aktualizatsiya potentsial'nykh vozmozhnostey sub"ekta v sisteme vysshego obrazovaniya* [Realisation of the individual's possibilities in higher education]. International Research Conference. Stepanokert: Yerevan Mesrop Mashtots University.
3. Lukovitskaya, E.G. (2004) *Seksual'nost': stereotipy i real'nost'* [Sexuality: Stereotypes and reality]. St. Petersburg: Rech'.
4. Rubin, G. (2001) Razmyshleniya o sekse: zametki o radikal'noy teorii seksual'nykh politik [Thinking Sex: Notes on the theory of radical sexual politics]. In: Zherebkina, I.A. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. St. Petersburg: Al-eteyya.
5. Gerard, D. (2003) Seksual'nost' cheloveka [Human sexuality]. In: Korsini, R. & Auerbakh, A. (eds) *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Psychological Encyclopedia]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter. pp. 788-790.
6. Daymond, M. (2003) Seksual'nost': orientatsiya i identichnost' [Sexuality: Orientation and identity]. In: Korsini, R. & Auerbakh, A. (eds) *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Psychological Encyclopedia]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter. pp. 790-793.
7. Leybin, V.M. (2001) *Slovar'-spravochnik po psikhoanalizu* [The Dictionary of Psychoanalysis]. St. Petersburg: Piter.

8. Petrovsky, A.V. & Yaroshevsky, M.G. (eds) (1990) *Psikhologiya: slovar'* [Psychology: Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
9. Kon, I.S. (1984) *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In Search of Self: Personality and Its Identity]. Moscow: Politizdat.
10. Kon, I.S. (1989) *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to Sexology]. Moscow: Meditsina.
11. Orlov, Yu.M. (1993) *Polovoe razvitie i vospitanie* [Sexual Development and Education]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Kagan, V.E. (1989) Stereotypy muzhestvennosti – zhenstvennosti i obraz Ya u podrostkov [Stereotypes of masculinity – femininity and self-image of adolescents]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 53-62.
13. Liebig, S.S. (2001) *Rukovodstvo po seksologii* [Guidance on Sexuality]. St. Petersburg: Piter.
14. Masters, W. & Johnson, W. (1991) *Masters i Dzhonson o lyubvi i sekse* [Masters and Johnson about Love and Sex]. Translated from English by N.M. Pivovarenok & T.P. Romanova. St. Petersburg: Retur.
15. Kon, I.S. (1978) Otkrytie “Ya” [The discovery of the “I”]. Moscow: Politizdat.
16. Rebrova, N.P. (2003) Gendernyy aspekt vzaimosvyazi biologicheskikh i psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti [The gender dimension of the relationship of biological and psychological characteristics of the personality]. In: Kletsina, I.S. (ed.) *Praktikum po gendernoy psikhologii* [Workshop on Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter. pp. 56-70.
17. Kletsina, I.S. (2001) O problemakh gendernoy psikhologii [On the problems of gender psychology]. *Mir psikhologii*. 4. pp. 162-190.
18. Zadorozhnaya, O.V. & Fedotova, O.D. (2010) *Odinchestvo kak ekzistentsial'nyy fenomen: istoriko-pedagogicheskiy kontekst* [Loneliness as an existential phenomenon: The Historical and Pedagogical Context]. Moscow: APK i PPRO.
19. Rumyantseva, P.V. (2003) Gendernaya identichnost' [Gender Identity]. In: Kletsina, I.S. (ed.) *Praktikum po gendernoy psikhologii* [Workshop on Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter. pp. 171-177.
20. Vorontsov, D.V. (2008) Gendernyy aspekt predstavleniy o podrostkovoy gомoseksual'nosti v sisteme otnosheniy lichnosti u pedagogov-zhenshchin [The gender dimension of representations of teenage homosexuality in the system of relations in female teachers]. In: Rogov, E.I. (ed.) *Professional'nye predstavleniya: teoriya i real'nost'* [Professional Representations: Theory and Reality]. Rostov on Don: Pedagogical Institute of South Federal University .
21. Novokhatko, E., Azarova, E.A., Zhulina, G.N., Mozgovaya, N.N. & Shevyreva, E.G. (2015) Submissions of a Teacher by Modern Russian Pupils. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 6(6). p. 7. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s7p18
22. Myers, D. (1997) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Translated from English by V. Gavrilov, S. Shpak, S. Melenevskaya, D. Viktorova. St. Petersburg: Piter.
23. Lopukhova, O.G. (2001) Psikhologicheskiy pol lichnosti [Psychological gender of the person]. *Prikladnaya psikhologiya*. 3. pp. 57-67.
24. Kletsina, I.S. (2001) Ot psikhologii pola – k gendernym issledovaniyam v psikhologii [From the psychology of sex to the gender studies in psychology]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 61-78.
25. Kagan, V.E. (1987) Semeynye i polorolevye ustanovki u podrostkov [Family and sex-role attitudes in adolescents]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 54-61.
26. Guseva, Yu.E. (2003) Gendernaya sotsializatsiya [Gender Socialisation]. In: Kletsina, I.S. (ed.) *Praktikum po gendernoy psikhologii* [Workshop on Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter. pp. 85-90.
27. Novokhatko, E.N. (2011) Stanovlenie professional'nogo myshleniya v protsesse podgotovki psikhologov-konsultantov [Formation of professional thinking in the process of

- preparation of counselors]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 8. pp. 92-99.
28. Rydanova, I.I. (1998) *Osnovy pedagogiki obshcheniya* [Basics of communicative pedagogy]. Minsk: Belaruskaya navuka.
 29. Tashcheva, A.I. (2011) *Oprosnik "Atributivnoe soprovozhdenie obshcheniya" ("ASO"): entsiklopedicheskiy slovar' po psikhologii obshcheniya* [The Questionnaire "Attributable support of communication" ("ASC"): Encyclopedia of Communicative Psychology]. Moscow: Russian Academy of Sciences. pp. 478-479.
 30. Bem, S. (2003) *Voprosnik Sandry Bem po izucheniyu maskulinnosti – femininnosti* [Sandra Bem's Questionnaire for the Study of Masculinity – Femininity]. In: Kletsina, I.S. (ed.) *Praktikum po gendernoy psikhologii* [Workshop on Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter. pp. 277-280.
 31. Koshenova, M.I. (2003) *Vliyanie gendernykh stereotipov na kachestvo mezhlchnostnogo obshcheniya* [The impact of gender stereotypes on the quality of interpersonal communication]. In: Kletsina, I.S. (ed.) *Praktikum po gendernoy psikhologii* [Workshop on Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter. pp. 185-195.
 32. Pontoon, L. (2001) *Seksual'naya zhizn' podrostkov: Otkrytie taynogo mira vzrosleyushchikh mal'chikov i devochek* [Adolescent Sexuality: Opening of the Secret World of Maturing Boys and Girls]. Translated from English by E. Kasimov. Moscow: Institute of Psychotherapy. pp. 259-265.
 33. Popova, L.V. (1999) *Psikhologicheskie issledovaniya i gendernyy podkhod* [Psychological research and gender approach]. In: Khotkina, Z.A., Pushkareva, N.L. & Trofimova, E.I. (eds) *Zhenshchina. Gender. Kul'tura* [Woman. Gender. Culture]. Moscow: MTsGI. pp. 119-130.

Received 01.03.2016;

Revised 17.04.2016;

Accepted 26.04.2016